

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов

МИГРАЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**Ресурс государственно-
общественного партнерства в России**

Под редакцией академика В.А. Тишкова

Москва 2019

УДК 316.7: 323: 394
ББК 63.529: 66.3(2Рос)
М57

*При поддержке гранта Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов (18-1-002116)*

Авторский коллектив:

*Тишков В.А., Барышная Н.А., Кульбачевская О.В., Мартыненко А.В.,
Мартынова Е.П., Мокин К.С., Подлесных О.Н., Савин И.С.,
Степанов В.В., Черных А.В.*

М57 Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России. Под редакцией академика В.А. Тишкова. – М., 2019. – 261 С.

Представлены результаты исследования миграционных отношений в регионах России в целях улучшения взаимной информированности мигрантов и местных жителей, содействия конструктивному сотрудничеству в миграционной сфере местных органов власти, органов самоуправления и общественных организаций, оптимизации организационных и иных затрат на социально-культурную адаптацию и интеграцию мигрантов и недопущения миграционных конфликтов.

Для специалистов в области государственной национальной, миграционной, языковой и образовательной политики, ученых гуманитарной сферы и представителей общественных организаций этнокультурной направленности.

УДК 316.7: 323: 394
ББК 63.529: 66.3(2Рос)

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2019
© Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (ЕАВАРН), 2019

Содержание

Введение. Между тревогами и реалиями миграционного управления	4
1. Мониторинг общественного восприятия миграции и конфликтный потенциал миграционных отношений в России	16
2. Мнение экспертов. Потенциал государственно-общественного сотрудничества в миграционной сфере	27
3. Мнение населения. Отношение к адаптации и интеграции мигрантов в регионах России	92
4. О подходах нормативного закрепления этнологической экспертизы в части оценки интеграционных возможностей	226
5. Рекомендации по предупреждению миграционных конфликтов	247

ВВЕДЕНИЕ

Между тревогами и реалиями миграционного управления

Сеть этнологического мониторинга (ОО «Содействие осуществлению этнологического мониторинга и раннему предупреждению конфликтов») является одной из старейших в России общественно-научных организаций, которая более двадцати лет занимается вопросами мониторинга межнациональных отношений в тесном сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук. С 2018 г. при поддержке Фонда президентских грантов (№ 18-1-002116) Сеть этномониторинга реализует научно-прикладное исследование «Миграция и межнациональные отношения: государственно-общественное партнерство по адаптации и интеграции мигрантов в регионах России».

В этом исследовании впервые разделены два таких важных понятия российской миграционной политики и законодательства, как адаптация и интеграция мигрантов, хотя они тесно связаны и на практике пока еще используются как одно понятие. Второе: выделены институты гражданского общества как самостоятельные субъекты миграционной политики, и поэтому важнейшая для проекта тема – сотрудничество в этой сфере органов власти и общественности. Важно оценить возможности такого сотрудничества. В этом направлении специалистами и политиками пока было сделано мало. В чем суть проблемы? Трудовые мигранты в России, прибывая из других государств, сталкиваются не только с проблемой поиска работы и обустройства, они попадают в новую общественную и культурную среду, которая требует адаптации. Успешность адаптации, т.е. освоение необходимых знаний о стране, правовых норм, правил поведения,

обязанностей и прав временного жителя во многом зависит не только от официальной миграционной политики, но и от отношения местных жителей к приезжим. Исследования показывают, что численность, темпы и состав мигрантов, хотя и важны, но в современных условиях России не являются главными. Решающую роль играет процесс интеграции, т.е. бесконфликтное сочетание местной и привносимой культуры. И здесь особое значение имеет настрой местных жителей на восприятие и принятие миграции.

В западноевропейских государствах, где под интеграцией исключительно понимается адаптация, а общественное мнение заменено штампами политкорректности, за последние годы резко умножились политические разногласия и возросла опасность миграционных конфликтов. Россия, как одна из принимающих большое количество зарубежных мигрантов, имеет сходные проблемы, но и важную особенность – преобладание мигрантов из бывших советских республик, которые были одной страной и до сих пор сохраняют гуманитарные, культурные, семейные, политические и экономические связи с Россией. Понимание россиянами того, что в нашу страну прибывают бывшие соотечественники, существенно ограничивает ксенофобскую риторику. Это выгодно отличает Россию от многих западноевропейских государств.

Знание реальных общественных настроений важно и для россиян, и для мигрантов, оно улучшает общественный климат вокруг проблемы трудовой миграции, способствует адекватному управлению процессами адаптации и интеграции. Научный проект рассматривает интеграцию как процесс подготовки иностранного мигранта к постоянному проживанию в России с перспективой гражданства. Этот процесс включает в себя не только овладение мигрантами русским языком, знание основ российской Конституции и других правовых норм, но также развитие позитивного отношения к России, ознакомление с ее историей, уважение и восприятие российской культуры. Он также предполагает ознакомление местных жителей с культурой мигрантов.

В России 1990-х иммиграция отчасти компенсировала кризисные явления допопуляции, поддержала экономику страны за счет восполнения недостающих рабочих рук. Эти процессы восполнения актуальны для страны и сегодня в дополнение к имеющимся внутренним ресурсам.

* * *

Для каждого государства миграция – это всегда сочетание позитивных и негативных процессов. Не бывает миграции только как негативного или только как позитивного явления. Все развитые на протяжении двух последних столетий получали одновременно выгоды и проблемы от миграции и постоянно указывали, что выгоды преобладают (США, Канада, Австралия, Германия, Великобритания, Франция). Не бывает ситуаций, когда миграция отсутствует в повседневной жизни государства, тем более, такого крупного государства как Россия. Наша страна на протяжении кризисного послесоветского десятилетия благодаря миграции восполнила значительную часть демографических потерь и продолжает восполнять до настоящего времени.

Между тем, за последние годы все чаще можно слышать о «безусловном» вреде миграции. Одна из причин – это так называемые миграционные «тревоги» из западноевропейских государств особенно возросшие с 2015 г., когда резко возрос поток т.н. беженцев в Европу из ближневосточных и североафриканских государств. Сформировался целый перечень ложных представлений, которые оказывают влияние на массовую аудиторию, на законодателей и представителей исполнительной власти. Распространяются мифы о том, что «потоки мигрантов нарушают стабильность в принимающих государствах», что появление мигрантов «приводит к снижению уровня жизни коренного населения», «способствует возникновению межэтнических конфликтов», «способствует росту преступности», что из-за мигрантов «распространяются терроризм, наркотики, эпидемии», что «миграция – это одна из технологий "гибридных войн"».

Подобные умозаключения обывателям кажутся «очевидными» только потому, что человеческой природе свойственно верить в угрозы, даже если они мнимые. На самом деле нет ни одного серьезного научного подтверждения правдивости мифов, тогда как обратных примеров и доказательств – предостаточно.

Тезис о том, что мигранты усиливают криминогенность, должен был бы подтвердиться тем, что в субъектах РФ, в которых приток мигрантов сильнее, выше и показатели преступности. Однако регионы с большим количеством мигрантов, такие как Москва, области Оренбургская, Самарская, Белгородская и др. – отнюдь не являются криминальными «лидерами» по удельным показателям. Зато иные регионы, в которых фактически нет притока мигрантов, и, более того, наблюдается значительный отток местных жителей – эти регионы как раз первые по показателям преступности – таковы Курганская обл., Бурятия, Тува, Забайкальский край, а в европейской части – области Ивановская, Вологодская, Псковская. Если смотреть, в каких регионах наихудшие показатели смертности от насилия, то опять же, эти показатели выше в регионах, где нет массового притока иностранных трудовых мигрантов – Тува, Забайкалье, Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, а в центральной России, например, Рязанская область. Вместе с тем, в миграционно активных регионах данный показатель на уровне среднего по стране или ниже.

По количеству краж в расчете на душу населения в лидерах, например, Забайкальский край,¹ но там приток мигрантов незначительный, также этот вид преступлений распространен в непривлекательных для мигрантов Бурятии, Хакасии. А в привлекательных Белгородской, Оренбургской областях уровень краж ниже среднего по стране, в Москве – немногим выше среднего. По количеству грабежей, в удельном исчислении, также среди «лидеров» числятся непривлекательные для мигрантов регионы, в частности, Забайкальский край, Бурятия, где

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015, 2016, 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015, 2016, 2017.

грабежей в два или почти в два раза больше, чем в среднем по стране. В Москве этот показатель выше среднероссийского уровня в 1,4 раза, в Оренбургской области – равен среднему уровню, а в Белгородской – в 2 раза ниже среднего.

Количество преступлений в сфере оборота наркотиков в расчете на душу населения является высоким в Туве и Бурятии, где приток мигрантов минимален – соответственно в этих республиках показатели выше среднероссийского в 2 и 1,5 раза. А в привлекательных для мигрантов Москве, Оренбургской области уровень наркопреступности ниже среднероссийского, в Белгородской области – в два раза ниже.

Заметим, что никакие показатели уровня преступности, если их рассматривать в динамике за разные годы, не подтверждают мнение о том, что в миграционных регионах преступность растет опережающими темпами. Так, из всех регионов Приволжского федерального округа заметный прирост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков,² отмечен в Кировской области и Чувашии, хотя как раз там нет массового притока мигрантов.

Сегодня может казаться правдивым миф о том, что мигранты нарушают стабильность в принимающих государствах. Действительно, часть государств Евросоюза в 2015 и 2016 гг. выразила обеспокоенность притоком из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Но наибольшему миграционному давлению подверглись «окраинные», не самые стабильные в экономическом отношении государства, такие как Греция, Македония, Сербия, Венгрия (последняя переориентировалась на политику радикального ограничения приема мигрантов). Однако ни в одном из этих государств из-за миграционного кризиса не возникли серьезные политические коллизии, ни одна правящая партия не потеряла места в парламентах, ни одно правительство не сложило свои полномочия из-за мигрантов, а в экономике этих государств не было катастрофических перемен. Возникшая «не-

² Это официальные сведения за 2013 и 2014 гг., см.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015, с. 460.

стабильность» связана не с миграцией, а с проблемой эффективного управления в этих европейских государствах. Оказавшись на пути миграционной волны, правительства осознали, что, будучи связанными общеевропейскими обязательствами, не могут и даже не способны самостоятельно принимать адекватные решения. В данном случае миграционный накат сыграл, скорее, положительную роль, показав странам Западной Европы, насколько важно сохранять государственный контроль в пределах собственных суверенных границ. Не было бы миграции, рано или поздно иная причина выявила бы остроту управленческого кризиса.

Тезис о том, что наплыв мигрантов заставляет беднеть местное население также является вымыслом. Разговоры о «возможной нагрузке в будущем» на социальную инфраструктуру заставляют верить обывателей в странах Европы, что это уже лишает их доходов. Лекарством от массового психоза может быть, например, разъяснительная работа, но никак не запрещение миграции – запреты на миграцию только подогревают общественные фобии и усугубляют ситуацию. Что касается Российской Федерации, то ни в одном миграционно активном регионе за десятилетие не наблюдалось опережающего снижения социальных показателей (например, по зарплате). Ситуация с показателями занятости в миграционных регионах, как правило, даже лучше. Также в миграционных регионах лучше общий показатель благополучия – валовой региональный продукт (ВРП). Например, в Псковской области, где мигрантов мало, ВРП в расчете на душу населения на протяжении десятка лет хронически не дотягивал и до половины среднероссийского уровня, а в миграционно привлекательной Оренбургской области показатель постоянно выше, чем в Псковской области, в два раза.

Утверждение о том, что миграция усиливает опасность межэтнических конфликтов, также не подтверждается. По данным многолетних исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук, а также по исследованиям других научных центров, межнациональная напряженность связана не с миграцией, а с социальной конкуренцией, либо с за-

старелыми «историческими» конфликтами, по типу осетино-ингушского противостояния. Внутри регионов на местном уровне конфликты обычно возникают на фоне неудовлетворительного внимания властей к социальным нуждам населения, а также из-за проявления коррупции. В подобных ситуациях общественная агрессия в скрытой и явной форме обращена на самые уязвимые группы, в том числе, на мигрантов. Исследования показывают (и доказывают), что антимигрантские предрассудки часто сильны в тех регионах, где мигрантов меньше всего.

Что касается опасности терроризма, то, по имеющимся сообщениям в СМИ, анализируемым за четверть века после распада СССР, наибольшая террористическая активность не была характерной именно для регионов с наибольшим притоком мигрантов. Терроризм, безусловно, использует миграционный ресурс, как и любой другой, выгодный по тем или иным причинам, однако приравнивать миграционный процесс к опасности терроризма является в корне неверным и крайне вредным для государственного управления и общественных отношений.

К такому явлению как миграция не следует подходить с одной меркой. Миграция не может быть только «плохой» или только «хорошей», однако нужно понимать, что миграция, как социальное явление, неотделимо от общества и государства. На протяжении мировой истории миграции играли ключевую роль в развитии человеческой цивилизации. Без миграций это развитие попросту не состоялось бы. Важнейшее значение миграция имела в истории России. Наша страна возникла и укрепилась как государство благодаря миграционным перемещениям больших масс людей.

Следует исходить из того, что современное управление миграцией, как серьезная задача, должно быть высокотехнологичным. Это означает, что требуется не только применение электроники и скоростной обмен данными, но и точная для каждого российского региона и страны в целом оценка баланса позитивных и негативных последствий миграции.

Этот баланс может быть на каждом этапе управления различным и в идеале должен быть планируемым. Даже пресле-

дую благие цели, невозможно целиком исключить отрицательный эффект миграции. Более того, борьба с полным искоренением отрицательных последствий миграции неизбежно приводит к сокращению или полной утрате также и положительных результатов. Например, резкое усиление требований миграционного законодательства в России для граждан из безвизовых стран, произошедшее с 2015 г., было направлено на улучшение механизмов контроля трудовой миграции. Однако это способствовало распространению теневых форм постановки и снятия с миграционного учета, фиктивных сертификатов тестирования, теневой занятости. Что касается миграционной статистики, то она стала еще более отягощенной двойным-тройным учетом из-за навязанного пересечения границы. На самом деле картина миграционного потока в Россию явно отличается от официальной. Если одни и те же лица дважды или трижды приезжают в нашу страну именно из-за нормативных требований («съездить на границу отметить»), то это – лишняя нагрузка на отечественную инфраструктуру. Фактически меньшая численность мигрантов, чем показывает статистика (по нашим оценкам, меньше в 1,3 – 1,5 раза) мешает планированию миграционной политики даже на краткосрочную перспективу и не позволяет предусмотреть адекватные бюджетные затраты для ее реализации.

По причине того, что миграция – крупное социальное явление, она не подлежит резкому, «ручному» регулированию. В этой сфере необходимо управление на системной, последовательной и долговременной основе. А это означает, что соответствующие меры должны иметь четкое согласование с другими вопросами социального и экономического регулирования, прежде всего по таким направлениям, как демография, региональная экономика, социальная защита и обеспечение, занятость, региональная общественно-политическая ситуация, региональные межнациональные отношения. Без такого согласования миграционное регулирование не только неэффективно, но и невозможно.

Управление миграцией в автономном режиме является абсолютной утопией. Стремление создать механизм именно для

этой цели неизбежно приводит к ослаблению государственного миграционного регулирования. Это показал отечественный опыт и опыт современных западноевропейских государств.

Требование согласованности миграционного управления обязательно предусматривает принятие решений в диалоге с гражданским обществом. Не следует ограничиваться деятельностью круглых столов и общественных советов (нередко формальных), как это было в рамках практики Федеральной миграционной службы на протяжении десятилетия. Указанные формы должны дополняться новыми вариантами сотрудничества. Вот их неполный перечень:

- согласительные и проблемные смешанные государственно-общественные комиссии и рабочие группы по определенным тематическим направлениям

- на регулярной основе должна осуществляться независимая экспертиза принятия решений в миграционной сфере

- необходим «гражданский» раздел в ежегодном докладе Правительству о реализации миграционной политики (т.е. текст должен включать раздел на основе разработок гражданских инициатив, реализуемых при сотрудничестве с МВД)

- нужна гораздо большая, нежели за последние годы, доступность общественности к статистическим данным о миграции (это, кстати, соответствует требованиям российского законодательства)

- необходима регулярная работа со СМИ, правильное и последовательное информирование СМИ о миграционных эффектах и проводимых мероприятиях; необходимо периодическое обучение журналистов с целью предупреждения вредных слухов о миграции и управлении. Это особенно важно в периоды, предшествующие проведению выборов в органы власти любого уровня.

Миграция как крупное социальное явление обладает большой инерционностью, миграционный процесс нельзя в одночасье «прекратить» без нарушений международных и федеральных норм. Инерция миграционного процесса не позволяет добиваться мгновенного результата от принимаемых решений.

Необходимо учитывать, что новые управленческие меры, даже имеющие хорошую перспективу, всегда соединяются с последствиями прежних («старых») решений и событий. Например, в течение 5-6 лет наблюдался социальный шлейф в виде роста скрытой занятости мигрантов и распространения серых зарплат и уклонения от налогов после официального запрета работать иностранным мигрантам в сфере торговли.

Для учета инерционных последствий необходимо развивать специальное аналитическое направление – моделирование миграционных процессов. Модели, в которых учитывается кумулятивный (накопительный) эффект предыдущих управленческих решений и влияние смежных факторов (экономики, занятости и прочего) должны выявлять плюсы и минусы новых принимаемых решений в сфере миграционной политики. Для этого необходимы информационные источники:

- статистические данные сплошного миграционного учета (они уже имеются, но требуют усовершенствования)

- выборочные государственные статистические наблюдения (следует разработать концепцию)

- использование государственных регистров (налоговый, медицинский, юридических лиц и др.), в этом направлении нужна большая работа

- плановые исследования и экспертизы (следует разработать концепцию)

- материалы прочих исследований из независимых источников (следует разработать концепцию).

* * *

Исследовательский проект Сети этномониторинга, представляемый далее, поставил задачей оценить потенциал общественных организаций – в какой мере они могут эффективно участвовать в реализации государственной национальной и миграционной политики, каковы возможности общественников в социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, способны ли они заблаговременно предупреждать миграционные конфликты. Вторая задача – дать оценку рисков общественных конфликтов в сфере миграционных отношений.

Свою конечную цель проект Сеть этномониторинга видит в разработке научно обоснованных предложений по минимизации ошибок управленческих решений в сфере миграции, прежде всего, таких решений, которые затрагивают этнокультурные интересы граждан Российской Федерации. В этом отношении, как представляется, заслуживают внимания наши предложения о введении правового инструмента этнологической экспертизы миграционных проектов и планов, а также иных управленческих решений, связанных с инициирование значительных миграционных перемещений населения.

Иностранные трудовые мигранты, приезжающие в Россию, сталкиваются не только с проблемой поиска работы, обустройства и соблюдения российских законов, они попадают в новую общественную и культурную среду. Качество адаптации во много зависит от того, насколько привычна и гостеприимна эта среда. Само по себе наличие рабочего места и даже высокий заработок не гарантируют успешность адаптации и продолжительное пребывание в России. А заработок и его стабильность определяется не только потребностями страны в трудовых ресурсах и конкретных профессиях. Решающим является отношение местных жителей к приезжим. Чтобы не оказаться в условиях замкнутого образа жизни, не потерять доверие окружающих, не стать социальным изгоем, трудовые мигранты, приезжающие на длительный период в Россию, тем более – в столичный мегаполис, должны обладать достоверной информацией о том, как местные жители относятся к приезжим, какими москвичи представляют себе мигрантов, чего ждут от приезжих, на какие контакты рассчитывают. Из средств массовой информации многим известно о миграционных конфликтах в странах Западной Европы, о поджогах и погромах рабочих общежитий и миграционных центров, об антимиграционных демонстрациях, о так называемом западноевропейском мультикультурализме и крахе этой политики. Возможны ли столь острые общественные реакции в России и Москве? Этот вопрос отнюдь не праздный для приезжающих трудовых мигрантов, причем в их среде распространено немало фобий и вымысла. Зарубежным политическим оппо-

нентам хотелось бы ухудшить имидж России и ее столицы, представить страну как недружественную и даже опасную для соседних государств. Однако российские граждане, в том числе и москвичи, не стремятся изолировать мигрантов, проявляют к ним интерес, ожидают от них большего, а не только трудовой деятельности. Ожидания касаются повседневного общения, культурных контактов, сферы искусства. О таких ожиданиях, запросах и потребностях россиян необходимо информировать трудовых мигрантов, причем как можно шире и качественнее. Понимание реальных общественных настроений в России позволит трудовым мигрантам лучше подготовиться к поездке в страну, облегчит поиск общего языка и совместных интересов.

Для этих целей мы провели экспертный опрос и интервью представителей муниципалитетов, общественных организаций, научного сообщества в разных регионах России с целью выявления участия и компетенций в деле предотвращения миграционных конфликтов, адаптации и интеграции мигрантов, иных видов социально-ориентированной деятельности в миграционной и этнокультурной сфере. Мы также провели серию массовых опросов, изучив в этих же регионах общественное мнение о миграционных проблемах в целях заблаговременного предупреждения конфликтов. Полученные материалы легли в основу данного труда, включая практически ориентированные рекомендации.

Мониторинг общественного восприятия миграции и конфликтный потенциал миграционных отношений в России

Как-то незаметно и вроде естественно в отечественный общественно-политический лексикон вошли такие термины как «этнические анклавы мигрантов», «этническая преступность» и подобные. Они почти привычно звучат даже на общероссийских телеканалах. Вот характерное высказывание диктора центрального телевидения, доступное самой широкой аудитории: «Некоторые мигранты проживают замкнуто, не хотят соблюдать российские законы и традиции»¹, т.е. буквально сказано, это не оговорка, «соблюдать традиции». На тему «соблюдения» традиций в СМИ говорили особенно много, когда в Госдуме РФ обсуждалась идея и концепция присяги для лиц, получающих гражданство. Один из мотивов – желание депутатов оградить россиян от «того, что происходит в других странах». Идея присяги поддерживалась самыми разными политическими фракциями парламента. В текст узаконенной присяги вошло, впрочем, «уважать традиции и культуру», а не «соблюдать», что скорее объясняется требованиями русского языка, а не доктринальным подходом законодателей.

Проблема в том, что общественный запрос на «присягу» был адресован в большей мере не тем людям, кто получает гражданство (хотя именно для них и разрабатывался соответствующий правовой документ²), а в адрес ... иностранных трудовых мигрантов, которые по многим признакам являются заметной группой и неким общественным раздражителем. Парламентские дебаты о присяге отразили настроения во властных и

¹ Парламентский час, телеканал «Россия 24» эфир 18.06.2017.

² «Присяга лица, приобретающего гражданство Российской Федерации», Федеральный закон от 29.07.2017 N 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" и статьи 8 и 14 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

околовластных структурах. Антимигрантские настроения характерны для значительной части элиты. Это подтвердилось и нашими опросами управленцев в 2015–2018 гг. в десятках российских регионах, о чем будет сказано далее. При некотором упрощении, уместно назвать данное явление «антимиграционизмом управленцев и элит».³ Нет ясности, в какой мере эти идеи разделяют другие слои общества, но судя по опросам, настроения простых обывателей не столь радикальны, как у чиновников. Этим российское общество (пока?) отличается от массовой западноевропейской аудитории, которая, несмотря на торжество в их странах принципов политкорректности, теперь уже выражает неприкрытое недовольство по поводу «квотного» распределения иностранных мигрантов.

Чиновный «антимиграционизм» можно было бы объяснить повышенным уровнем ответственности лиц, принимающих решения, ведь их повседневная деятельность связана с необходимостью и желанием держать ситуацию под контролем. Но если бы управленцем двигало лишь стремление исполнять возложенные на него обязанности, его действия происходили бы в рамках функций, предписанных законами и инструкциями. Вместе с тем, активность чиновника нередко выходит за рамки сугубо управленческих рамок. Подобная активность уже имеет соответствующие названия, как то «превышение должностных полномочий», «коррупция», «самоуправство». Подобные «превышения» принято оценивать как заведомо неприемлемые, как преследующие личные цели, например, цель обогащения. Но как оценивать антимигрантскую деятельность или даже публичную риторику чиновника, который радеет «за народ», «за сохранение культуры» и при этом не имеет очевидных личных выгод. Конечно, понятия «личная выгода» и «причастность к власти» трудно разделить. На антимигрантских заявлениях иные зарабатывают электоральные очки и прочие бонусы, продвигающие во

³ Обзорные работы о сходной ситуации в странах Запада см.: Bendixsen S. The refugee crisis: destabilizing and restabilizing European borders //History And Anthropology, 2016, vol. 27, No.5, pp. 536–554; Eriksen T.H. Overheating: the world since 1991 //History And Anthropology, 2016, vol. 27, No.5, pp. 469–487

власти. Но все же было бы сильным упрощением сводить затеваемые политиками дебаты о миграционных проблемах лишь к политической борьбе, тем более, что как раз миграционная тема часто объединяет даже самых непримиримых политических конкурентов. Дело в том, что управленец (как социальное явление, как класс) стремится возложить на себя, ни много ни мало, функцию Хранителя Традиции. Интуитивно управленец приходит к выводу, что закон не защищает «традицию», которую, однако, необходимо сохранять и защищать. Более того, закон даже не «видит» такого объекта как традиция, ведь ее не во всех случаях возможно даже ощутить предметно. И действительно трудно законодательно регламентировать апелляцию к общественным эмоциям и чувствам, исторической памяти, оценкам, точке зрения. Поэтому в общественно-политическом дискурсе и накапливаются такие всем казалось бы очевидные сентенции, как «образ жизни», «моральные ценности», «культурный код». Список их множится, но от этого у общества не прибавляется ясности, что конкретно имеется в виду. Но укрепляется общеразделяемое ощущение, что речь идет о чем-то принципиально важном, составляющем чуть ли не основу существования. Это чувство поощряет управленца брать на себя повышенные обязательства «защитника общества».

«Защитительный» арсенал управленца, при многообразии конкретных мероприятий, в целом небогат – он, во-первых, реализуется в виде разработки ограничительных для мигрантов законов и нормативов. Вспомнить хотя бы действовавшие многие годы всевозможные ограничительные квоты (сегодня квоты якобы отменены, а им на смену придумали квоты на разрешение временного проживания). Даже программы поощрительного типа, в частности, по переселению в Россию зарубежных соотечественников, в своей основе имели принцип сдерживания приезжающих, отчего и оказывались в основном провальными и не массовыми по участию. Отсюда столько неоправданных экономической и демографической целесообразностью правовых ограничений для мигрантов в прошлые постсоветские годы, хотя в те времена имелась реальная возможность «собрать» в России

изрядную часть бывших граждан распавшегося государства. Второй способ «защитительных» действий – применение мягкой силы, т.е. манипулирование общественным мнением в нужном направлении. Третий – это как раз и есть управление за рамками своих полномочий. Логика бюрократического управления заключается в том, что последние два способа видятся управленцу лишь как естественный пролог и средство перехода к первому управленческому способу. Потому и следует всегда ожидать поползновений узаконить то, что не очень-то (или вообще не) поддается нормативному регулированию. В 2007 г. министерство культуры РФ заявляло о необходимости наделить его полномочиями «управлять традицией». ⁴ Ныне циркулирует идея «присяги мигранта». Есть примеры успешного перевода «защитительной» риторики в законодательную. Опять же в 2007 г. принят закон, и он доныне действует, согласно которому иностранцы не имеют права осуществлять розничную торговлю. При, казалось бы, сугубо «коммерческой» цели защиты внутреннего рынка от засилья иностранцев в сфере торговых услуг населению, достижимость которой уже на тот момент была сомнительной (а по прошествии десятилетия стало очевидным, что удалить иностранных мигрантов из торговли таким способом невозможно), все же основная причина того законодательного ограничения заключалась не в стремлении защитить торговлю, а «уберечь страну от мигрантов». Самым блестящим примером «защитительного» нормотворчества стало введенное с 2015 г. требование к иностранным трудовым мигрантам сдавать экзамен не только на знание государственного языка и правовых норм, но также российской истории и культуры (слово «культура» в нормативно-правовых документах не фигурирует, но содержательно это неотъемлемая часть экзамена, без которого нельзя получить разрешение на временное проживание на территории России). Мотивировка уже непосредственным образом должна была, по мысли законодателей, подталкивать ми-

⁴ Степанов В.В. О министерском стремлении управлять традиционной культурой //Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов /Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. - М.: УОП ИЭА РАН, 2008, сс. 52 – 54.

гранта к лояльному отношению к стране пребывания: если знаешь язык и осведомлен об истории и культуре, значит будешь правильно себя вести в чужой стране.

Но перечисленное лишь косвенно подталкивает мигранта к уважению культуры принимающего сообщества, поэтому управленцу представляется логичным законодательно обязать мигранта быть лояльным. И вот в общественной атмосфере начинает витать идея присяги об уважении нравственных норм. Причем уважение норм понимается как «соблюдение/исполнение» норм. Конечно, никакой присяги для иностранного трудового мигранта законодательно принято не будет, но никуда не денутся ожидания исполнения мигрантом, если не буквы, то духа «присяги». И от того не менее реальны «санкции» за нарушение несуществующих требований. Ошибается тот, кто полагает, что общественный запрос на «соблюдение традиций» и «должное поведение» мигрантов возможен только на Северном Кавказе. Требования «соблюдать традиции» слышатся повсеместно. В 2018 г. на общественном совете (намеренно умолчим дату и название заседания) в Совете Федерации один из представителей власти Псковской области запросто говорил в микрофон: «Мы вместе с приезжими пьем водку и паримся в бане. У нас все равны. Поэтому ... никаких мусульманских кладбищ у нас не будет, пусть не думают, что будем идти у них на поводу».

В своих исследованиях мы разделяем два важных понятия российской миграционной политики адаптация и интеграция мигрантов. Эти понятия тесно связаны и на практике пока используются как неразличимые. В 2018 г. мы опросили более 200 экспертов из числа управленцев, ученых и общественников в Москве и нескольких регионах России. Из них только 18% настаивали, что адаптация и интеграция – это одно и то же; треть экспертов не смогла определить свою позицию, а почти половина экспертов уверена, что адаптация и интеграция – это не одно и то же и нужно различать эти понятия на законодательном уровне. Но различать законодательно, значит официально признать, что приспособляться должны не только прибывающие

из-за рубежа мигранты, но и россияне, которым в случае интеграции нужно будет принять культуру новых жителей.

С 2012 г. в России действовала Концепция государственной миграционной политики,⁵ в которой адаптация и интеграция были лишь формой речи и оба термина применялись как синонимы. Но в 2018 г. была утверждена совершенно новая Концепция,⁶ в которой, наряду с решением экономических и демографических задач поставлена цель поддержания «мира и согласия <...> в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». В новом документе понятие интеграции не только не определено, но фактически изъято.⁷ Указывается, что мигранты-иностранцы должны адаптироваться. Возможно, упразднение «интеграции» связано с терминологическим недоразумением (изъято как «ненужный синоним»). Однако управленцы и эксперты на местах очевидно воспримут это как новый подход, согласно которому мигрантов следует обязывать приспособляться к местной культуре и отказываясь от своей.

То, что миграционная сфера якобы непременно является источником коллизий и конфликтов, стало почти аксиомой на всевозможных межведомственных заседаниях, практических конференциях и общественно-политических диспутах. Однако мы в своих исследованиях стараемся не следовать за расхожей риторикой, а стремимся выявить, что именно формирует конфликтную «ауру» вокруг миграции, и как в общественном и чиновном сознании все же подойти к идее бесконфликтной интеграции.

В этом отношении особое значение имеет сотрудничество властей и общественных организаций. Институты гражданского общества по сути являются самостоятельными субъектами миграционной политики. По мнению 90% опрошенных экспертов,

⁵ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Президентом РФ 8 июня 2012 г. N Пр-1490.

⁶ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы. Утверждена Президентом РФ от 31 октября 2018 г. N 622.

⁷ Слово «интеграция» в Концепции миграционной политики 2018 г. применяется эпизодически в описательном значении.

наряду с государственным контролем миграции, особая роль должна быть возложена на общественные организации и гражданские структуры, чья деятельность способна помочь мигрантам и вместе с тем способна правильно сориентировать принимающее общество, обеспечив его как минимум необходимыми сведениями о приезде населения. Однако до настоящего времени эта роль общественников зачастую остается вакантной.

Между тем, сотрудничество властей и общественников представляется существенным ресурсом предупреждения миграционных конфликтов. По мнению экспертов, особенно важно предоставить общественникам возможности организовывать для мигрантов и местных жителей совместные культурные и досуговые мероприятия (51% мнений), обучать мигрантов правилам поведения в местном сообществе (45%), обучать мигрантов русскому языку (40%), способствовать формированию у местных жителей навыков межкультурного общения (39%).

По мнению экспертов, на практике возможности у общественников незначительные. В пересчете на пятибалльную оценку эти возможности соответствуют школьной оценке «2+». А причина – недостаточная среди общественников организованность и незаинтересованность оказывать социально значимые услуги. Проблема не только в их традиционно слабой финансовой базе, но как полагают опрошенные эксперты, в крайне недостаточном взаимодействии общественных организаций с властями. Сотрудничество остается по большей части односторонним. Если не принимать во внимание всевозможные праздники, это сотрудничество ограничено приглашением «избранных» общественников на конференции и второстепенные заседания. Вместе с тем, отсутствуют совместные с представителями власти тренинги, нет совместных курсов обучения, а для принятия конкретных решений в сфере адаптации и интеграции мигрантов власти, как правило, не проводят с общественниками совместные обсуждения. По сути, решение задачи поддержания стабильности межнациональных отношений приравнивается к организации праздников и экскурсий. Такой стиль характерен для всех регионов,

где мы проводили исследования – в столичном регионе, Поволжье, Сибири, на Кавказе.

Трудовые мигранты в России, прибывая из других государств, сталкиваются не только с проблемой поиска работы и обустройства, они попадают в новую общественную и культурную среду, которая требует адаптации. Успешность адаптации, т.е. освоение необходимых знаний о стране, правовых норм, правил поведения, обязанностей и прав временного жителя во многом зависит не только от официальной миграционной политики, но и от отношения местных жителей к приезжим.

Исследования показывают, что численность, темпы и состав мигрантов, хотя и важны, но в современных условиях России не являются для миграционных отношений главными. Решающую роль играет наличие или отсутствие процесса интеграции, т.е. бесконфликтного сочетания местной и привносимой культуры. И здесь особое значение имеет настрой местных жителей на восприятие и принятие миграции. Следует рассматривать интеграцию как процесс подготовки иностранного мигранта к длительному или постоянному проживанию в России с перспективой гражданства. Этот процесс включает в себя не только овладение мигрантами русским языком, знание основ российской Конституции и других правовых норм, но также развитие позитивного отношения к России, ознакомление с ее историей, уважение и восприятие российской культуры. Он также предполагает ознакомление местных жителей с культурой мигрантов.

После исчезновения СССР, когда в России в полной мере проявился демографический кризис, иммиграция значительно пополнила население страны, смягчив потерю населения; она также внесла вклад в экономику и обеспечение ряда важных социальных услуг для миллионов россиян. Заработанные мигрантами средства были и остаются важным источником обеспечения семей в соседних странах-донорах миграции. Миграционный обмен между соседними государствами имеет важную

функцию культурных контактов.⁸ Потому не следует впадать в крайности, как это происходит сегодня в странах Европы, и воспринимать миграцию только как источник рисков и угроз. Необходимо учитывать отечественные уроки истории, а они свидетельствуют, что перемещение трудовых ресурсов между республиками СССР было надежным источником экономического развития и ресурсом гуманитарного общения. Этот ресурс пока еще есть у России, но он не бесконечен.

Мониторинг миграционных процессов в России необходим отнюдь не только для сухого статистического анализа «прибыль-выбыль». Современная общественно-политическая ситуация в регионах существенно отличается от той, какая была в 1990-е и первой половине 2000-х гг. Прежние «межнациональные отношения» фокусировались на взаимных претензиях среди местного населения, тогда было распространено заблуждение, что одни национальности должны иметь больше прав, чем другие. Сегодня времена «пещерного» национализма в России миновали. Равенство прав независимо от национальности, языка, религии и происхождения, определенное Конституцией, разделяется большинством российских граждан. Это подтверждают многочисленные научные исследования. Однако не исчезли националистические рецидивы, а проявления так называемого бытового национализма возникают даже там, где нет и не было конфликтов.

Нынешние «бытовые» формы национализма и ксенофобии переместились в сферу миграционных отношений. В тех регионах, где нет мигрантов, одно только упоминание о них является общественным раздражителем. Миграционная тема стала объектом политических манипуляций предвыборных кампаний. Претенденты на попадание во власть нередко увязывают проблему миграции с вопросами занятости, ростом цен на товары и коммунальные услуги. Эти приемы популизма активно применяются и во многих странах зарубежной Европы, и называют это

⁸ См. об этом: Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений /ред. Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2016.

«миграционным кризисом», причем и в тех странах, куда мигранты ехать не желают.

Современный среднестатистический россиянин, отвечая на вопрос социологической анкеты, уже не станет говорить о личной неприязни к местным национальностям, религиям и языкам. Подобная нетерпимость сегодня предстает как антинорма и дурной тон. Но из исследований известно, что присутствует и вторая, скрытая норма, которая допускает, что одна национальность все же «лучше» другой, одна религия должна подавлять другую. Когда говорят о мигрантах или неместном населении, не только средний обыватель, но даже эксперты склонны выказывать нетерпимость. В 2018 г. мы провели опрос экспертов в российских регионах – выясняли мнение управленцев, ученых, общественников, по роду деятельности занимающихся миграцией. Намеренно опрашивали и в регионах, где мало мигрантов. Выяснилось, что эксперты различают последствия от миграции для бюджета региона и последствия для кошелька среднего жителя. В первом случае эксперты видят больше выгод, тогда как во втором случае наоборот – для обычного жителя видят больше риска от миграционных процессов, нежели выгод.

Особые социальные риски эксперты усмотрели в отношении доходов населения. Треть экспертов полагает, что из-за миграции может снизиться уровень заработной платы местных жителей, четверть указывает на вероятное повышение цен на потребительские товары и услуги. Эксперты указали на возможное ухудшение доступности и качества медицинских услуг. Наибольшие опасения высказаны по поводу увеличения нагрузки на социальную и транспортную инфраструктуру. Велики опасения экспертов из-за возможного ухудшения криминогенной обстановки. О потенциально отрицательном воздействии миграции на межнациональные отношения в своем регионе говорили 42% экспертов, причем среди профессиональных миграциологов так считают даже 47% (повторим, это мнение высказано даже в тех регионах, где почти нет мигрантов), о положительном воздействии миграции говорит только четверть экспертов.

Как видим, в современной России отношение к мигрантам является важным или даже важнейшим индикатором состояния межнациональных отношений. По большому счету, этот индикатор «не про мигрантов» (не только о них). В регионах его следует применять и для оценки качества социального управления.

МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ

Потенциал государственно-общественного сотрудничества в миграционной сфере

В каждом регионе исследования, которые перечислены далее, мы опросили по 30 экспертов (в Москве 60), всего опрошено 210 экспертов, включая 35 чел. управленцев не менее 3 организаций на регион (опрашивались сотрудники органов государственной власти, либо сотрудники подведомственных учреждений, либо сотрудники местного самоуправления, либо сотрудники государственных миграционных центров любого статуса); 105 чел. общественников, не менее 5 организаций на регион (представители общественных организаций этнокультурной, миграционной, правозащитной направленности, представители религиозных организаций); 70 чел. научных работников и педагогов (сотрудники академических институтов, вузов, других научных центров, сотрудники средств массовой информации вне зависимости от аккредитации и формы собственности).

Соответственно, из всех опрошенных экспертов половину составили общественники, треть пришлась на ученых и вузовских работников, а 17% составили управленцы. Следует уточнить, что изначально опрашивалось большее количество персон, но не все они подходили под категорию экспертов. В целевую выборку попали только те, чья профессиональная или общественная деятельность связана с вопросами миграции. Из состава экспертов более трети занимается проблемами миграции профессионально, т.е. причастны к принятию решений в данной сфере (в том числе заняты решением практических вопросов миграции 18%, консультируют по этим проблемам, либо занимаются аналитической деятельностью 17%), тогда как две трети экспертов касаются миграционной темы, хотя их основная дея-

тельность иная, либо занимаются миграционными проблемами время от времени.

В своих оценках миграционной ситуации в России и ее регионах, а также в своих оценках полезности миграции и опасности миграционных отношений эксперты, занимающиеся миграционной проблематикой профессионально и эксперты, отчасти касающиеся миграционной темы в рамках своей деятельности, высказывают и сходные и противоположные мнения. Далее приводим конкретные результаты, в которых количество опрошенных, воздержавшихся от ответа, будет упомянуто только в уместных случаях.

Эксперты оценивали влияние миграции, как внешней, так и внутрироссийской, как процессы, связанные с оттоком, так и с притоком населения в своем регионе. Влияние миграции на демографическую и экономическую обстановку в своем регионе половина опрошенных экспертов (48%) оценивает, как в целом положительное, при этом профессиональные миграциологи дают наиболее позитивную оценку (59%). На отрицательные последствия указывает менее трети экспертов и среди них несколько более «непрофессиональных» экспертов (32%).

Среди отрицательных последствий эксперты в первую очередь указывают на демографическое сокращение населения из-за выезда молодых и квалифицированных групп населения. В целом демографические негативные последствия из-за миграции отмечаются экспертами чаще (39% мнений), нежели последствия экономического характера (29%). При этом непрофессионалы выражают опасения по поводу демографической ситуации чаще (41%), а профессионалы – реже (36%).

Эксперты склонны делать различие между экономическими и социальными последствиями миграционных процессов, т.е., образно говоря, они различают последствия для бюджета региона и последствия для кошелька обывателя. В первом случае эксперты видят больше выгод и меньше рисков, тогда как во втором случае наоборот – риска от миграционных процессов для обычного жителя больше, а выгод меньше. Этим, кстати, объясняется мнение экспертов о неприятии в адрес мигрантов со сто-

роны местных жителей даже в тех случаях, когда экономические и демографические выгоды для региона, казалось бы, очевидны.

Применительно у нуждам местного населения общий потенциал влияния миграции на социальную обстановку в своем регионе эксперты чаще оценивают негативно (34% мнений экспертов). Позитивных оценок заметно меньше (23%). Есть еще сопоставимое количество экспертов, давших неоднозначную оценку (19%), но если их голоса разделить поровну, то это не уменьшит доминирование пессимистических оценок. Закономерно, что у профессиональных миграциологов пессимистичные оценки влияния миграции на социальную обстановку звучат реже, но и в их среде таких мнений немало – составляют четверть (26%).

Особые социальные риски от действия миграционных процессов эксперты усматривают в отношении доходов населения – треть экспертов (35%) полагают, что последствия от миграции могут приводить к снижению уровня заработной платы в чувствительных секторах общественного производства. Например, по той причине, что работодатели готовы использовать дешевый труд мигрантов. По мнению части экспертов, мигрант, покупая разрешение на работу (трудоустройство), хотя и обеспечивает поступление денег в региональный бюджет, но эти деньги не обязательно будут направлены на социальные выплаты населению. Только пятая часть экспертов полагает, что миграция в какой-то мере способна улучшить ситуацию с зарплатами и доходами местного населения. Еще столько же экспертов заявили о том, миграция не оказывает существенного влияния на кошелек местных жителей.

Заметные опасения из-за миграционных процессов эксперты высказывали по поводу увеличения нагрузки на социальную и транспортную инфраструктуру (46% экспертов, а если учитывать прочие мнения, то более половины). Только меньшинство экспертов усматривает некие положительные результаты (10%).

Наибольшие опасения экспертов в связи с миграцией вызывает вероятность ухудшения криминогенной ситуации (48%). При этом многие эксперты не связывают правонарушения с са-

ими мигрантами, но полагают, что сопутствующие процессу миграции явления нередко становятся питательной средой для криминала, в том числе это происходит в сфере госуправления и охраны порядка и проявляется в виде нарушений коррупционной направленности. По этой части оптимизм высказывают лишь отдельные эксперты (5%).

Среди прочих социальных рисков, порождаемых миграцией, эксперты указывают на снижение доступности и качества медицинских услуг (27% мнений о том, что миграция отрицательно влияет на доступность медицины, 14% полагают это влияние положительным и есть еще 24%, кто говорит об отсутствии влияния или неоднозначном влиянии миграции на медицинские услуги).

Также у экспертов преобладает мнение, что в их регионе из-за миграции происходит сокращение квалифицированных кадров (36% мнений). Однако и тех экспертов, кто видит в миграции источник улучшения профессиональной структуры населения, тоже немало (29%). Часть экспертов высказывает двойственную оценку, полагая, что в их регионе миграция одновременно приводит и к потере кадров и их приобретению, особенно, если рассматривать ситуацию по различным экономическим сферам. Так, инженерные кадры крупных предприятий, особенно градообразующих в своем регионе, в результате оттока молодежи и лиц среднего возраста, утрачивают кадровый потенциал. Также происходит сокращение «ожидаемых» профессионалов при выезде из региона студентов, оканчивающих местные вузы. Вместе с тем, в строительных отраслях и организациях социальной сферы (рынки, общепит, жилищно-коммунальное хозяйство), где востребованы рабочие руки средней и низкой квалификации, миграция служит надежным ресурсом восполнения дефицита трудовых ресурсов. По этой причине почти поровну разделились оценки экспертов о влиянии миграции на местные и региональные рынки труда. Почти треть экспертов полагает, что миграция оказывает негативное влияние на занятость и способствует росту безработицы (35% мнений). Но примерно столько же экспертов (32%) уверены, что миграция по-

лезна для трудового рынка, а еще часть экспертов высказывает неоднозначное мнение (15%).

В этой связи интересна точка зрения экспертов, породит ли в их регионах законодательное увеличение возраста выхода на пенсию обостренную конкуренцию за рабочие места между местными жителями с одной стороны и мигрантами с другой стороны. Высказавшихся за и против оказалось примерно равное количество, менее половины тех и других (пенсионная реформа обострит конкуренцию за рабочие места – 37%, не повлияет – 40%, другой ответ 4%, не дали ответа 19%).

Различается точка зрения экспертов и по поводу влияния миграции на рост цен на потребительские товары и услуги. При этом те, кто говорит о благотворном влиянии, на этот раз численно преобладают (28%), а эксперты, усматривающие в миграции причину роста цен, оказались в относительном меньшинстве (23%). Столько же экспертов дают двойственную оценку или заявляют, что в их регионе миграция не влияет на ценообразование потребительских секторов экономики.

Самую позитивную оценку со стороны экспертов миграция заслужила в отношении качества сферы услуг. О том, что это качество благодаря мигрантам возрастает заявили чуть менее половины экспертов (42%), а если учесть двойственные оценки, то положительных суждений оказывается более половины (причем среди профессиональных миграциологов таких суждений 57%, а с учетом двойственных ответов, более 60%). О том, что миграция отрицательно влияет на сферу услуг говорила только четверть экспертов (в том числе лишь десятая часть профессиональных миграциологов).

Учитывая, что, как полагают опрошенные эксперты, миграция имеет больше положительных, нежели отрицательных последствий для макроэкономических и демографических показателей и влияет более отрицательно, чем положительно на местную социальную обстановку, эксперты склоняются к тому, что сложившаяся на текущий момент миграционная ситуация не требует особых перемен. Половина экспертов заявила, что в их регионах численность иностранной рабочей силы следует оста-

вить без изменения. Только пятая часть опрошенных настаивает на сокращении в своем регионе численности иностранных мигрантов и в два раза меньше тех экспертов (12%), кто говорит о необходимости увеличить численность иностранной рабочей силы.

Однако общую результативность государственного контроля иностранной миграции положительно оценило чуть более трети экспертов (38%). Сюда относится:

- положительное мнение о реализации требования к мигрантам владеть русским языком, знать историю и основы законодательства РФ (44%, отрицательно 16%, но другое мнение или затруднились ответить – 40%)

- положительная оценка экспертами обязанности мигрантов из стран СНГ оформлять трудовой патент (43%, отрицательно лишь 8%, но половина не знает, как оценить),

- положительное мнение экспертов по поводу принуждения работодателей в короткий срок уведомлять официальные органы о найме иностранцев (38%, но против этого 20%)

- положительное мнение экспертов о запрете въезда в Россию иностранцам из-за несоответствия цели въезда и фактической деятельности (28%, но против этого 23%).

Не будучи уверенными в надежном контроле миграционных процессов, эксперты, тем не менее, склонны придавать большее значение государственным экономическим выгодам от миграции, нежели учитывать социальные нужды местного населения. Такая позиция является ошибочной и может порождать общественные конфликты при принятии управленческих решений. Очевидно, необходима коррекция миграционной политики, направленная на достижение баланса интересов государства и граждан.

По части социальных последствий миграций, эксперты придают значение не только иностранной трудовой миграции, но и межрегиональным перемещениям населения. На вопрос, нужен ли в вашем регионе контроль и упорядочение внутрироссийской миграции, утвердительно ответила половина экспертов (52%, причем это характерно и для профессиональных миграциоло-

гов). Отрицательно к идее регулирования внутренних переселений отнеслась только треть экспертов (34%) и чуть более десятой части затруднились ответить, либо ответили неоднозначно. Заметим, что немалая доля опрошенных, прежде всего, ученые и управленцы, знают российское законодательство и конституционную норму о свободе передвижения и проживания. Тем не менее, многие эксперты относятся к миграции, не как к правам, а как к прикладному инструменту экономического и демографического регулирования.

В то же время социальные осложнения в результате миграции дополняются, по мнению экспертов, и проблемами в сфере межэтнических и религиозных отношений. О потенциальном отрицательном воздействии миграции на межнациональные отношения в их регионе говорили 42% экспертов, причем среди профессиональных миграциологов так считают даже 47%. О положительном воздействии говорило гораздо меньше экспертов – 26%. Двойственный ответ или мнение, что влияния со стороны миграции на межнациональные отношения нет вообще высказали 22%. Отказались дать оценку – 17%.

Аналогичны, хотя и чуть мягче, высказаны оценки о влиянии миграции на религиозные отношения. Отрицательное воздействие миграции на религиозную ситуацию высказали 31% экспертов (причем миграциологи – 39%), а положительном воздействии заявили 20%. Двойственный ответ или о том что нет влияния сказали 21% экспертов. Отказались дать оценку – 28%. Большое количество затруднившихся дать ответ свидетельствует о неопределенности экспертного мнения по поводу взаимосвязи миграции и религиозной обстановки. Это особенно характерно для общественников, среди которых затруднились ответить 31%. Зачастую эксперты, уклоняющиеся от ответа на вопрос о религии, попросту не хотят «обидеть соплеменников», которым они оказывают помощь при переселении. Но при этом эксперты осознают, что религиозные проблемы могут сопровождать (и сопровождают) миграционные процессы. К примеру, это связано с несогласием приезжих посещать мечеть или молельный дом для общения не со «своим» духовным лицом. Ме-

стное население не всегда приветствует желание приезжих использовать другой язык религиозного общения. У мигрантов нередко возникают проблемы с властями и правоохранительными органами при организации несогласованных молитвенных помещений и мест, например, на рынках, в общежитиях. Имеется немало других проблем в сфере религиозных отношений, связанных с миграцией.

В целом потенциал влияния миграции на межнациональные и религиозные отношения эксперты оценивают в своих регионах крайне неопределенно и скорее отрицательно (36% мнений), нежели положительно (22%), при наличии у экспертов заметного количества двойственных мнений (21%) и вообще отказов дать оценку (21%).

На вопрос, может ли в их регионе миграция (отъезд или приезд) в ближайшие годы изменить привычный уклад жизни и культуру населения, более половины ответили отрицательно (55%), однако почти треть экспертов (31%) сказала, что такие изменения возможны, а остальные ответили неоднозначно или уклонились от ответа.

При этом эксперты имеют в виду не фактические культурные изменения, а в большей мере предубеждения и предрассудки. На просьбу конкретизировать, что именно в культурном отношении может измениться откликнулось абсолютное меньшинство опрошенных. На вопрос, имеются ли в их регионе объекты истории и культуры, которые могут пострадать в результате миграции, утвердительно ответили только отдельные эксперты (7%).

Симптоматично, что о неприязненном отношении к приезжим со стороны местных жителей в своем регионе эксперты отвечают утвердительно столь же часто, как и отрицающие неприязненное отношение (более чем по 40%). Это, конечно, не означает, что уровень неприязни к мигрантам со стороны населения действительно велик, но следует учитывать, что о неприязни думает немало количество экспертов, причастных к сфере управления.

Впрочем, судя по оценкам экспертов, неприязнь, это еще не конфликт. На вопрос, возможны ли в ближайшие год-два в их регионах массовые конфликты между приезжими и местными, две трети заявили о невозможности такого конфликта. Однако 15% полагают, что такая проблема возможна, и столько же уклонились от ответа или не смогли оценить обстановку.

Таким образом, положительная оценка влияния миграции на демографическую и экономическую ситуацию (48%), которую дали эксперты в своих регионах, перевешивает оцениваемое ими отрицательное влияние миграции на социальную обстановку (34%), отрицательное влияние миграции на межнациональные и религиозные отношения (36%) и опасность массовых конфликтов (15%). Это выражается в том, что, с точки зрения экспертов, при всех сложностях и недочетах миграционной политики, она должна оставаться неизменной, в частности, не следует менять в большую или меньшую сторону численность иностранной рабочей силы, имеющуюся в регионах (51%). Однако меньшая часть экспертов (38%) оценивает положительно уровень государственного контроля иностранной миграции. Этот уровень, по их мнению, должен быть повышен. Кроме того, по мнению экспертов, необходим контроль и упорядочение внутрисоветской миграции (52%).

Однако наряду с государственным контролем миграции, особую роль эксперты возлагают на общественные организации и различные гражданские структуры, чья деятельность может помочь мигрантам адаптироваться и интегрироваться. Таково мнение 90% экспертов. По мнению экспертов, особенно важно предоставить общественникам возможности организовывать для мигрантов и местных жителей совместные культурные и досуговые мероприятия (51% мнений), обучать мигрантов правилам поведения в местном сообществе (45%), обучать мигрантов русскому языку (40%), способствовать формированию у местных жителей навыков межкультурного общения (39%). Однако фактические возможности общественников выполнять эти и иные задачи все еще незначительные, в пересчете на пятибалльную оценку такие возможности соответствуют школьной оценке

«2+» по причине недостаточной среди общественников организованности (или скорее разобщенности) и незаинтересованности оказывать социально значимые услуги. Проблема не только в их традиционно слабой финансовой базе, но и крайне недостаточном взаимодействии общественных организаций с властями. В настоящее время, по самооценке опрошенных, сотрудничество является по большей части односторонним, не считая организации праздников, оно выражается в приглашениях «избранных» общественников на конференции и второстепенные заседания. Отсутствуют совместные тренинги, совместные курсы обучения, совместные обсуждения проблем адаптации и интеграции мигрантов для принятия конкретных решений. Решение вопросов сохранения стабильности межнациональных отношений сводится к организации праздников и экскурсий. Власти и общественники не взаимодействуют в сфере профессиональной ориентации молодежи в целях снижения мотивации к выезду и повышения интереса к трудоустройству в своем регионе. Такая ситуация характерна для всех регионов, где проведено исследование.

Обзор итогов экспертного опроса по регионам

Регион проекта 1. Опрос экспертов в Мордовии

Согласно установленным квотам, опрошено 30 экспертов, в том числе 5 управленцев (сотрудников органов государственной власти), 15 общественников (представителей общественных организаций и религиозных конфессий) и 10 научных работников и педагогов. Управленцы, принявшие участие в опросе, представляли четыре республиканских министерства – министерство культуры, национальной политики, туризма и архивного дела РМ, министерство внутренних дел по РМ, министерство печати и информации РМ, министерство образования РМ. Среди общественников-участников опроса были активисты этнокультурных организаций (Фонд спасения эрзянского языка, мордовские региональные отделения Союза армян России и Всероссийского азербайджанского конгресса, городское казачье общество «Свя-

то-Предтеческое», местные НКА евреев и украинцев г. Саранска, НКА татар РМ «Якташлар», Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа), а также конфессий (Саранской епархии Русской православной церкви, Союза православной молодежи Мордовии, и мусульманских структур – Центрального духовного управления мусульман РМ и связанного с ним Исламского культурного центра, Духовного управления мусульман РМ и связанного с ним Союза мусульманок Мордовии). К этнокультурной (русской) и одновременно конфессиональной (православной) организации, участвующей в опросе, относится монархический Российский имперский союз-орден, располагающий филиалами по всему миру, чье руководство с 2014 г. находится в Саранске. Экспертами от науки стали профессор и доценты трех вузов республики – Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, Мордовского государственного педагогического института имени М.Е. Евсевьева, Саранского филиала Российского университета кооперации, а также сотрудник ведущего научного центра республики – НИИ гуманитарных наук при правительстве РМ, и активист Союза журналистов РМ.

В целом, опрос прошел в конструктивной и доброжелательной атмосфере, отказов от участия в анкетировании не было. Более половины опрошенных экспертов указали, что они сталкивались с проблемами миграции, но сфера их деятельности иная. Решением практических вопросов, связанных с мигрантами, занимаются около трети респондентов (в основном, такой ответ давали чиновники, правоохранители и активисты этнокультурных организаций), а одна шестая часть экспертов отметили, что они консультируют по данной тематике.

Мнения экспертов о возможном обострении конкуренции за рабочие места в Мордовии между «местными» и «пришлыми» в связи с предстоящей пенсионной реформой разделились таким образом: около половины экспертов отрицают такую возможность, столько же затруднились с ответом, двое считают это возможным и двое дали свои варианты ответов. У респондентов,

не видящих оснований для такой конкуренции, в комментариях в основном говорилось об отсутствии, по их мнению, связи между пенсионной реформой и трудовой миграцией. Были комментарии о дифференциации труда между местной рабочей силой и гастарбайтерами: «Местные и мигранты в основном трудятся в разных сферах. Старый доцент не будет конкурировать с дворником-таджиком» (преподаватель вуза). «Если только между нашими местными дворниками и строителями, с одной стороны, и узбекско-таджикскими дворниками и строителями, с другой» (преподаватель вуза). Прозвучало мнение о том, что для возникновения такой конкуренции масштабы внешней миграции в Мордовии невелики. Отдельные высказывания отражали недовольство значительной части общества увеличением пенсионного возраста, например: «Местные "конкуренты" в большинстве своем до пенсии не доживут» (преподаватель вуза). «Потому что число работающих русских увеличится» (активист городской казачьей организации). Некоторые опрошенные чиновники, наоборот, указывали, что общественные страхи и недовольство по поводу предстоящей реформы, ее «демонизация» являются надуманными. Немногочисленные сторонники точки зрения о росте конкуренции за рабочие места, напротив, здесь прямую взаимосвязь усматривают: «Мужики будут вынуждены работать после 60-ти. Это по любому усилит конкуренцию за рабочие места, в том числе с приезжими» (преподаватель вуза).

Около половины экспертов допускают отрицательное влияние миграции на межнациональные отношения в Мордовии. При этом часть сторонников этой точки зрения дали комментарии с явным осуждением мигрантофобии, например: «Мигранофобия проявляется и в Мордовии, хотя пока не в больших масштабах. В основном на уровне бытового хамства и бескультурья по отношению к приезжим ("чурки" там и прочее)» (преподаватель вуза). «В незначительной степени, но возможно. Неприязнь к азиатам все же живет в малокультурном русском обывателе» (преподаватель вуза). Другие эксперты, указавшие на отрицательное влияние, наоборот, сами высказали ксенофобские или алармистские комментарии: «Продолжение наплыва

узбеков может вызвать такие проблемы» (преподаватель вуза). «Когда число азиатов увеличится, они станут наглее и агрессивнее» (активист монархической организации). «Русские и мордва против чучмеков» (преподаватель вуза). «Массовый и многолетний отток коренного населения в сочетании с массовым притоком среднеазиатских гастарбайтеров может изменить национальный и конфессиональный ландшафт республики» (сотрудник НИИ). С другой стороны, около трети экспертов дали свои варианты ответов на этот вопрос, которые в разных формулировках отрицают влияние миграции в данной сфере.

По вопросу о влиянии миграции на межконфессиональные отношения в Мордовии, независимо от ответов, явно преобладает исламская тематика, что, очевидно, связано с вероисповеданием большинства прибывающих в республику иностранных рабочих. На отрицательное воздействие указали около трети экспертов, значительная часть которых дала комментарии с разной степенью ксенофобии и алармизма, например: «Больше политического ислама, наступление на Церковь» (активист монархической организации). «Православные против мусульман. Интересно, как поведут себя наши татары в такой ситуации...» (преподаватель вуза). «Православный люд против "бородатых", то есть исламистов, сторонников злой и агрессивной религии» (активист православной молодежной организации). В этом ряду комментариев отдельно звучит тема террористической угрозы: «Вообще с ними к нам могут прибывать террористы. Помните теракт в Питере? Кто взорвал метро? То ли киргиз из Узбекистана, то ли узбек из Киргизии – но сути вопроса это не меняет» (сотрудник правоохранительных органов). «Среди них могут быть боевики ИГИЛ и прочие представители радикального ислама. Есть же известные примеры – "банда ГТА" в Подмосковье, теракт в питерском метро. Потом эта ужасная няня-узбечка в Москве, отрезавшая голову ребенку...» (сотрудник правоохранительных органов).

Другие варианты ответа на этот вопрос дала треть опрошенных. Помимо традиционного для части экспертов тезиса об отсутствии влияния, на этот раз и в этой сфере, отдельные ком-

ментарии представляли собой некие дополнительные пояснения к конфессиональной ситуации в республике, например: «Если говорить о мусульманском факторе, то у нас татары перессорились из-за местных конкурирующих муфтиятов. Но это сугубо наша тема и мигранты-узбеки тут не влияют» (преподаватель вуза).

Положительное влияние миграции на межрелигиозные отношения в Мордовии указали единичные ответы. Например, на развитие под воздействием миграции конструктивного диалога религий (подразумевается – христианско-исламского) указали активист регионального отделения Союза армян России и сотрудник вуза. С их мнением перекликается развернутый комментарий активиста регионального отделения Всероссийского азербайджанского конгресса: «Дружба и добрососедство мусульман, православных и всех остальных. И в это я верю. Вот смотрите, я – шиит, и меня как своего принимают татары-сунниты, Мордовия наш общий дом!». Показателен здесь и комментарий мусульманского религиозного деятеля, представителя одного из муфтиятов республики: «Если честно, мы – мусульмане – рады, что к нам прибывают наши единоверцы, наши братья из Узбекистана и Таджикистана. И не думаю, что они способны как-то дестабилизировать обстановку, в том числе нарушить нашу дружбу с РПЦ». В этот позитивный ряд вновь попал эксперт от Фонда спасения эрзянского языка со своим специфическим видением проблемы: «Меньше русских – меньше православия. Очень хорошо!». Затруднились ответить на этот вопрос четверо.

В целом, оценивая общее влияние миграции на этноконфессиональную ситуацию в Мордовии, около половины экспертов считают такое воздействие отрицательным, выражая тревожные и зачастую алармистские настроения по поводу возможного роста «азиатского» населения республики, угрозы терроризма. Около трети экспертов дали свои варианты ответов, большинство из которых сводились к отрицанию влияния. И только около четверти респондентов увидели положительное влияние миграции на межнациональные и межрелигиозные отношения в Мор-

довии (тезисы о диалоге религий, о традиционной для региона «дружбе народов»).

В то же время около трети респондентов считают, что мигрантофобия достаточно широко распространена в регионе. Некоторые эксперты открыто выражают свою приверженность к данной ксенофобии: «Я сам из этих, неприязненных» (преподаватель вуза). «Я сам такой» (активист православной молодежной организации). Активист Фонда спасения эрзянского языка в очередной раз проявил себя как ксенофоб, но в отношении русских, которых он воспринимает как «мигрантов на его земле», дав следующий комментарий: «Со стороны русских. Мы, эрзяне, всегда рады гостям». Активист еврейской НКА в ответе на данный вопрос поднял тему антисемитизма: «Я думаю, антисемитизм у нас чаще проявляется, чем мигрантофобия. Но это всё (разговоры про "жидов" или "чурок") - явление одного порядка, происходящее от элементарного бескультурья». Отдельные респонденты-мусульмане подняли тему общей исламофобии, с которой порой сталкиваются не только мигранты, но и местные мусульмане-татары: «К сожалению, очень много хамства. Не только к приезжим. Могут оскорбить на улице или в транспорте нашу местную татарочку только за то, что носит мусульманский платок» (мусульманский религиозный деятель). «Есть бескультурье. Насколько это характерно, трудно сказать. Вот я местная, а меня обругали в троллейбусе за хиджаб какие-то пьяные. Но в целом мы дружно живем с православными...» (мусульманская активистка).

Соответственно, абсолютное большинство экспертов отрицают вероятность открытого и массового конфликта между мигрантами и местным населением республики. Приведем примеры комментариев: «Неприязнь есть, но не до такой же степени» (преподаватель вуза). «Не в нашем заспанном краю» (преподавательница вуза). «Был эпизод, по моему, в Чамзинке. Но в целом напряжения не ощущаю в этой сфере» (преподаватель ву-

за)¹. «Пресечём на корню, в зародыше» (работник правоохранительных органов). Тем не менее, три эксперта допускают эту ситуацию: работник правоохранительных органов и активист православной молодежной организации допускают возможность повторения конфликта в Чамзинке 2013 г., а активист Фонда спасения эрзянского языка дал комментарий: «Русские – агрессивные. От них всего можно ждать».

У абсолютного большинства экспертов вызвал категорическое отрицание вопрос о возможности нанесения миграцией и мигрантами какого-либо ущерба объектам культурно-исторического наследия Мордовии. В некоторых комментариях указывалось на то, что мигранты, напротив, строят и создают в Мордовии, в том числе и объекты культурного назначения: «Не вижу проблемы. Узбеки строят в основном и случаев вандализма с их стороны не было» (преподаватель вуза). «Они приезжают строить для нас, а не ломать!» (мусульманский религиозный деятель). «Ломать они ничего не будут. Вообще они в большинстве своем боязливы и законопослушны. Всё-таки люди в чужой стране находятся, среди чужих» (преподаватель вуза). Работник правоохранительных органов, в принципе, допускает эту ситуацию, но указывает, что не ее просто допустят, пресекут силовыми методами. Активист еврейской НКА, комментируя этот вопрос, вновь к теме ближневосточного конфликта: «Это тема Израиля (Стена Плача, а над ней – вражеский молельный дом, мешающим нам, евреям, восстановить свой Храм). Но не России». И вновь свое, особое мнение высказывает активист Фонда спасения эрзянского языка: «К сожалению! Если бы гастарбайтеры разрушили православные церкви, я бы только радовался, как радовался крестоповалу в Крыму до русской оккупации. Но это может быть только в хорошем сне». У ряда экспертов рассмат-

¹ Нападение толпы подростков на общежитие узбекских рабочих в поселке Чамзинка (2013 г.). Об этом см., например: *Шилов Н. В.* Мигрантофобия как фактор риска возникновения межнациональных конфликтов (на материалах Москвы и Мордовии) // Регионология. Научный журнал. 2016. № 4, с. 177–188.

риваемый вопрос вообще вызвал раздражение или сарказм: «А это как, не понимаю? Музеи, что ли пойдут громить?» (преподаватель вуза). «Сразу представляются вандалы, разрушающие Рим... Мигранты не вандалы. А Саранск – не Рим» (преподаватель вуза). «Ну Вы даёте! Это по определению невозможно» (сотрудник министерства культуры, национальной политики, туризма и архивного дела). «Вы вообще как это себе представляете? Узбеки штурмуют кафедральный собор святого праведного воина Феодора Ушакова? Ха-ха-ха!» (сотрудник министерства печати и информации). «Я немного не понял: мигранты на наши церкви нападут что ли? Пусть только попробуют. Только это что-то из разряда ненаучной фантастики» (активист городской казачьей организации). Но то, что вызывает упражнения в остроумии у одних экспертов, для одного участника опроса – активиста монархической организации – представляется реальной перспективой, о чем свидетельствует его комментарий: «Если их станет слишком много, малиновый звон православных колоколов сменят завывания муэдзинов. Будет "мечеть парижской богородицы" в русском варианте».

Также абсолютное большинство экспертов считают, что миграция не способна в ближайшие годы серьезно изменить привычный уклад жизни и культуру местного населения Мордовии. Аргументация: «Их (*имеются в виду трудовые мигранты из Средней Азии – А. М.*) стало больше на наших улицах, но все же наплыв не столь уж большой» (преподаватель вуза). «Русские как были в большинстве, так и останутся. Со всеми вытекающими последствиями» (сотрудник министерства печати и информации). «Соотношение русских, татар, мордвы и остальных вряд ли сильно изменится» (активист татарской НКА). «У нас мигрантов не так много. А что касается нас, мусульман и мусульманок, то у нас с узбеками образ жизни очень похож» (мусульманская активистка).

В то же время единичные ответы отдельных экспертов указали на вероятность и реальность такой перспективы: «Если их станет критично много. А это возможно» (преподаватель вуза). «Если поток из Азии не регулировать» (преподаватель вуза).

«Гипотетически. Если поток гастарбайтеров неконтролируемо увеличится» (работник правоохранительных органов). «Массовый и многолетний отток коренного населения в сочетании с массовым притоком среднеазиатских гастарбайтеров может изменить национальный и конфессиональный ландшафт республики» (сотрудник НИИ). «Хочется в это *(имеется в виду сокращение русского населения – А. М.)* верить» (Активист Фонда спасения эрзянского языка).

Что касается отдельных мероприятий и институтов, уместных для адаптации иностранных и внутрироссийских мигрантов, применительно к Мордовии эксперты считают крайне необходимым развитие миграционных центров (80% опрошенных об иностранных мигрантах, и 70% опрошенных о внутрироссийских мигрантах). По всем остальным указанным в анкете направлениям работы эксперты придерживаются мнения «вероятно это необходимо». При этом абсолютное большинство экспертов признают, что в Республике Мордовия имеется потребность в адаптации и интеграции иностранных мигрантов, а также придерживаются такого же мнения по поводу внутрироссийских мигрантов.

В вопросе об участии общественных организаций Мордовии в адаптации и интеграции экспертов наибольшее число голосов получило противодействие ксенофобии и экстремизму (около половины опрошенных). В то же время чуть более трети экспертов считают, что общественные организации не участвуют или не должны участвовать в данной деятельности, поскольку это, по их мнению, исключительная прерогатива государства.

Если представить мнения экспертов о потребностях и возможностях мигрантов в сфере адаптации и интеграции по пятибалльной шкале, то их оценки в отношении иностранных и внутрироссийских мигрантов почти совпадают или полностью совпадают. Так, потребности Республики Мордовия в адаптации иностранных мигрантов эксперты оценили в 3,5 балла, а необходимость адаптации внутрироссийских мигрантов – в 3,2 балла. Потребности же региона в интеграции иностранных и внутрироссийских мигрантов получили одинаковую оценку респон-

дентов – 3 балла. Указанное выше мнение трети экспертов об ограниченном участии и небольшом потенциале в данной сфере общественных организаций повлияло на достаточно низкую оценку: возможности общественников в интеграции мигрантов получили 2,2 балла, в адаптации мигрантов – еще меньше, 1,9 балла. Такая низкая оценка со стороны экспертов вполне адекватна реалиям Мордовии, поскольку проблемами мигрантов занимаются немногие организации, связанные с ними в этническом или конфессиональном плане – например, армянская и азербайджанская этнокультурные организации, мусульманские объединения. Но их деятельность, в основном, сводится к моральной поддержке трудовых мигрантов через привлечение к разного рода культурным мероприятиям и разовые благотворительные акции. Тогда как вопросы трудоустройства, обеспечения жильем, устройства детей в школы и детские сады мигранты решают самостоятельно или при участии госструктур, а также заказчиков их труда (строительных фирм и др. организаций).

Вопрос о необходимости законодательного различения терминов «адаптация» и «интеграция» вызвал затруднение у двух третей экспертов). В то же время чуть менее трети респондентов считают такое различие необходимым. Правда, большинство из них ограничились констатацией того, что это разные категории и лишь немногие снабдили свой ответ более развернутыми комментариями-пояснениями, например: «Понятия взаимосвязаны. Но интеграция подразумевает превращение мигрантов в постоянных местных жителей» (преподаватель вуза). «Интеграция, по-моему, подразумевает, что они остаются у нас и получают гражданство. А адаптация – они знают русский и ориентируются в нашей жизни (магазин и т.п.). Надо, наверно, различать поэтому» (работник министерства образования). «Безусловно! Интеграция более широкое понятие, подразумевающее адаптацию» (активист азербайджанской этнокультурной организации). «Адаптация – просто приспособление к местным условиям. А при интеграции мигранты становятся органичной частью принимающего общества. Поэтому надо различать это и в законодательстве» (мусульманский религиозный деятель). Мне-

ния об отсутствии различий между рассматриваемыми терминами, их синонимичности придерживаются только два эксперта.

Регион проекта 2. Опрос экспертов в Москве о миграции

В Москве, при опросе экспертов, согласно квоте, применялись две подвыборки. По подвыборке 1 в качестве представителей органов государственной власти были опрошены сотрудники Федеральной службы государственной статистики, сотрудники двух подразделений Федерального агентства по делам национальностей России. Респондентами от общественных организаций стали члены следующих НКО: ООО Ассамблея народов России; Общественный Совет ГБУ Московский дом национальностей; ООО Общероссийское Объединение Корейцев; Всероссийская общественная организация Русское географическое общество; Международный альянс «Трудовая миграция»; Студенческий Совет Российского университета дружбы народов; Общероссийское общественное движение "Всероссийский межнациональный союз молодёжи"; РОО "Содействия самобытности, развития языка, обрядов народов Таджикистана "Таджикская диаспора "НУР"; Автономная некоммерческая организация "Научно-просветительский центр "Мост в будущее". Экспертами от академических институтов выступили сотрудники ФГБУН Институт Африки Российской академии наук; ФГБУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН) и ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук.

По подвыборке 2 опрошены представители госструктур, занимающиеся решением практических вопросов в области миграции (Министерство внутренних дел РФ); эксперты, проводящие консультации по миграционным вопросам либо занимающиеся аналитической деятельностью (Государственная дума Федерального собрания РФ); эксперты, которые по роду своей деятельности сталкиваются с темой миграции (Аппарат Комите-

та Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, государственное бюджетное учреждение «Московский дом национальностей», Постоянное представительство Республики Коми при Президенте РФ). Также опрошены представители общественных организаций этнокультурной, миграционной, правозащитной направленности. Эти организации оказывают социальную, правовую, информационную, консультационную поддержку мигрантам (Международная организация по миграции, Федерация мигрантов России, Федеральная грузинская национально-культурная автономия в России, Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ, Узбекская национально-культурная автономия г. Москвы, Международная негосударственная некоммерческая организация «TONG JAHONI», региональные общественные организации "Содействие, сотрудничество, созидание" и "Центр поддержки русско-киргизских общественных и стратегических инициатив, Фонд поддержки социальных проектов "Миграция XXI век", Автономная некоммерческая организация «Центр содействия межнациональному образованию "Этносфера"», Комитет "Гражданское содействие", Сеть «Миграция и Право», межрегиональная общественная организация «Правозащитный центр "Мемориал"»). Также в опросе принял участие представитель Межгосударственной телерадиокомпании "МИР" – СМИ, выносящего на обсуждение широкой аудитории вопросы в сфере миграции. Кроме того, опрошены сотрудники академических институтов, вузов, других научных центров (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАН-ХиГС), в том числе Институт социального анализа и прогнозирования и Центр изучения миграционной политики), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (исторический, географический факультеты), Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Институт миграции и межнациональных отношений).

Тема исследования встретила интерес и понимание у экспертов, однако некоторые организационные сложности, впрочем, обычные для подобных опросов в Москве, все-таки возникли. Наиболее доступными оказались сотрудники академических институтов. Для них привычна роль эксперта, срабатывает также и профессиональная солидарность. Сложнее получить согласие представителей органов государственной власти и общественных организаций. Представители обеих категорий ссылаются на нехватку времени, представители первой категории неохотно дают комментарии без санкции руководства, а общественники не всегда уверены в своей компетенции.

Оценивая общий характер влияния миграции на демографическую ситуацию в регионе, больше половины респондентов заявили, что считают это влияние положительным и около 40% сочли его отрицательным. Среди тех экспертов, кто предпочел дать другой ответ преобладают те, кто считает, что миграция не влияет на демографию региона: «Миграции в целом малозаметны в условиях жизни мегаполиса». Один из опрошенных считает, что ситуацию «нельзя оценивать однозначно. Есть плюсы и минусы». Почти восемь процентов затруднились с общей оценкой влияния миграции на демографическую ситуацию.

Отрицательное влияние миграции на демографическую ситуацию, по мнению экспертов, заключается в том, что приезд новых жителей приводит к переизбытку населения в регионе. В то же время, существует противоположное экспертное мнение: рост населения столицы за счет мигрантов не является негативным процессом, а, наоборот, благотворно сказывается на экономической ситуации.

Представители госструктур редко склонны оценивать воздействие миграции на демографию столицы как положительное в отличие от представителей науки и общественного сектора. В то же время общественный сектор по количеству мнений об отрицательном воздействии приближен к экспертам из госструктур. То есть, согласно результатам опроса, власть видит миграцию как фактор, отрицательно влияющий на демографическую ситуацию. Научное сообщество влияние миграции на демогра-

фию оценивает в первую очередь как положительное, с присутствием небольшой доли негативного воздействия. Общественники полагают, что миграция оказывает положительное влияние на демографию, но и отрицательное влияние тоже существенно.

Треть экспертов уверена в том, что миграция в обозримом будущем способна увеличить число квалифицированных кадров в столице. Тех, кто думает, что ситуация с достаточным количеством хороших специалистов на московском рынке труда, наоборот, ухудшится в связи с оттоком и притоком людей в мегаполис, немного – одна десятая часть опрошенных. Довольно много экспертов (почти четверть) не смогли с определенностью сказать, в какую сторону ситуация будет меняться. Пятая часть респондентов говорит об отсутствии влияния миграции на наличие/отсутствие квалифицированных специалистов. Остальные эксперты утверждают, что достаточность квалифицированных кадров будет зависеть от вектора развития столичного региона и связанной с этим потребностью в квалифицированных специалистах, что будет определять динамику спроса и предложения.

Что касается прогноза относительно качества сферы услуг в Москве, то половина опрошенных считают, что приток мигрантов окажет благотворное влияние на эту сферу. Немногие (около пятой части) допускают ухудшение качества услуг в связи с занятостью в этой сфере мигрантов. Еще одна пятая часть не видит связи между миграцией и качеством услуг в Москве. По мнению одного из экспертов, этнические мигранты формируют свою сферу услуг, часто теневую, но на официальную сферу услуг это не влияет.

Сферой, в которой по заявлению наибольшего количества экспертов, принявших участие в опросе, отсутствует влияние миграции, является медицина. Почти половина респондентов считает, что приток мигрантов в Москву не повлияет на доступность медицинских услуг для жителей города. Тем не менее, около пятой части экспертов думает, что мигранты могут затруднить доступ к медицинским услугам, а десятая часть – улучшить ситуацию в этой сфере.

Сфера, в отношении которой максимальное количество экспертов, принявших участие в опросе (больше половины), предполагают в ближайшие годы усиление нагрузки в связи с миграцией, - это социальная и транспортная инфраструктура. Лишь очень немногие (3%) говорят об улучшении этой сферы.

В целом большая часть экспертов считает, что миграция может отрицательно влиять на социальную обстановку в Москве. Наиболее значительное отрицательное влияние миграция оказывает (в порядке убывания) на социальную и транспортную инфраструктуру, криминогенную ситуацию, занятость и безработицу, зарплаты и доходы населения. Среди положительных факторов ведущими являются улучшение качества сферы услуг и приток квалифицированных кадров.

Вопрос: «Способна ли миграция (отъезд, приезд) в ближайшие годы повлиять положительно или отрицательно на межнациональные отношения в Вашем регионе?» вызвал много комментариев. Поэтому оценивая ответы важно не только отметить, что тех, кто считает, что миграция окажет отрицательное влияние вдвое больше тех, кто полагает, что оно будет отрицательным, но подробнее рассмотреть комментарии и группу «других» ответов. Примерно треть экспертов давших собственный вариант ответа считают, что миграция не окажет влияния межнациональные отношения. Часть экспертов связывают возможность ухудшения с количеством приезжих: «если приток мигрантов будет масштабным и неконтролируемым» или «если мигрантов будет слишком много, и они будут резко выделяться по социально-культурным нормам». Другие связывают возможность негативного влияния миграции с ухудшениями в экономической и социальной сферах: «обострение отношений возможно при усилении социальных тягот по оплате ЖКХ, снижению фактических зарплат, осложнением в сфере занятости». Высказывается и мнение, что постоянно существующая угроза бытовых конфликтов будет расти с увеличением доли мигрантов. Есть и комментарии более позитивного характера. Некоторые эксперты отмечают важность сохранения существующего баланса межнациональных отношений: «Москва характеризуется устойчивым

и развивающимся опытом межкультурного общения, и удержание этого опыта служит основой стабильности», «сейчас у нас баланс межнациональных отношений, приезжающие люди более агрессивны в проповедовании своей национальной самоидентичности». Высказывается идея о накоплении необходимого опыта взаимодействия. Один из экспертов считает, что: «люди разных культур и народностей будут больше знать друг о друге, многие стереотипы будут разрушены».

Положительное воздействие миграции на межнациональные отношения, согласно мнению некоторых экспертов, возможно в случае эффективной национальной и миграционной политики, успешной работы органов власти и общественных объединений в части адаптации и интеграции в геополитическое, языковое и культурное пространство пребывания мигранта. Также, каким будет вектор влияния миграции на сферу межнациональных отношений, в большой степени зависит от пропаганды СМИ и идеологии политических движений в предвыборные периоды страны.

Что касается вопроса о влиянии миграции на отношения между конфессиями или между адептами разных религий, то здесь перевес голосов еще больше склоняется в сторону отрицательного воздействия. Четверть экспертов затруднились ответить на этот вопрос. Из тех, кто дал развернутый ответ почти половина считает, что миграция не повлияет на религиозную жизнь, в частности и потому, что «все опросы показывают, что у россиян по-прежнему секуляризованное сознание». Некоторые респонденты подчеркивают роль государственной политики, в частности в СМИ: «муслирование темы религиозных различий и разногласий, в частности, связанное с политическими процессами на Украине, может приводить у межгрупповой напряженности».

Подавляющее большинство экспертов считают, что в Москве нет районов «контролируемых» мигрантами, пребывать в которых местным жителям некомфортно. Один из респондентов назвал Чертаново и Бирюлево в качестве таких мест и отметил, что «Это допускать нельзя. Это - большая ошибка!». Дру-

гой эксперт отмечает в этом качестве «только очень локальные места вроде части рынков и некоторых общежитий в Подмоскowie». Также большинство респондентов не считают, что наличие детей мигрантов в классах мотивирует родителей переводить детей в другие классы и школы. Однако по этому вопросу несколько больше и тех, кто считает, что такое явление существует: «считается, что эти дети плохо владеют русским и общий уровень класса будет низким» или «обычно в таких классах низкая мотивация к учебе и низкий уровень требований со стороны преподавателей: потенциал местного ребенка не активен, потому и переводят». Значительная часть экспертов считает, что такой проблемы не существует: «в классах количество детей-мигрантов не преобладает над местным населением (в классе из 25 человек 2-3 ребенка-мигранта)», «массового явления не наблюдается, но необходимо всемерно придерживаться политики не концентрировать детей с низким знанием русского языка в отдельных школах и классах». Что касается неприязненного отношения местного населения к мигрантам, то большинство экспертов согласны с тем, что оно присутствует в общественной жизни. Они отмечают «вымогательство милиции, бытовое хамство обывателей», в частности, в отношении дворников и водителей общественного транспорта. Некоторые респонденты считают, что хотя уровень ксенофобских настроений снизился, однако нередки случаи, когда выходцев из стран СНГ воспринимают только как дешевую рабочую силу. Эксперты отмечают, что неприязнь проявляется, главным образом, в случае возникновения конфликтов или недопонимания, а эксцессов, которые были бы массовыми и регулярными, не наблюдается. В целом баланс межнациональных отношений в Москве, по мнению экспертов, выглядит положительным. В качестве положительных моментов выделяются отсутствие районов «контролируемых» мигрантами, не ощущается значительной угрозы культуре, местному укладу жизни, объектам истории и культуры. Отрицательным фактором выступает наличие нетерпимости к приезжим.

Мнения экспертов по поводу влияния требования о знании мигрантами русского языка, истории и основ законодательства РФ на экономику столичного региона разделились с небольшим перевесом в сторону отрицательного воздействия такого требования. Четверть респондентов видит положительное влияние в дополнительных поступлениях в бюджет Москвы от сдачи экзамена по русскому языку. Данная мера способствует более быстрой и успешной адаптации мигрантов и взаимопониманию с местным населением, что благотворно отражается на экономике.

Две трети экспертов считают, что отрицательное воздействие требования выражается в том, что экзамен носит формальный характер, порождает коррупцию, вынуждает мигрантов к дополнительным денежным тратам. Знание русского языка не выросло. Осложнился прием на работу мигрантов на те места, где хорошее знание языка не имеет большого значения (например, IT-специалисты высокого уровня).

Большинство экспертов отрицают возможность в Москве массовых конфликтов между приезжими и местными в ближайшие год-два. Те, кто придерживается противоположной точки зрения говорят о дополнительных условиях, которые должны присутствовать для возникновения такого конфликта: «возможно, но через значительный срок при целенаправленных провокационных усилиях и осложнении экономических условий» или «но только вокруг вопиющих поводов: нераскрытые и необъясненные убийства, появление несогласованных с местными объектов культа, массовых праздников».

Что касается возможных сфер участия общественных организаций, то основными среди них эксперты считают обучение мигрантов русскому языку; обучение мигрантов основам законодательства, истории, культуры и правилам поведения в местном сообществе; содействие мигрантам в поиске жилья и трудоустройстве и совместные мероприятия в области культуры и досуга местных жителей и мигрантов.

Из ответов респондентов следует, что в Москве у общественных организаций достаточно возможностей для адаптации и интеграции иностранных и внутрироссийских мигрантов.

По оценкам подавляющего большинства экспертов (97%) для Москвы имеется потребность в адаптации и интеграции мигрантов. При этом мероприятия по адаптации и мероприятия по интеграции требуются в равной мере. Лишь незначительная часть (3%) полагают, что такой необходимости для региона нет.

В том, что интеграция и адаптация внутренних (внутрироссийских) мигрантов в Москве, необходима, уверено меньшее количество экспертов, но тем не менее, доля придерживающихся этого мнения высока - 73% против тех, кто не видит необходимости адаптировать и интегрировать внутрироссийских мигрантов. Причем, в адаптации они нуждаются в меньшей степени, чем в интеграции (45% против 55%).

Для адаптации внутренние мигранты, согласно оценке экспертов, больше всего нуждаются в следующем:

- обеспечение доступа к социальным, медицинским, образовательным услугам;
- содействие в поиске жилья и трудоустройстве;
- услуги мигрантам в многофункциональных центрах государственных муниципальных услуг.

Для интеграции внутрироссийских мигрантов в первую очередь необходимо:

- совместные мероприятия в области культуры и досуга с местными жителями;
- формирование у местных жителей навыков межкультурного взаимодействия;
- противодействие ксенофобии и недопущение разжигания межнациональной и религиозной розни;
- обучение правилам поведения в местном сообществе;
- противодействию изоляции и возникновению мигрантских «анклавов».

В отношении иностранных мигрантов, по оценкам экспертов, необходим гораздо более широкий список мер по адаптации и интеграции. Перечислим их по мере убывания долей ответов экспертов (отметим, что разница в долях по всем пунктам незначительна, что говорит о равноценности каждой из мер).

Для адаптации иностранных мигрантов в Москве, по мнению экспертного сообщества, необходимы:

- обеспечение доступа мигрантам и членам их семей к социальным, медицинским, образовательным услугам;
- обучение мигрантов русскому языку;
- услуги мигрантам в многофункциональных центрах государственных муниципальных услуг;
- содействие мигрантам в поиске жилья и трудоустройстве;
- обучение мигрантов основам законодательства, истории, культуры;
- развитие миграционных центров.

А также, в меньшей мере информирование о программе содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

Для интеграции иностранных мигрантов в Москве, по мнению экспертного сообщества, необходимы:

- обучение мигрантов правилам поведения в местном сообществе;
- противодействие ксенофобии, недопущение разжигания межнациональной и религиозной розни;
- формирование у местных жителей навыков межкультурного общения;
- совместные мероприятия в области культуры и досуга местных жителей и мигрантов;
- противодействие изоляции мигрантов и возникновению мигрантских «анклавов»;
- обучение мигрантов основам законодательства, истории, культуры.

А также, в меньшей мере, разъяснение населению Концепции государственной миграционной политики РФ.

Подавляющее большинство мигрантов (87%) видят большие возможности общественных организаций в адаптации и интеграции мигрантов, причем в интеграции, по мнению экспертов, НПО могут быть полезны в большей степени.

В сфере адаптации мигрантов общественные организации могут быть полезны и обладают ресурсами в проведении следующих мероприятий:

- содействие мигрантам в поиске жилья и трудоустройстве;
- обучение мигрантов русскому языку;
- обучение мигрантов основам законодательства, истории, культуры;
- обеспечение доступа мигрантам и членам их семей к социальным, медицинским, образовательным услугам;
- информирование о программе содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

В сфере интеграции мигрантов:

- совместные мероприятия в области культуры и досуга местных жителей и мигрантов;
- противодействие ксенофобии, недопущение разжигания межнациональной и религиозной розни;
- формирование у местных жителей навыков межкультурного общения;
- обучение мигрантов основам законодательства, истории, культуры.

Что касается потребностей и возможностей адаптации и интеграции мигрантов по оценкам экспертов, то первоочередной потребностью для Москвы является адаптация и интеграция иностранных мигрантов, а наибольшими возможностями общественники обладают именно в сфере интеграции мигрантов.

Отвечая на вопрос о необходимости законодательного различения понятий «адаптация» и «интеграция» мигрантов, некоторые эксперты отметили отсутствие однозначного разделения этих понятий в научных работах о миграции, отметили взаимосвязанность и неразделимость процессов адаптации и интеграции мигрантов. Небольшая часть экспертов высказалась против законодательного разделения этих понятий. Эти люди считают, что «достаточно одного термина (любого), чтобы не было путаницы», «должно быть комплексное решение вопросов». Примерно треть затруднились с ответом на данный вопрос. Большинство же считает такое разделение оправданным. Адаптацией

они называют привыкание, интеграцией - вовлечение в активную жизнь общества, «адаптация - кто приехал временно на заработки, интеграция - кто намерен жить постоянно». Эксперты отмечают, что это «нужно только в некоторых ситуациях, особенно для действий властей. Для самих мигрантов и гражданских организаций - это не важно», «необходимо для ясного понимания органами исполнительной власти, что интеграция - это не выдача иностранцам патента и сертификата о знании русского языка, а нечто большее».

Регион проекта 3. Опрос экспертов Подмосковья о миграции

В рамках текущего исследования задачей экспертной выборки Подмосковья являлась необходимость представить как можно большее разнообразие экспертных мнений, рожденных разным опытом экспертов во взаимодействии с разными группами мигрантов. Поэтому была предпринята попытка привлечь экспертов с отличающейся позицией среди назначенных квотных групп – управленцев, общественников, ученых. Труднее всего это было сделать в отношении группы управленцев, в которую вошли сотрудники низовых органов власти, привлекающие мигрантов по контракту с управляющими компаниями в сфере жилищно-коммунального хозяйства, либо это сотрудники образовательных и медицинских учреждений, которые имеют дело с мигрантами как со своими сотрудниками и клиентами. Как правило, организации, привлекающие мигрантов неохотно идут на откровенное сотрудничество в вопросах связанных с привлечением и оформлением мигрантов. Не стало исключением и данное исследование. Заполнили анкеты только те сотрудники подобных организаций, которые уже имели опыт участия в аналогичных исследованиях или мероприятиях, связанных с адаптацией или интеграцией мигрантов. Это, несомненно, сузило представительность выборки, по сравнению с той, которая была бы выбрана методом случайного выбора, но, зато, личный предыдущий опыт руководителей позволяет надеяться на ис-

кренность и обоснованность их высказываний. К тому же, мнения экспертов данной категории представляют легко определяемые противоположные позиции по отношению к мигрантам и миграции.

Также нужно отметить изменение отношения к участию в исследовании разных категорий экспертов. Очень пассивными оказались НКО, организованные мигрантами и напрямую занимающиеся проблемами адаптации и интеграции мигрантов. Их оказалось очень мало в выборке, так как они не отвечали на письма, не возвращали анкеты и т.д. Возможно, эксперты уже несколько подустали от участия в проектах, где им уготована роль респондента. Возможно, они претендуют на более важные роли в подобных исследованиях. Как бы там ни было, голоса про- и мигрантских экспертов не хватает в общем мнении экспертов от НКО и это не могло не повлиять на общих выводах на основе опроса.

С другой стороны, гораздо меньше было отказов от участия среди экспертов, деятельность которых не посвящена только и исключительно мигрантам. В ходе предшествующих исследований люди чаще всего говорили в таких случаях, что «это не их тема», «это их мало касается» и т.д. Можно сказать, что за последние 2-3 года тема адаптации и интеграции мигрантов стала актуальной для гораздо большего числа людей, и не только для НКО или нанимателей мигрантов, но и для сотрудников образовательных или исследовательских организаций.

Так же, в большинстве своем эксперты не считают, что повышение пенсионного возраста будет означать обострение конкуренции между людьми предпенсионного возраста и мигрантами, поскольку они ориентированы на разные виды деятельности. Такая позиция, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии стойких антимигрантских настроений, которые наделяют мигрантов свойствами негативного воздействия на ситуацию в любой сфере, без предварительного анализа.

Практически пополам разделились мнения экспертов по поводу того, какое влияние может оказать миграция на международные отношения. Чуть меньшая часть считает, что это влия-

ние положительное, аргументируя это тем, что «разнообразие рождает интерес друг к другу», «люди научатся взаимодействию», «межкультурные, межконфессиональные и межнациональные отношения дают стимул к выстраиванию нормальной мозаики современной жизни». Несколько большая часть экспертов считает, что это влияние будто скорее отрицательным, указывая на то, что «приезжих становится слишком много», «в общем то да, учащаются стычки между кавказцами и азиатами», «способность мигрантов к сплочению ведет к образованию конфликтов на бытовой почве, решаемых силовым методом, и, как правило, не в пользу коренного населения». Как видим, в аргументах обеих сторон преобладают соображения отвлеченно проективного характера, которые вряд ли сформировались на основе неоднократно наблюдаемых или осмысляемых экспертами ситуаций. Некоторым исключением выглядят только опасения по поводу способности мигрантов к мобилизации как угрозе принятому в обществе способу решения сложных вопросов с помощью ресурсов государства. Эта мобилизационная способность свидетельствует с одной стороны о недостаточном использовании (или доступности) мигрантами возможностей государственных институтов для решения своих повседневных задач (безопасность и взаимная поддержка), а, с другой, - об условиях создания мигрантами параллельных государственным «своих» структур для решения этих самых задач. Очевидно, эксперты наблюдали какие-то черты поведения мигрантов, которые заставляют догадываться о существовании таких сетей взаимоподдержки и мобилизации, что и отразилось в их мнениях.

С гораздо большей определенностью эксперты высказались за возможность отрицательного влияния миграции на религиозные отношения, хотя каких-либо верифицируемых окружающей повседневностью аргументов в поддержку этой точки зрения не привели. Наиболее часто приводимые высказывания отражают дискуссии в СМИ по поводу строительства новых мечетей в подмосковном регионе: «это возможно, нет толерантности, слишком много мечетей», «все предпосылки есть, нужно будет больше мечетей и они (признаки ухудшения религиозных отно-

шений) станут более заметны», «русский человек тяжело принимает что-то отличное от его культуры», «не нашли еще оптимального решения по мечетям». Но факты протеста против строительства новых мечетей и, соответственно, дискуссий по этому поводу отмечены только в двух районах Подмосковья и не в последний год. Тогда как, эти опасения отражаются в оценках экспертов и из других районов и в настоящий момент.

Гораздо более предметными выглядят предложения по улучшению ситуации тех экспертов, которые не опасаются отрицательного влияния миграции на межрелигиозные отношения: «только отчасти может негативно повлиять, если в обществе будут "искусственно" накручивать эту ситуацию и не будут работать с религиозными лидерами», «так как речь идет в основном о мусульманах, то правильнее будет сделать акцент на контроль и одновременно гуманное представление данной религии». В целом большая часть экспертов отметила преимущественно отрицательное влияние миграции и мигрантов на межнациональные отношения, но, при этом, противоположное мнение разделяют более трети экспертов, что означает отсутствие абсолютного «негативного консенсуса» по отношению к мигрантам в этих вопросах.

Значительное большинство экспертов отметило положительное влияние на экономику требования предоставления при трудоустройстве сертификата о сдаче экзамена по русскому языку, знания истории и основ законодательства РФ». Среди основных аргументов: «приезжают более квалифицированные кадры», «повышает их уровень, если экзамен реальный», «им же легче общаться», «по разным группам профессий разное влияние, но больше положительно», «должно помочь», «это облегчит взаимопонимание, общение, сближает с местными», «если это реальный экзамен, то он поможет взаимопониманию», «более ориентированы на Россию будут», «лучше можно общаться с ними». В тоже время некоторые эксперты, не отрицая важности этих знаний для мигранта, сомневаются, в том, что через систему таких экзаменов их можно достичь: «Положительно, так как важно, чтобы мигранты знали русский язык и т.д., но

попробовав пройти экзамен, столкнулась с тем, что тесты может сдать далеко не каждый россиянин, во-вторых, мне не разрешили сдавать сразу экзамен 3 уровня, не понятно почему?», «предполагаю, что язык это очень важно, однако система приема экзаменов оставляет желать лучшего», «это формальная процедура», «влияние не прослеживается. Из наблюдений, эта мера выполняется формально».

Некоторые эксперты вообще сомневаются в целесообразности этой меры: «Это хорошо в целом, но на экономику это никак не повлияло. Возможно даже повлияло отрицательно, так как не все квалифицированные спецы могут хорошо говорить по русски. Он руками работает, а не языком», «не знаю, но если человек хороший плиточник или каменщик, мне все равно знает он русский или нет. В бригаде всегда есть человек, с которым можно объясниться. Другой вопрос, насколько человеку самому комфортно находится в стране, не зная языка», «никак не повлияло. У нас мало иностранцев работающих легально», «никак не влияет, нет прямой связи», «знания языка и миграционного законодательства достаточно», «не на всех работах это нужно», «лишние траты, как минимум на эти знания мигрантов, а нашим русским детям мы русский язык в первом классе платно преподаем».

В итоге большинство экспертов положительно оценили комплекс мер, направленных контроль за миграционными процессами в регионе, но отметили разный уровень эффективности отдельных инструментов этого комплекса. Наиболее положительное влияние оказывает, по их мнению, на ситуацию в регионе введение патента и требования сертификата о знании русского языка, истории и основ законодательства РФ. Наименее однозначное положительное влияние отмечено у запрета на въезд в РФ иностранцам из-за несоответствия цели въезда и фактической деятельности и у обязанностей работодателей при найме иностранных работников.

подавляющее число экспертов отрицают возможности складывания в Подмоскowie «районов под контролем мигрантов», но некоторые, все же, допускают такую возможность. Вот

как это выглядит в их высказываниях: «подобного у нас нет», «я не встречал, но не исключаю, что есть», «я сама из этой категории... мне непонятно это здесь. В Европе мигранты, это те кто подвергся насилию со стороны Европы... , тогда как мигранты в России, это в основном экс-соотечественники. Т.е. совсем другая картина...», «пока не так, но предпосылки есть около рынков и общежитий», «там где крупные строительные объекты (где работают мигранты) рекомендуют не ходить, обходить, не подходить близко», «В нашем регионе (Московская область) существуют такие "гетто". Иногда это целые жилые массивы. Со своей культурой, молельными комнатами и др. Проблема стоит остро», «в готовом виде нет но начало положено». То есть, для большинства экспертов, такой проблемы нет, но предпосылки для ее появления имеются.

Сходная картина и по ситуации с детьми мигрантов в школе. Чуть большее число экспертов, чем в предыдущем вопросе (в целом пятая часть), считает, что в Подмоскowie могут быть случаи перевода детей в другие классы из-за большого количества мигрантов: «Перевод детей в школах Подмоскowie вообще проблематичен (практически нет конкуренции), а о переводе по причине наличия мигрантов не сталкивалась», «слава Богу, детей мигрантов в школе не так много», «необходимо вероятно более осознанно работать по составлению школьных программ, которые были бы более адаптированы к нуждам разных слоев людей», «у нас в некоторых селах до 70 % детей в садах и в начальных класса среднеазиаты», «были недовольства родителей», «слышал изредка о таком, но не знаю, правда ли это», «есть отдельные случаи в некоторых школах», «нарекания есть но случаи редки», «пока справляемся», «у нас бывают жалобы, но редко и как-то урегулируем, массового никто не уходил от нас», «случается», «есть классы, где их много, но массового ухода нет», «уровень обучения не может быть один», «пока еще доля детей мигрантов в классе не превышает 10 процентов. Но эта цифра будет прогнозируемо увеличиваться», «те, кому по деньгам, они и так отдадут в престижные школы».

Почти 60% экспертов считают, что в их регионе распространенным является неприязненное отношение к приезжим со стороны местных жителей, 40% однако с этим не согласны. Те, эксперты, что считают так, обосновывают свое мнение следующими соображениями: «Бывает. Но в основном со стороны не лучших представителей Россиян, к которым у меня большее неприязненное отношение, чем к мигрантам, которые качественно выполняют свои обязанности», «СМИ очень часто говорят о преступлениях мигрантов, порождая ненависть у населения», «мигранты как изгой. они живут параллельно», «это неизбежно при такой организации миграции», «это неприятная, но неизбежная реакция, на непрозрачные для граждан миграционные потоки», «слишком много мигрантов в условиях кризиса». Есть также мнения, которые дифференцируют неприязненное в целом отношение к приезжим и дают объяснения этому: «это из-за отсутствия специальных мер», «встречается, смотря к кому, не у всех», «возможно, это неизбежно. Нужно привыкать», «это обоюдно в некоторых ситуациях, а в некоторых нет», «неприязненное отношение имеется, но витает в воздухе, конкретных случаев нет», «обычно на бытовом уровне, в беседах между собой. Однако случаются и конфликты на этой почве», «сторонятся друга», «стереотипы иногда побеждают здравый смысл».

Те, кто не считает неприязненное отношение к мигрантам слишком распространенным, высказываются следующим образом: «Я о подобном не знаю у нас, хотя юридически кто-то говорит, что "где-то" это есть, но конкретных мест не называет», «И да, и нет. Как правило, негативное отношение у тех, кто либо вообще с мигрантами никак не взаимодействовал (по слухам и СМИ), либо имел очень негативный опыт, но в целом, многие местные не имеют негативного отношения», «неприязненное отношение – редкость», «приезжих больше, чем необходимо», «иногда бывало даже по отношению ко мне. Но в целом в моем районе это редкое явление», «не очень часто», «нет, по-разному бывает, в основном нет», «нет, скорее нейтрально-безразличное», «у разных категорий людей разное отношение».

Лишь один эксперт из тридцати нашел в своем регионе памятники истории и культуры, которые могут пострадать от миграции. Остальные отрицали такое воздействие миграции (абсолютное большинство) или затруднились с ответом. По мнению большинства экспертов «Сложно представить, что мигранты могут отрицательно повлиять на наши исторические здания, культовые сооружения», «мигрантам, как и коренному населению неинтересны данные объекты», «у мигрантов трепетное отношение к памятникам, так как там имена наших дедов (предков мигрантов) и местные их берегут, нам приятно», «хочется верить, что есть уважение к нашей культуре».

Половина экспертов считает, что миграция способна поменять образ жизни и культуру местного населения. Остальные так не думают. Аргументы тех, кто считает, что изменения происходят следующие: «Уже активно меняет. За последние 5 лет идет замещение коренного населения, мигрантами из СНГ, у которых свой менталитет, свои культурные и религиозные ценности. мелкий бизнес, в основном это выходцы из СНГ». При этом даже те, эксперты, которые так считают, не высказывают особых опасения по этому поводу: «не всегда это плохо», «только немного», «это происходит, но постепенно и как-то привыкают все», «все это незаметно меняется», «изменение - это развитие», «принципиальных изменений не будет, возможно, будет обогащение нашей культуры, больше вариаций в рационе питания», «привычный уклад, это статика :) процесс культурного социального развития, это постоянное обогащение своей культуры, вклада от других. Главное научиться понимать другого не как оппонента, а скорее как человека, кто пришел с миром», «можно организовать гармоничное взаимодействие», «какие-то изменения уже идут, но если постепенно, то это никого не пугает», «уже есть, не все нравится, но и не все плохо», «знакомство с другой кухней нередко приводит к иным предпочтениям в еде». Есть и те, кто считает, что изменений не произойдет, «в связи с большой долей русского населения».

Лишь треть экспертов считает возможными массовые конфликты между местными и приезжими в своем регионе, причем,

только при наличии специальных условий в исключительных ситуациях: «Если постараться, дать денег и задание, то всё возможно», «если только их искусственно будут провоцировать», «на стройках только», «да, в случае ухудшения ситуации», «если не будет контроля (за мигрантами)», «если (мигранты) будут выдвигать свои требования», «если на самотек пустить». Есть мнения, что «такие конфликты возможны всегда», и признания, что «да, возможны, плохо идут контакты, мы друг другу не нужны», что отражает пессимистическое восприятие ситуации, но таковые высказывания единичны.

Позиция тех, кто отрицает возможность массовых конфликтов, более разнообразна по своему аргументированию: «В Подмосковье (северное Ярославское направление ж.-д.) сами организации мигрантов присматривают за поведением своих диаспор», «у нас мигрантов не так много, они не ведут себя вызывающе», «делить пока нечего, территорий много, жилья много, работа низкооплачиваемая есть», «не настолько много мигрантов в нашем регионе», «нет источника конфликтов, есть только поводы для мелких стычек», «на мой взгляд - маловероятно. Мигранты побаиваются органов правопорядка. Вот почему нельзя снижать жесткость мер», «для конфликта должно произойти нечто вон выходящее, а до этого ни одна из сторон не пойдет». То есть, даже те эксперты, которые допускают возможность конфликтов, не видят причин для их возникновения «прямо сейчас» и скорее транслируют в своих ответах те, обстоятельства интеграции и адаптации мигрантов в Подмосковье, которые у них вызывают наибольшее беспокойство.

Абсолютное большинство экспертов согласилось с тем, что больше внимание нужно уделять созданию на предимиграционном уровне в странах исхода специальные курсы по подготовке к экзаменам на знание русского языка и основам законодательства и по профессиональной ориентации в РФ. В этом эксперты видят предотвращение многих последующих трудностей адаптации и интеграции: «в нашем регионе адаптацией и интеграцией иностранцев ни кто не занимается, поэтому их предимиграционная подготовка очень важна. Этим могли бы заниматься

представительства Россотрудничество в СНГ», «Уже сейчас в Таджикистане и других странах повышается интерес к обучению на русском языке, это снижает риски для потенциальных мигрантов», «чем больше содействие, тем легче и местным и приезжим», «уже это делается в Кыргызстане», «приезжали бы подготовленные кадры, что существенно облегчило бы работу всем инстанциям». Есть и соображения более стратегического характера: «следует расширять ареал русского языка и культуры... Культурное влияние соответствует стратегическим интересам страны». В то же время, эксперты поднимают вопрос том, кто будет платить за эту предварительную работу: «пусть будут более готовыми, но это за счет работодателей». И даже предлагают считать эту подготовку средством сокращения миграции в РФ: «но не для мигрантов, а для коренного населения. Чтобы местные работали на своей Родине», «чем больше там, тем меньше здесь».

Тем не менее, 80% экспертов считают, что в их регионе необходимы специальные мероприятия по интеграции (в большей степени) и адаптации мигрантов, что свидетельствует о преодолении в экспертном сознании отношения к мигрантам как к «чужим людям» на «нашей земле». Теперь экспертов заботит то, как сделать так, чтобы существование разных (с точки зрения срока проживания) категорий жителей Подмосковья стало более комфортным на что указывает повышенное внимание именно к вопросам интеграции то есть более глубокого включения мигрантов в обыденную подмосковную обыденность. Тогда, как вопросы первичной адаптации и ориентации мигрантов уже не кажутся такими остро важными.

Нужно отметить, что потребности в интеграции внутрироссийских мигрантов в регионе были указаны как еще более актуальные, что позволяет предположить, что наибольшие трудности вызывают не вопросы документирования и статуса внутрироссийских мигрантов, таких же граждан страны, как и жители Подмосковья, а вопросы их повседневного совместного проживания. Источником трудностей здесь, скорее всего, является взаимное недоверие и использование разных практик для удов-

летворения самых обычных социальных потребностей (самоорганизация и взаимоподдержка). Это видно, из сопоставления самых актуальных потребностей адаптации и интеграции определенных экспертами для иностранных и внутрироссийских мигрантов. Структура потребностей адаптации у них заметно отличается: для иностранных мигрантов наиболее важным, по мнению экспертов является обучение русскому языку и основам законодательства и культуры России, а для внутрироссийских – предоставление им услуг в многофункциональных муниципальных центрах обслуживания населения, обеспечения доступа мигрантам и членам их семей к образовательным и медицинским учреждениям, содействие в поиске работы и жилья.

Тогда как потребности в интеграции на региональном уровне довольно сближены: на первом месте по важности у иностранных мигрантов – формирование у местных жителей навыков межкультурного общения (18% мнений экспертов), у внутрироссийских – совместные мероприятия в области культуры и досуга для местных жителей и мигрантов (20%), на втором месте у иностранных – противодействие ксенофобии и т.д. а также обучение основам законодательства, истории и культуры РФ (16%), у внутрироссийских - формирование у местных жителей навыков межкультурного общения и обучение мигрантов правилам поведения в местном сообществе (18%). Далее по степени снижения важности: у первых - совместные мероприятия в области культуры и досуга для местных жителей и мигрантов и обучения мигрантов правилам поведения в местных сообществах (15% и 14%), у вторых – противодействие изоляции мигрантов и возникновению мигрантских анклавов и противодействие ксенофобии... и т.д. (17% и 15%). Получается, что изоляция собственных граждан, внутрироссийских мигрантов как проблема беспокоит экспертов меньше, чем изоляция иностранных мигрантов (13%). Это, на наш взгляд, говорит о слабом уровне местного самоуправления и уровня гражданской самоорганизации граждан, что сказывается на состоянии внутренней стабильности и добрососедства локальных социумов в разных районах области.

Эксперты понимают, что положительные изменения в этом направлении как в отношении иностранных так и внутрироссийских мигрантов зависят более от деятельности местных сообществ и гражданских организаций, чем от деятельности исполнительных органов власти. Так как успех в локальной интеграции зависит от погруженности активистов интеграционных процессов в непосредственные взаимодействия различных сообществ в каждодневном рутинном режиме, когда постоянно происходит анализ происходящего и вносятся корректировки в проводимые и планируемые мероприятия. Поэтому, не случайно эксперты высоко оценили возможности общественных организаций, особенно для интеграционных мероприятий, направленных на совместные действия разных сообществ на местном уровне. При этом, эксперты осознают, что возможности общественных организаций по интеграции особенно иностранных мигрантов существенно отстают от потребностей этой интеграции на региональном уровне. Что может означать необходимость пересмотра структуры финансирования государственных расходов на решение этих задач.

Регион проекта 4. Опрос экспертов Пермского края

Профессиональная и общественная деятельность опрошенных в Пермском крае экспертов в различной мере связана с темой мигрантов и миграции. Самым популярным ответом на вопрос о связи деятельности со сферой миграции стал вариант «Да, приходилось сталкиваться с этой темой», который выбрали 73,3% участников опроса, решением практических вопросов в сфере миграции занимаются 10%, а 3% - консультированием по вопросам миграции.

У респондентов не сложилось четкого единого представления о влиянии мигрантов на демографическую ситуацию в регионе. На вопрос об оценке этого влияния (отъезд прежних жителей, приезд новых) 31% ответили, что воспринимают это

как положительное явление, 26% указали на отрицательное воздействие миграции на демографическую ситуацию, 6% указали собственный вариант ответа («особых изменений нет», «Единственный реальный путь выхода из демографического кризиса не только отдельным регионам, но и всей России это - иммиграция при таком демографическом спаде уровня населения»), но больше всего, 37%, затруднились с ответом. В комментарии к вопросу респонденты в основном высказывались относительно выхода из демографического кризиса за счет мигрантов, но по-разному относились к этому явлению. Следует отметить, что в этом вопросе разрешалось выбрать несколько вариантов ответа. Показательно, что 18% участников выбрали варианты одновременно «Положительное» и «Отрицательное влияние», что также подтверждает очень противоречивую природу миграции в глазах респондентов. К данному вопросу респонденты оставили немало комментариев. Среди положительных черт миграции назывались рост населения и выход из демографического кризиса, новые рабочие места, заполнение мигрантами низкоквалифицированных, не востребованных у местного населения рабочих мест. Среди отрицательных черт назывались сложности интеграции и адаптации, понижение «качества» населения за счет отъезда наиболее успешных и приезда мигрантов.

Во втором вопросе респондентам нужно было ответить, способная ли миграция в ближайшее время оказать влияние на экономику региона. В этом вопросе также было больше количество воздержавшихся (28%). Но самым популярным стал вариант ответа «Положительное воздействие» (34%), еще 20% отметили отрицательное воздействие, а еще 17% написали собственный вариант ответа. В собственных комментариях респонденты отметили отсутствие какой-либо связи миграции и экономики («Миграция на экономику региона не оказывает сильного влияния», «особо не влияет на ситуацию»), так и альтернативные виды связи («Скорее наоборот, развитие экономики будет влиять на миграцию», «В зависимости от сферы экономики. Мигранты в основном сфера торговли, строительства и ремонта»). Только 10%, если сравнивать с предыдущим вопросом, отмети-

ли и положительное, и отрицательное влияние. Среди комментариев, оставленных респондентами, в основном высказывания о занятости мигрантов в разных низкоквалифицированных отраслях экономики. Это явление воспринимается преимущественно как положительное. Среди отрицательных черт в анкетах респонденты указали на коррупцию в сфере миграции и отъезд квалифицированных работников («Зачастую мигранты подталкивают чиновников на коррупционные акты», «Активное население уезжает в другие регионы»).

Эксперты склонны рассматривать влияние миграции на занятость и безработицу как одну из наиболее негативных сторон. При оценке влияния миграции на ситуацию с квалифицированными кадрами мнения экспертов разделились: 23% полагали, что миграция улучшает эту ситуацию, 27% - что ухудшает. Но по-прежнему самым популярным вариантом остался «Затрудняюсь ответить» (37%), свой вариант выбрали 13%. Наиболее положительное влияние по мнению экспертов миграция оказывает на качество сферы услуг: 37% отметили влияние на нее миграции как положительное, и только 10% высказались за то, что миграция на сферу услуг оказывает негативное влияние, 40% затруднились с ответом, 13% выбрали собственный вариант. Относительно доступности медицины и влияния на нее миграции эксперты преимущественно затруднились с ответом (43%), а еще 20% выбрали собственный вариант ответа. При этом всего 10% отметили, что миграция улучшит ситуацию с медициной, а 30% согласны с тем, что она ее ухудшит. Похожие ответы эксперты дали и на вопрос относительно влияния миграции на социальную и транспортную инфраструктуру: 43% затруднились с ответом, 30% оценили влияние как негативное, 10% посчитали, что миграция улучшит ситуацию с инфраструктурой, и еще 20% выбрали собственный вариант (в основном – «не влияет»). Более менее конкретно эксперты высказались относительно влияния миграции на криминогенную обстановку. Негативное влияние отметили 43% опрошенных, в то время как положительное влияние - только 3%, еще 33% затруднились с ответом, а 20% выбрали собственный вариант («Криминогенная ситуация, на

мой взгляд, зависит не от мигрантов, т.к. преступники могут быть как среди них, так и среди жителей региона»). В целом, анализируя ответы по данному блоку, можно отметить, что эксперты очень неоднозначно рассматривают влияние миграции на различные стороны общественной жизни. Чаще всего самым популярным ответом был вариант «Затрудняюсь ответить» (в целом по блоку – 38%), который уместно прибавить к собственным ответам (20%), потому что наиболее популярными вариантами в собственных ответах были высказывания типа «Не повлияет», «Не имеет никакого отношения» и т.д., то есть близкий по смыслу к варианту «Затрудняюсь ответить». Таким образом, экспертам было сложно оценить степень влияния миграции на ситуацию в регионе. Тем не менее, наиболее негативное влияние миграция, по их мнению, оказывает на ситуацию с занятостью и безработицей, социальную и транспортную инфраструктуру и, более всего, на криминогенную обстановку. Положительное влияние миграция оказывает на ситуацию в экономике региона, на качество сферы услуг. Анализируя ответы экспертов, стоит отметить и тот факт, что вариант «Миграция ухудшит» (25%) в среднем стал более популярным, чем вариант «Миграция улучшит» (17%), в связи с чем можно заключить, что эксперты видят в миграции скорее негативное, чем положительное влияние на общественную жизнь.

Влияние миграции на межнациональные и религиозные отношения эксперты не смогли оценить однозначно как положительное или как отрицательное. В этих вопросах самым популярным вариантом стал собственный вариант, его выбрали 43% экспертов при оценке религиозных отношений и 45% при оценке межнациональных отношений. Затруднились с ответом в целом 20%. Положительное воздействие на межнациональные и религиозные отношения отметили по 10% экспертов, отрицательное 29% - на межнациональные и 26% - на религиозные отношения. То есть воздействие скорее отрицательное. При анализе собственных вариантов ответа о межнациональных отношениях можно отметить, что эксперты указывали на желательность внимания со стороны властей, необходимость соблюдения

законодательства и проведения грамотной миграционной политики для сглаживания отрицательного влияния. Также немало ответов можно оценить как «нейтральные», например, «Может повлиять как положительно, так и отрицательно». При анализе собственных ответов экспертов относительно влияния миграции на религиозные отношения также стоит отметить немалое количество «нейтральных комментариев» («Не повлияет», «Может повлиять как в положительную, так и в отрицательную сторону», «Существенно не повлияет» и др.) и пожеланий местному сообществу и особенно органам власти уделять внимание данному вопросу. Но наибольшее количество комментариев посвящены констатации факта увеличения мусульман в связи с миграцией и анализу негативных последствий этого явления («Увеличение количества мусульман», «Появление радикальных верующих», «Появление мусульман иных мазхабов или тарикатов приведет к обострению ситуации», «Ситуация будет обостряться», «Возможны конфликты»). В целом, видно, что наибольшую озабоченность у экспертов вызывает влияние миграции не на межнациональные отношения, а на религиозные в части увеличения количества мусульман и возможных в связи с этим конфликтов. Таким образом, в целом эксперты видят скорее негативное влияние миграции на межнациональные и религиозные отношения в регионе, но указывают, что необходимо продолжать взвешенную миграционную и религиозную политику.

Следующий блок вопросов касался отношений мигрантов с местным населением и жизни мигрантов в регионе. Экспертам предлагалось оценить наличие мест компактного проживания мигрантов, ситуации в школах, где учатся мигранты и т.п. По ответам видно, что мест, «находящихся под контролем мигрантов», в регионе нет. Так ответили 40% экспертов, однако 17% указали, что такие места есть, а 27% затруднились с ответом. В собственных вариантах респонденты называли конкретные места, среди которых – «окраины» города, территории оптовых рынков, Центральный рынок. Но в большинстве комментариев эксперты писали, что таких мест нет или пока нет: «Таких мест нет», «Не наблюдал у нас таких мест», «Такие районы

начали формироваться, но пока рано бить тревогу» и т.д. Схожую позицию эксперты высказали и в вопросе о школах. Большинство экспертов, или 40%, не сталкивались с ситуацией, когда родители забирали детей из школ, где учится много мигрантов. Видели такое только 10%, и только 20% затруднились с ответом, что значительно ниже, чем в среднем по опросу. Что касается собственных вариантов, а их дали 30% опрошенных, то они также коррелируют с ответом большинства («Нет такого наплыва», «Не знаю примеров», «Пока нет», «Не слышал» и т.д.). Как показали ответы на следующий вопрос, неприязненное отношение к мигрантам, по мнению экспертов, не является характерным, либо редким для жителей Пермского края, так считают 53% экспертов, и только 7% согласны с этим утверждением. В этом вопросе только 3% затруднились с ответом. Комментарии в 37% собственных ответов также можно оценить как дружелюбные по отношению к мигрантам, но с признанием отдельных инцидентов («Не знаю таких примеров, «Редко, если только приезжие ведут себя некорректно по отношению к местному населению», «Неприязненное отношение встречается, но скорее является редким», «Случаи есть, но стойкой неприязни не встречала»). Относительно возможных конфликтов эксперты высказались отрицательно. По мнению 67% в ближайшие год-два межнациональные конфликты в Пермском крае невозможны, в то время как их вероятность отметил только 1 человек (3%), затруднились с ответом 10%, еще 20% дали собственные варианты ответа, близкие по смыслу к 2 варианту: «Нет, если не будет внешнего воздействия из центра», «Возможны, но приезжих мало», «Надо быть к этому готовым, но предпосылок нет» и т.д. Эксперты согласны с позицией, что вместо мероприятий по социальной и культурной адаптации мигрантов в России, нужно организовывать подобные курсы на территории их исторической родины. Так посчитали 53% участников опроса, против такой идеи высказались 10%, еще 17% оставили собственный вариант ответа, где эксперты указывали на необходимость параллельной работы («Наверно, нужно и там, и здесь», «И то, и другое», «Это нужно делать параллельно»). Один из экспертов

призвал готовить мигрантов для выезда в страны Европы, так как в России нет четкой миграционной политики. Отдельный вопрос был посвящен оценке рисков для объектов культурного наследия со стороны мигрантов. Как показали ответы, большинство экспертов (63%) не видят угроз со стороны мигрантов для объектов истории и культуры Пермского края. Ни один из респондентов не отметил такую возможность. Затруднились с ответом 33%, а еще один участник выбрал собственный вариант ответа, но не оставил к нему комментария. В других комментариях эксперты указывали, что таких мест в регионе нет и масштабы миграции пока не на столько внушительны, чтоб опасаться каких-либо рисков. Один из экспертов предположил, что риски невозможны, поскольку мигранты приезжают в Россию и Пермский край для работы.

Ответы на следующий вопрос показали, что по мнению экспертов, миграция не способна в ближайшие год-два повлиять на уклад жизни местного населения. Так считают 57% опрошенных. Однако при этом 13% высказались, что такое возможно («Мигрантов уже много, влияют на жизнь», «Возможно из-за изменения соотношения разных национальных и религиозных особенностей», «Иностранные студенты и также мигранты могут остаться жить здесь»). Затруднились с ответом на данный вопрос 7% респондентов, 23% выбрали собственный вариант. В их позиции представлено мнение, что возможны незначительные изменения («Частично и не явно»), или, что изменения возможны через или какое-то более длительное время («Это возможно в пределах десятилетия»).

Экспертам было предложено поразмышлять, какие из услуг для мигрантов могли бы выполнять общественные организации. В результате к категории «В основном могут» (свыше 50%) были отнесены варианты «Совместные мероприятия в области культуры и досуга местных жителей и мигрантов» (60%), «Формирование у местных жителей навыков межкультурного общения» (53%). В категории «Наверняка могут» (35-50%) эксперты отметили варианты «Обучение мигрантов русскому языку» (43%), «Обучение мигрантов основам законодательства, исто-

рии и культуры» (40%), «Обучение мигрантов правилам поведения в местном сообществе» (43%), «Противодействие изоляции мигрантов и возникновению мигрантских «анклавов» (37%). Остальные варианты ответа были отнесены к категории «Что-то могут». Таким образом, эксперты пока не готовы передавать общественным организациям какие-либо административные функции, только организацию мероприятий по знакомству с мигрантами или по обучению мигрантов. В целом по данному блоку вопросов потребности региона в адаптации иностранных мигрантов оценены экспертами в 25%, а потребности в адаптации внутрироссийских мигрантов – в 10%. В то же время потребности региона в интеграции иностранных мигрантов оценены в 28%, внутрироссийских – в 9%. Способность общественных организаций в адаптации мигрантов в целом оценена на 10%, в их интеграции – в 18%.

Что касается отношений с местным населением, то эксперты пока не склонны рассматривать миграцию в Пермском крае как критическую для местного населения: большинство ответивших не отметили наличие мест, «находящихся под контролем мигрантов» или школ, где мигрантов большинство, не прогнозировали рисков или возможных конфликтов в этой сфере. Следует отметить, что опрос не выявил каких-то закономерностей между ответами и социальным статусом экспертов. И чиновники, и административные работники, и представители НКО отвечали в разных вопросах по-разному (однако были и отдельные эксперты, которые давали в основном негативную, или в основном положительную оценку процессам, связанным с миграцией).

В целом, эксперты воспринимают явление миграции скорее как негативное, что видно по большему количеству отрицательных оценок влияния миграции на различные сферы общественной жизни, на межнациональные и межрелигиозные отношения и другие процессы.

Регион проекта 5. Опрос экспертов Саратовской области

Опрос 30 экспертов о миграции и мигрантах проводился в Саратовской области согласно назначенным квотам. Из числа опрошенных половина составили представители общественных организаций и движений, остальные – представители органов власти разного уровня и научное сообщество.

В частности, экспертами от органов власти (управленцы) выступили представители Администрации Балаковского муниципального района Саратовской области - 4 чел, сотрудник Правительства Саратовской области - 1 чел.

Экспертами со стороны общественных организаций выступили структуры, де-факто являющиеся представительствами общин, как в местном сообществе, так и в органах власти (казахская, азербайджанская, армянская, грузинская, узбекская, украинская и т.д.) – 9 чел., а так же, представители общественных правозащитных организаций, оказывающих прямую либо косвенную поддержку мигрантов (в защите прав и достоинства, получении гражданства(натурализации), оформления документов, лингвистические сервисы и т.д.) - 6 чел.

В отношении экспертов из числа научных сотрудников и педагогов, были опрошены представители ВУЗов: Балаковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) – 7 чел., Балаковский инженерно-технологический институт – филиал ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» - 2 чел., Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии –1 чел.

Все эксперты, принявшие участие в обследовании, прямо либо косвенно связаны с вопросами миграции. Из числа опрошенных более 27% экспертов указали на свою деятельность в рамках тематики опроса и связь с решением практических вопросов миграции, 73% опрошенных экспертов косвенно связаны с решением практико-ориентированных вопросов миграции

(консультации, оказание социальных услуг, предоставление информации и проч.).

Можно сделать вывод, что тематика исследования достаточно актуальна, что и подтверждали опрошиваемые эксперты. И одновременно тема социально болезненна, поскольку в Саратовской области сформировалось устойчивое и по большей мере негативное восприятие миграции, в которой видят источник конфликтов и прочих неприятных последствий.

Некоторые эксперты отмечали, что уровень квалификации приезжающих на заработки в регион в последнее время значительно вырос, и приезжие уже вполне могут конкурировать с местным населением на рынке труда. Эксперты отметили, что квалификация технических работников и управленцев нижнего звена (бригадиры, начальники смен) из числа мигрантов не только возросла, но и, с учетом оттока населения из региона, значительную часть требуемых профессий, возможно, придется восполнять за счет миграции: *«...у нас в городе более 3 тыс. вакансий в базе данных, куда не идут местные. Но работать кто-то должен! Вот и идем на разные ухищрения, чтобы привлечь хоть кого-нибудь...»* (Ж., 42 г., управленец).

При оценке совокупного влияния демографических и экономических факторов, определяющих значимость миграции в развитии Саратовского региона, 58% экспертов отметили положительную роль миграции, четверть опрошенных указали на ее негативное влияние. Особое мнение или затруднения с ответом высказали 16%. Комбинирование экономики и демографии в оценках миграционных процессов вполне естественно. Однако в контексте современных геополитических, региональных и местных социальных реалий подобное сочетание вызвало у экспертов определенное недоумение: *«...мы не Европа..., политические фикции на фоне миграционного кризиса нам не нужны...»* (Ж., 35 л., общественник), *«...они все-таки люди, и носители своей культуры. Мы им чужды. Они нам чужды. Но жить вместе как-то надо...»* (М., 26 л., общественник). Иначе говоря, на местном уровне вопрос влияния миграции на экономику, социальное развитие в прямых оценках существенно различается.

При опросе экспертов проявились диаметрально противоположные позиции восприятия влияния миграции на местные условия: одни эксперты воспринимают миграцию как угрозу социально-культурному и историческому «ландшафту» региона, тогда как другие эксперты видят в миграции возможность восполнения человеческого и экономического ресурса.

Негативным восприятием миграции среди экспертов является представление о связи миграции и ухудшением криминальной обстановки в Саратовском регионе (26%). Как правило, эксперты указывают на опасность терроризма. Проекции образов мигранта-чужака, «злоумышленника», «террориста», транслируемых СМИ, доминируют в повседневном дискурсе не только жителей региона, но и опрошенных экспертов. Муссируемый термин «этническая преступность» воспроизводит образ мигранта, который «...на нас не похож, неопрятен...он опасен...» (Ж., 48 л., управленец). Наибольшее беспокойство экспертов вызывает приписываемая мигрантам связь с террористической опасностью.

Оценивая потенциал влияния миграции на социальную обстановку в Саратовском регионе, треть экспертов полагает, что миграция ухудшит текущее положение в системе социальных отношений и структуре региональной экономики, но 31% экспертов убеждены в обратном, т.е. в позитивном влиянии миграции на развитие региона.

Достаточно эмоционально эксперты оценивали влияние миграции на местное и региональное сообщество, с учетом увеличения возраста выхода на пенсию. Вопрос об обострении конкуренции за рабочие места между «пожилыми» местными жителями и мигрантами в условиях пенсионной реформы стал одним из самых болезненных. С одной стороны, эксперты четко понимали, что без приращения экономики, экономической базы, а значит и привлечения «новых» рабочих рук, не обойтись, а с другой явно довлело мнение, что местным жителям «придется делиться пенсией» с приезжими. Именно поэтому значительная часть экспертов (67%) заявила, что миграция будет стимулировать конкуренцию за рабочие места (часто, занимаемые неле-

гально). С другой стороны почти четверть экспертов (24%) считают, что мигранты и, собственно, сами миграционные процессы в регионе практически никак не повлияют на конкуренцию между местными работающими пенсионерами из числа местных жителей и людьми старшего возраста из числа мигрантов: «...зачем нам за что-то бороться друг с другом..., так или иначе, больше половины до пенсии не доживет...» (Ж., 54 г., общественник).

Вопросы взаимосвязи миграции и межнациональных отношений в контексте этнодемографической ситуации в Саратовском регионе, роста оттока молодежи в центральные регионы России также вызвал неоднозначную реакцию экспертов. Треть экспертов (30%) считает, что миграция окажет позитивное воздействие на межэтнические отношения в местном сообществе. В качестве одного из ключевых факторов здесь выступает допущение, что «... рост культурного многообразия - скорее плюс...» (М., 46 л., представитель вуза). Однако немногим меньшее количество экспертов (23%) считает, что миграция окажет отрицательное воздействие. Основными аргументами здесь выступают фобии, страх утраты собственной этнокультурной и территориальной идентичности: «...миграция - это лишний источник раздражения местного населения...» (Ж., 35 л., представитель власти), «...новые люди - всегда угроза...» (Ж., 26 л., общественник). Следует заметить, что значительная часть экспертов (40%) вообще воздержалась от ответа на этот вопрос.

Оценивая влияние миграции на религиозные отношения, 13% экспертов отметили возможность негативного влияния на региональное сообщество. Как правило, такая оценка связана доминирующими в регионе страхами перед экспансией религиозных течений исламистского толка. В частности, ряд экспертов в своих комментариях отметили, что будет «...усиление противоречий в религиозных отношениях в регионе...» (М., 45 л., управленец); «...появление "новых" религий в регионе...» (Ж., 34 г., общественник).

Однако такое же количество экспертов считают, что миграция позитивно повлияет на конфессиональную ситуацию в ре-

гионе, правда с оговорками, что это, скорее, относится к внутренней миграции. Причем половина экспертов (54%) затруднились с ответом, аргументируя это тем, что они не обладают необходимыми знаниями, либо полагают, что миграция и религия не связаны между собой.

Оценивая потенциал влияния миграции на межнациональные и религиозные отношения в регионе, 21% экспертов видят положительное влияние, 17% - отрицательное и, что особенно заметно, более 45% экспертов затруднились дать оценку.

Не менее значимым с точки зрения регионального сообщества является появление этнокультурных анклавов, отличающихся не только языком, но манерой поведения, формами социального контроля и характером внутригрупповых отношений. При этом в местной и региональной прессе относительно часто появляется информация о разного рода «этнических кварталах», «местах компактного расселения» и подобном. Однако 70% экспертов отметили, что на территории их профессиональной деятельности «районов под «контролем» мигрантов» они либо не видели, либо об этом не знают. Тем не менее, 17% экспертов отметили, что в Саратовской области существуют места, где можно наблюдать «в действии» негласный контроль этнических сообществ, в частности, в т.н. этнических кафе, где мигранты встречаются, общаются и решают деловые вопросы в рамках общины. К таким местам в Саратовской области можно отнести кафе азербайджанской, армянской, грузинской кухни. Сюда же можно отнести пока еще формирующиеся места компактного проживания (как правило, это территория малоэтажной застройки, частный сектор) – «...в цыганский квартал вечером ходить не стоит...» (Ж., 32г., общественник).

В отношении совместного обучения детей мигрантов и детей жителей местного сообщества эксперты в подавляющем большинстве высказались положительно. Совместное обучение как «угрозу» не рассматривают 80% экспертов. Лишь 6% экспертов считают, что местные жители действительно переводят своих детей в другие школы, если в «этой слишком «много» детей мигрантов», при этом с определенными оговорками, что

«...если более 2-3 детей мигрантов в классе...» (Ж., 32 г., общественник). Здесь важно отметить, что дети «по определению», в общественном дискурсе «выводятся за скобки» социальных, экономических и политических противоречий. Как правило, на детей не распространяются негативные маркеры, за исключением случаев бытового этнонационализма, который передается родителями своим детям - «не дружи с ним/с ней, потому что...[далее сообщаются стереотипизированные маркеры]».

В этом контексте, оценивая уровень мигрантофобии в среде местных жителей, 30% экспертов отметили, что негативное отношение к мигрантам является в Саратовской области характерным явлением, *«...в основном к жителям Средней Азии...»* (М.,35 л., общественник). В то же время, 57% экспертов отметили, что они либо не сталкивались с подобным явлением, либо его «не замечали». Последнее принципиально важно, поскольку в региональном сообществе чаще всего мигрант – это «невидимый» член сообщества, и поэтому любые взаимодействия (как позитивные, так и негативные) по отношению к нему тоже «невидимы».

Оценивая риски возникновения массовых конфликтов между приезжими и местными жителями, подавляющее большинство экспертов (70%) высказались, что это маловероятно. При этом эксперты отмечали, что для возникновения массовых конфликтов в Саратовской области нет причин, либо апеллировали к тому, что *«...полиция, ФСБ, ФМС все держат на контроле...»* (М.,35 л., общественник), поэтому *«...очень маловероятно. Возможны отдельные стычки, но не массовые конфликты...»* (М., 45 л., управленец). Однако некоторые эксперты считают, что подобные ситуации вполне вероятны, причем, это может происходить не только из-за этнокультурных, но и из-за религиозных различий.

Оценивая необходимость адаптационных курсов, половина экспертов считает, что с точки зрения повышения (в первую очередь с экономической) эффективности привлечения иностранной рабочей силы, курсы по подготовке по русскому языку и профессиям необходимо учреждать в странах исхода, по-

скольку это позволит минимизировать экономические издержки *«...Это выигрышная позиция. Пусть они платят за знания языка дома, а мы получим уже знающих язык...»* (Ж., 48 л., управленец), *«...пусть лучшие учат язык там и за свои деньги...»* (М., 45 л., управленец).

Однако треть экспертов считает, что курсы по изучению языка и нормам культуры должны проводиться на территории России: *«...следует осуществить последовательную подготовку, т.е. если субъект готов приезжать, то необходимо предоставить такую возможность...»*, *«...мы лучше объясним, чем там у них...»*. Проведение адаптационных курсов на территории России, с точки зрения ряда экспертов, – это дополнительный стимул для последующей натурализации мигрантов и членов их семей.

Оценивая риски для памятников истории и культуры, которые могли бы пострадать под влиянием миграции, 57% экспертов ответили, что это маловероятно или невозможно. Однако 13% высказали возможность проявления вандализма – это касается в первую очередь культовых сооружений (храмов, церквей, мечетей) и, в меньшей степени, памятников культуры (статуи, стелы и т.д.). При этом характерно, что некоторые эксперты ответственность за эту проблему возлагают не только на мигрантов – *«...наш объем культуры и истории страдает в основном от местных вандалов...»* (М., 45 л., управленец).

Оценивая возможность влияния миграции на изменение привычного уклада жизни и культуры местного населения, половина экспертов высказалась за то, что изменения маловероятны, поскольку приток «новых культур» не является массовым явлением. При этом эксперты отмечают, что влияние местных, региональных и федеральных образцов и средств трансляции культурных образцов является более значимым, нежели потенциальное влияние элементов мигрантской культуры. *«...Люди стали более "чистоплотными", чаще и кочевники привозили новые культуры, а теперь... массовые мероприятия...»* (Ж., 35 л., общественник). Однако 33% экспертов считают, что «размывание» традиционных ценностей и культуры под влиянием мигра-

ционных процессов вполне возможно, хотя это и длительный процесс - *«... с одной стороны «да», но с другой... уклад жизни поменять очень сложно. Может когда вырастут наши дети и внуки, что-то изменится. У нас в глубинке - все изменяется медленно...»* (М., 46 л., представитель вуза). Так или иначе, эксперты воспринимают весьма скептически миграцию как источник «прямой угрозы» для размывания доминирующей культуры и исторических ценностей региона и страны в целом.

Оценивая возможности общественных организаций в адаптации мигрантов, эксперты выделили, с их точки зрения те рассматриваемые позиции, которые наиболее близки к целям и задачам НКО – обучение русскому языку, основам законодательства, содействие в поиске жилья и трудоустройстве. Эксперты рассматривали общественные организации как «представительства» этнокультурных общин, которые, собственно, и «должны этим заниматься».

В отношении интеграции мигрантов, возможности общественных организаций, по мнению экспертов, несколько видоизменены. Например, эксперты полагают, что достаточно эффективно НКО могут решать задачи по проведению совместных мероприятий в области культуры и досуга местных жителей и мигрантов (проведение фестивалей, концертов, выставок и т.д.), и соответственно, благодаря своим действиям, формировать у местного населения навыки межкультурного общения.

Эксперты однозначно рассматривают общественные организации региона, как полноценный организационный и социальный ресурс, который может быть эффективно использован для адаптации и интеграции мигрантов.

Оценивая потребность в мероприятиях по адаптации и интеграции мигрантов на территории региона, значительная часть экспертов (83%) высказались за необходимость таких мероприятий, и только 7% экспертов отвергли такую необходимость.

На первом месте по значимости, по мнению экспертов, для успешной адаптации мигрантов должно быть обучение русскому языку (70%), а на втором месте (60%) – обучение мигрантов

правилам поведения в местном сообществе, а также обучение мигрантов основам законодательства, истории и культуры.

Логичным выглядит и мнение экспертов о развитии миграционных центров (50%), в которых осуществлялись бы все названные функции. При этом необходимо отметить, что проблема создания и поддержания миграционных центров достаточно широко обсуждалась в течение нескольких лет. Однако в современных социально-политических и экономических условиях тема миграционных центров как бы вышла из общественного дискурса Саратовской области, переместившись в академическую сферу и интернет-форумы НКО.

Регион проекта 6. Опрос экспертов Тульской области

Для выявления мнений о миграционной ситуации в регионе, об отношении экспертного сообщества к адаптации и интеграции мигрантов к опросу были привлечены представители властей двух уровней: два сотрудника учреждений областного ранга («Центр по охране и использованию памятников истории и культуры» при Министерстве культуры»), три сотрудника городских ведомств (Департамент образования, Управление по местному самоуправлению и молодежной политике). От общественников в анкетировании были задействованы представители четырех организаций, в уставах которых упоминается деятельность по сохранению и развитию культурного наследия (Тульское историко-краеведческое общество, Молодежная патриотическая организация «Тульский искатель», Тульское отделение межрегиональной общественной организации «Историко-просветительский центр «Преемственность», Общественный совет по охране культурного наследия). На вопросы анкеты отвечали также представители четырех организаций, связанных с правозащитной деятельностью и работой по развитию гражданского общества (Тульское отделение историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»,

Общественная организация по защите социальных прав и развитию гражданского общества «Тулский рубеж», Тульское отделение общества «Всероссийский совет местного самоуправления»). Одну анкету заполнил представитель религиозной организации. Привлечь к исследованию активистов национально-культурных автономий не удалось, они ссылались на занятость в подготовке к XII межрегиональному фестивалю национальных культур «Страна в миниатюре». Нужно сказать, что представители общественности неохотно откликались на предложение поучаствовать в исследовании. По ходу опроса координатору приходилось постоянно расширять круг привлекаемых организаций, поскольку некоторые активисты после ознакомления с вопросами, отказывались отвечать, ссылаясь на то, что они некомпетентны в этой сфере. Из научно-педагогических работников были опрошены представители Тульского государственного университета, Тульского государственного педагогического университета и Института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Привлечение вузовских преподавателей было важным для выявления экспертного мнения о процессах адаптации и интеграции мигрантов, поскольку в университетах обучаются иностранные студенты, преподаватели имеют опыт наблюдения за их адаптацией. Вузовские работники соглашались на участие в анкетировании.

В целом полученная в Туле выборка отражает экспертные суждения на миграционную тему в довольно широком диапазоне, поскольку включает представителей государственных структур, институтов гражданского общества, учреждений высшего образования.

Тема миграции важна для Тульской области во многом из-за постоянного наличия в регионе 20-25 тыс. временных трудовых мигрантов. Так, за первую половину 2018 г. в Тулу прибыло 35 тыс. иностранных граждан, из них 25 тыс. с целью заработка. Присутствие гастарбайтеров заметно на стройках города, ремонтирующихся дорогах, рынках, во дворах туляков. Многие

жители города привыкли к тому, что дворник – мигрантская профессия.

Блок из восьми вопросов анкеты касался оценки социальных последствий миграции в регионе. Больше всего туляки опасаются, что увеличится нагрузка на социальную и транспортную систему (83% опрошенных), ухудшится криминогенная обстановка (80%); 70% опрошенных боятся сокращения доходов и зарплат, 60% – снижения доступности медицины; более половины респондентов обеспокоены снижением квалификации кадров (57%), качества в сфере услуг (53%). По шести позициям из восьми большинство анкетированных оценили социальные последствия как отрицательные. Меньше половины туляков усмотрели отрицательные последствия миграции в росте цен на потребительские товары и услуги (43%), росте безработицы (40%). Что касается последней позиции, столько же респондентов (40%) полагают, что миграция может улучшить положение с занятостью в области.

Распределение ответов показало, что больше половины туляков (61%) видят в миграции отрицательный потенциал, способный ухудшить социальную ситуацию. Этот показатель почти в два раза больше, чем оценка отрицательного влияния на экономику региона. Таким образом, можно говорить о том, что жители Тульской области в значительной мере обеспокоены социальными, а не экономическими последствиями миграции. В составе отрицательных факторов влияния на социальную ситуацию обеспокоенность туляков вызывает нагрузка на социальную и транспортную сферу (17%), складывание криминогенной ситуации (16%), затем идут опасения по поводу зарплаты и доходов населения (14%), доступности медицины, наличия квалифицированных кадров (по 12%), снижение качества сферы услуг (11%). Распределение ответов показало, что среди восьми позиций нельзя выделить «лидирующие» по социальным опасениям. По поводу положительных ожиданий от мигрантов можно отметить, что каждый четвертый туляк связывает с приезжими перспективу улучшений на рынке труда (26%); каждый пятый (21%) – с позитивными сдвигами в сфере услуг.

Пожалуй, самая животрепещущая для россиян тема 2018 г. – увеличение пенсионного возраста. Анкета включала вопрос о том, обострит ли миграция конкуренцию за рабочие места. Мнения экспертов разделились: 43% считают, что да, а 37% – нет. Каждый пятый опрошенный воздержался от ответа на вопрос. Доля экспертов, опасющихся конкуренции, такая же, как сторонников сокращения численности иностранной рабочей силы.

Поскольку большинство иностранных мигрантов являются выходцами из государств Средней Азии, их присутствие заметно на тульских улицах. В ходе опроса было важно получить экспертное мнение о влиянии миграции на национально-религиозную сферу. Результаты показали, что половина респондентов опасаются роста межнациональной напряженности в регионе. Каждый третий эксперт считает, что приток мигрантов повлияет положительно на межнациональные отношения. Распределение ответов о влиянии миграции на религию оказалось иным: только 17% опасаются осложнения религиозной ситуации, за положительное влияние высказалось 37%. Обращает на себя внимание большая доля затруднившихся ответить на этот вопрос – 43%. Такие ответы говорят о том, что респонденты не считают религию важным фактором межэтнических отношений. В совокупности мнения туляков о воздействии миграционного фактора на национальные и религиозные отношения разделились примерно поровну: 35% склонны видеть в нем положительный потенциал, 33% – отрицательный. Эксперты дали следующие комментарии: *«положительно – опыт межнационального общения, отрицательно – рост ксенофобии»; «сначала – отрицательно, затем, по мере адаптации и интеграции мигрантов – положительно».*

Один из вопросов анкеты касался осведомленности туляков о наличии в городе районов, контролируемых мигрантами. Большинство опрошенных (53%) заявили, что в Туле нет таких районов, о существовании таких зон осведомлен каждый четвертый, каждый пятый затруднился ответить. Опрос проводился в дни инспектирования улиц, о чем сообщали СМИ. Распре-

деление ответов на вопрос показывает, что большинство туляков не видят угрозу со стороны мигрантских сообществ. В городе известно о районе центрального рынка как территории, где работают иностранные граждане, многие из которых снимают здесь же дешевое жилье. (На улицах вокруг центрального рынка располагаются дома старой застройки. Они находятся в запущенном или аварийном состоянии, поэтому привлекают приезжих дешевой найма.)

Туляки проявили толерантность при ответе на вопрос о совместном обучении с детьми мигрантов. Большинство респондентов (60%) считают, что туляки не переводят детей в другие школы из-за детей иностранцев. Свое мнение респонденты сопроводили комментариями: *«Не знаю о таких случаях в Тульской области. Дети мигрантов спокойно учатся вместе с российскими детьми. Трудности в обучении есть, но детей не переводят»*; *«У нас в школе учились дети из Казахстана, конфликтов не было. На уроках они рассказывали об обычаях своего народа, детям это нравилось»*. Каждый пятый воздержался от ответа на вопрос. С тем, что совместное обучение – причина смены школы согласны всего 17%. Они указали: *«Школы с большим количеством мигрантов не могут обеспечить высокий уровень работы со "средним учеником"»*; *«Если имеются вопросы к состоянию здоровья и личной гигиены детей мигрантов»*.

Несмотря на то, что туляки терпимы по отношению к мигрантам на улицах и в школе, на прямой вопрос о том, характерно ли неприязненное отношение к мигрантам для местных жителей, почти половина (47%) ответили утвердительно. Комментарии по этому поводу были следующие: *«Это присутствует в транспорте, больницах и др.»*; *«Отношение скорее насмешливое или надменное»*. Каждый третий считает, что неприязня мигрантов в области нет. Пояснения такие: *«Уже привыкли к трудовым мигрантам»*; *«Мигранты ведут себя в массе своей спокойно и дружелюбно и поэтому стычек нет»*; *«Мы – интернационалисты»*.

В целом среди туляков преобладает положительное отношение к мигрантам: почти половина экспертов (48%) указали на

позитивный настрой. По-другому думают существенно меньше народу – 25%. Среди положительных факторов в оценке миграционных отношений наиболее существенными туляки считают то, что миграция не изменит местного уклада жизни и толерантность по отношению к детям мигрантов в школе. Эти позитивные положения разделяет каждый четвертый эксперт. Каждый пятый считает важной причиной отсутствие районов под «контролем» мигрантов. Среди отрицательных факторов в оценке миграционных отношений эксперты чаще всего называли нетерпимость к приезжим (37%). Существенно меньше экспертов обеспокоило возможность изменения уклада местной жизни (24%) и наличие в городе районов под «контролем» приезжих (21%).

По отношению к мигрантам туляки проявляют настороженность прежде всего по тому, что они являются представителями другой культуры, других традиций, обычаев, привычек. В связи с этим половина экспертов согласны с тем, что за рубежом нужно организовывать курсы по подготовке по русскому языку и профессиям вместо мероприятий по адаптации и интеграции мигрантов непосредственно в России. Пояснили свою позицию эксперты так: *«ВМЕСТО - не надо, а вообще курсы за границей нужны, чтобы стимулировать интерес к русскому языку и культуре, повысить имидж России»; «Необходимо учреждать такие курсы и по результату сдачи экзаменов приглашать их сюда»; «Приезжая на территорию РФ, мигранты должны, как минимум, знать язык».* Против такой подготовительной работы высказалась четвертая часть респондентов. Столько же воздержались от ответа.

Несмотря на то, что присутствие в регионе иностранных мигрантов заметно в сфере ЖКХ, строительстве, торговли, больше половины туляков (60%) не опасаются того, что миграция может изменить привычный уклад жизни и культуру местного населения. Комментарии в ответах были такие: *«Миграционный поток для этого слишком слабый»; «Мигранты не стараются влиять на эти сферы»; «Если только в кулинарных аспектах».* Каждый третий считает, что такое может произойти.

Они дали такие пояснения: «*Это уже сказывается на уровне бытового обслуживания, учреждениях общественного питания*»; «*Отчасти это происходит, например, в организации общественного питания*». Больше половины экспертов (60%) были озадачены вопросом о существовании в Тульской области памятников истории и культуры, которые могут пострадать от мигрантов и потому не смогли на него ответить. Только 7% респондентов сочли, что такое возможно, а каждый третий решил, что нет.

Важным этапом в миграционных процессах является адаптация. Большинство приезжих, прежде всего речь идет о выходцах из государств Средней Азии, – это молодые люди из сельской местности. Они плохо говорят по-русски, не знают культуры, норм поведения местного населения. Местное сообщество реагирует на это негативно. Абсолютное большинство респондентов (97%), считают, что в Тульской области существует потребность в мерах по адаптации и интеграции иностранных мигрантов. По мнению экспертного сообщества, крайне необходимо обучать мигрантов русскому языку и правилам поведения в местном сообществе. Другими необходимыми мерами эксперты считают обучение приезжих основам законодательства, разъяснение населению Концепции государственной миграционной политики, противодействие изоляции мигрантов, проведение совместных мероприятий в сфере культура и досуга, деятельность по формированию у местных жителей навыков межкультурного общения, противодействие ксенофобии, недопущение межнациональной и межрелигиозной розни. Помимо этого, эксперты находят, что вероятно нужно обеспечить мигрантам и их семьям доступ к социальным, медицинским и образовательным услугам; информирование о программе переселения соотечественников из-за рубежа. Нелишними респонденты считают такие шаги, как помощь в поисках жилья и трудоустройстве, развитие миграционных центров, оказание услуг мигрантам в МФЦ.

Одним из принципов государственной миграционной политики РФ является развитие институтов социального партнерства и гражданского общества. Цели, которые определены в рамках

Концепции, можно достичь через участие в принятии решений органов власти, бизнес-структур, занимающихся привлечением мигрантов, а также общественных организаций. Эксперты проявили солидарность с идеей Концепции – 80% респондентов считают, что общественные организации могут участвовать в деятельности по адаптации и интеграции мигрантов. В возможностях общественных организаций эксперты отдали мерам по интеграции (оценка 2,8 против 1,9 по адаптации). По мнению респондентов, общественные структуры могут проявить себя в разных видах деятельности по адаптации и интеграции мигрантов. Большее предпочтение опрошенные отдали работе общественников по обучению мигрантов русскому языку (29% опрошенных), а также основам законодательства, истории и культуры (25%), по формированию у местных жителей навыков межкультурного общения (20%).

Исследование о возможностях и ресурсах социокультурной интеграции мигрантов в Тульской области показало, что среди жителей Тулы преобладает относительно спокойное отношение к миграции. Туляки отмечают позитивные и негативные последствия миграции в демографической и экономической сферах. Основную угрозу миграции они усматривают в ее последствиях для социальной сферы (нагрузка на транспорт, усиление криминальной опасности). В социокультурной сфере определенные опасения местного населения вызывают плохое владение иностранными мигрантами русским языком и перспектива «размывания» привычных норм поведения и местной культуры. Можно констатировать доминирование в экспертных суждениях восприятия трудовых мигрантов как один из факторов регионального развития.

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Отношение к адаптации и интеграции мигрантов в регионах России

Здесь представляем результаты массового опроса 2,1 тыс. респондентов в возрасте 18 лет и старше об их отношении к адаптации и интеграции мигрантов. Опрос проведен в 2019 г. в тех же российских регионах, что и опрос экспертов – в Мордовии, Москве, Московской области, в Пермском крае, Саратовской области, в Тульской области.

Намеренно опрашивалось преимущественно городское население (более 90%), а сельские респонденты опрошены в предместьях крупных городов (предместьями называем территории, откуда жители могут совершать ежедневные поездки в крупный город на работу и по бытовым надобностям). Таким образом, имеем мнение людей, в наибольшей мере осведомленных о присутствии трудовых мигрантов в своем регионе. Опрошены все основные группы по полу и возрасту. Из числа потенциальных респондентов только пятая часть отказалась от участия, причем, если отказывались, то в основном до ознакомления с темой опроса (ссылались на то, что вообще не участвуют в опросах или у них нет возможности отвечать в данный момент).

Согласно плану и установленным квотам, в каждом регионе опрошено по 300 респондентов (в Москве 600). В соответствии с демографической структурой фактического населения опрошено лиц в возрасте 18-29 лет – 19%, в возрасте 30-59 лет – 55%, в возрасте 60 лет и старше – 26%. Каждая возрастная группа имеет адекватное реальному населению названных регионов соотношение респондентов по полу. Прочие характеристики не кво-тировались.

По итогам опроса полученный массив опрошенных имеет сходный с генеральной совокупностью социально-демографические параметры по уровню образования, занятости,

длительности проживания в регионе, а также по этническому составу.

Поскольку тема миграции является далеко не всегда привлекательной для респондентов, для повышения мотивации к участию, интервьюирование начиналось с информирования опрашиваемых о будущей всероссийской переписи населения, которая состоится в 2020 году и впервые будет реализована через интернет. Выявлялось мнение опрашиваемых, следует или не следует во время государственной переписи собирать сведения о культурном разнообразии населения миграции. Опрос показал, что большинство опрошенных не только согласны с необходимостью сбора такой информации, но и заинтересованы в ней. Нам было важно выяснить общественную значимость культурных различий, поскольку «проблема» таких различий все чаще обсуждается в России в связи с миграционной политикой в зарубежной Европе, где тема «ценностей» и «различий» стала чуть ли не базовой при обсуждении рисков миграционных конфликтов.

В настоящем исследовании практически все респонденты, за исключением 5%, указали при опросе свою национальность, понимая под этим термином именно этническую принадлежность. Несмотря на научные споры, следует ли отказать термину «национальный» в значении «этнический» и перейти на западноевропейское понимание «национального» в значении «гражданский», население России, в том числе в обследованных в рамках данного проекта регионах, легко и без всякой путаницы воспринимают термин «национальный» в двух значениях в зависимости от контекста. На вопрос, что для них в общем смысле означает «национальность», 75% сказали, что это не гражданство, а принадлежность к народу. А те 20%, кто ответил «по-европейски» (национальность – это гражданство), без проблем справились с ответом на вопрос «к какой национальности себя относите», указав именно этническую принадлежность.

Поскольку, согласно российскому законодательству, респонденты были предупреждены о том, что могут отвечать или не отвечать на вопрос о национальности, но 95% захотели это

сделать и дали подробный ответ (анкета не содержала каких-либо заготовленных вариантов ответов о национальности), следует признать, что для большинства опрошенных тема национальной принадлежности не является острой и чувствительной (резких суждений практически не было). Месте с тем, массовость и подробность добровольных ответов свидетельствует о том, что сама по себе этническая принадлежность является для большинства опрошенных значимым средством самооценки. В повседневной жизни люди не придают существенного значения этническим различиям, но в социологической анкете и персонализированных ответах во время государственной переписи охотно рассуждают о своей этнической принадлежности. Это означает, что представления об этнических различиях не являются темой конфликтных разногласий.

В этом отношении Россия отличается от многих стран Запада, где сообщать о своей этнической принадлежности зачастую не только не принято, но это является чем-то предосудительным. В Скандинавских странах данная «традиция» возникла еще в 1970-е гг., в других европейских государствах – на десятки лет позднее. И, хотя политики и некоторые ученые этих стран стремятся объяснить подобные нормы требованиями политкорректности, принципами демократии и невмешательства в частную жизнь, поводами фактического «запрета» на этническую идентичность являются исторические прецеденты массовых гонений по национальным, расовым, языковым и религиозным признакам. В странах Западной Европы, по причине дефицита сведений об этнической идентичности населения, затруднительно заблаговременно выявлять общественные конфликты, возникающие на почве культурных различий, мало возможности достоверно оценить, проявляется ли этническая (и иная культурная) идентичность в результате культурного развития или как продукт напряженных межгрупповых отношений, в частности, отношений в среде местного и пришлого населения. Отсутствие необходимой информации и подавление культурных различий приводит к обратному эффекту – переносу вопросов культурной специфики из частной и житейской сферы в плоскость полити-

ческую. Это позволяет политическим партиям правого толка, использующим популистские и националистические лозунги, получать все больше голосов избирателей. Такие партии намереваются создать в Европарламенте (выборы в мае 2019 г.) самую крупную коалицию (фракцию) на основе идей сохранения культуры «перед лицом миграционной опасности», заявляя, что это будет объединение «стран и народов» (т.е. коалиция не только государств-наций, но и этнических групп европейцев). Примечательно, что к объединению стремятся правые и популистские партии из Италии, Франции, Швеции, Нидерландов, Германии – как раз из тех государств, где обсуждение этнической принадлежности называют неполиткорректным.

В нашем исследовании, учитывая состав регионов проекта, из ответов респондентов получена сходная с данными переписи 2010 г. картина, согласно которой 87,2% составляют русские (а с учетом двойственной идентичности, 89%), среди прочих групп заметны мордва – 2,9% (при заявленной двойственной идентичности – 3,7%), татары – 1,6% (вместе с двойственными ответами – 2,4%), украинцы – 0,9% (вместе с двойственными ответами – 2,1%), остальные респонденты включали армян, евреев, белорусов и др. Двойственную идентичность назвали 9% опрошенных из числа указавших национальность, при этом наиболее распространены варианты «русские и украинцы» - 1,6%, «русские и мордва» - 1,2%, «русские и татары» - 1%. Были также варианты «русские и белорусы» - 0,6%, «русские и евреи» - 0,6%, «русские и армяне» - 0,4 и иные вариации.

Исследование показало, что этническая идентичность не является «помехой» для идентичности гражданской. Обе идентичности не «вытесняют» друг друга, а сосуществуют между собой. При этом идентичность этническая занимает более приватную (персонализированную) часть самоидентификации респондента, а идентичность гражданская – его внешнюю, публичную сторону. В данном исследовании каждому респонденту был задан вопрос о предпочтениях, как бы ему хотелось, чтобы его воспринимали окружающие, – как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя опреде-

ленного региона. Можно было дать несколько ответов, в том числе, предложить собственный вариант. Большинство опрошенных предпочли, чтобы окружающие видели в них, прежде всего, граждан страны – 79%, а из них почти пятая часть параллельно указала этническую или региональную принадлежность.

Таблица 1. Сочетание гражданской, этнической и региональной идентичности респондентов в регионах проекта (учитывались единичные и множественные ответы)

В публичном пространстве склонны идентифицировать себя:...	В % от опрошенных	Москва	Московская обл.	Тульская (Тула и предместья)	Пермский (Пермь и предместья)	Мордовия (Саранск и предместья)	Саратовская (Балаково и предместья)
1). Как гражданина страны	78,6	80,7	74,7	82,7	76,7	76,0	78,7
2). Как представителя отдельной национальнойности	16,0	15,2	18,7	17,7	9,0	21,3	15,0
3). Как жителя определенного региона	13,0	17,3	8,0	16,3	10,0	9,3	12,3
4). Другой ответ	4,0	5,2	6,0	3,3	3,7	3,3	1,3
5). Затруднились ответить	6,2	3,7	4,0	2,3	9,0	10,3	10,3

В среде российских экспертов и управленцев распространено мнение о том, что общероссийская гражданская идентичность является лишь «прикрытием» для национальных групп. Высказывают также мнение, дескать, этнические русские зачастую не склонны иметь гражданскую идентичность, тем самым, якобы утверждая свое «главенствующее» положение в стране. Обе точки зрения не подкрепляются социологическими факта-

ми. В действительности среди приверженцев гражданской публичной идентичности этнические русские составляют наибольшую долю – 91% в нашем массиве опроса, а среди лиц, указавших сугубо этническую идентичность, доля русских заметно меньшая – 81%. Это характерно и для категорий опрошенных, различающихся по возрасту, полу и длительности проживания в месте опроса.

Таким образом, в сфере общественных отношений, в том числе отношений в миграционной сфере, у респондентов более выражена гражданская идентичность. А для менее формального самоощущения те же респонденты используют этническую идентификацию, которая является важным компонентом социального самочувствия. Данный факт, в целях предупреждения миграционных конфликтов, необходимо учитывать при анализе процессов общественного восприятия ситуации с мигрантами и миграцией и анализе общественных представлений о понятиях «местный», «приезжий». Массовые представления о формальных отличиях «свой» и «чужой» строятся не по принципу этнических и даже не по принципу языковых различий, а исходя из склонности и возможностей приезжих причислять себя к России. На вопрос, адресованный местным жителям в регионах исследования, при каких условиях они могли бы воспринимать иностранца россиянином, менее четверти ограничилась указанием на необходимость получения гражданства, тогда как почти половина опрошенных добавила, что приезжий должен много лет прожить в России, и почти две трети выдвинули требование, что приезжий, вне зависимости от своего языка, должен хорошо знать русский язык.

Наше исследование развенчивает миф о повышенной конфликтности в адрес мигрантов со стороны молодежи. В силу возрастных особенностей, молодые люди могут проявлять импульсивность и вовлекаться в конфликтные ситуации, но социальную базу напряженности составляют не они, а в первую очередь лица среднего возраста, как более многочисленная часть населения (в анализируемых регионах – более половины населения, а в целом по стране – 44%). Именно эта категория актив-

но участвует в экономике и управлении, она более подвержена конкуренции на рынке труда. Именно эти люди играют ключевую роль в собственном материальном обеспечении, поддержании своих семей и родственников. Такой исследовательский результат осложняет поиск решения задач по достижению устойчивого гражданского согласия. Если с молодежной аудиторией можно работать через школы и вузы и через молодежные тематические площадки, то в адрес населения среднего возраста, имеющего к тому же устоявшееся мнение и стереотипы, очень трудно разрабатывать какие-то единые программы, будь то программы информационные, просветительские, обучающие. Скорее, в отношении лиц среднего возраста могут быть использованы государственно-общественные ресурсы социальной направленности, программы в сфере занятости и досуга, а также, как показывает российский опыт последних нескольких лет, каналом позитивного общественного воздействия может быть развитие волонтерского и наставнического движения. И, конечно, следует уделять особое внимание средствам массовой информации. Население опрошенных регионов полагает, что получает из общедоступных информационных источников, включая интернет, больше негативных сведений о мигрантах, в первую очередь, это сообщения о криминале, чем о культуре. При этом респонденты в молодежной среде говорят об информационном негативе в адрес мигрантов в 60% случаев, а лица среднего возраста – в 66% случаев.

Исследование выявило, что уровень бесконфликтных миграционных отношений в значительной мере зависит не только от возраста, но и от распространенности гражданской идентичности. Респонденты с приоритетом гражданской идентичности высказываются реже о том, что деятельность мигрантов отрицательно сказывается на них самих и вообще на местных жителях – таких мнений 15%. У респондентов, отрицающих гражданскую идентичность, уровень неприятия мигрантов выше. Те из них, кто настаивает, что его публичная идентичность только региональная, имеют отрицательные суждения о мигрантах в 17%

случаев, а у респондентов, указавших исключительно этническую идентичность, это мнение распространено в 22% случаях.

Таблица 2. Отношение к мигрантам и миграции у респондентов разного возраста и приоритета гражданской, этнической и региональной идентичности в регионах проекта

	В % от опрошенных	молодежь 18-29 лет	средний возраст 30-59 лет	Из числа респондентов, у которых приоритетной является идентичность:		
				гражданская	региональная	этническая
Отрицательно оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя (заработок, трудоустройство, здоровье, безопасность)	15,8	11,9	18,0	14,7	16,6	22,1
Отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами	24,0	9,0	29,1	21,9	25,7	38,0
Поддержали бы пикеты против мигрантов	13,5	8,7	15,7	13,1	14,9	20,2
Против интеграции мигрантов	23,4	21,4	23,0	22,1	31,7	30,2
Против принятия местными жителями элементов культуры мигрантов	43,3	38,6	44,4	43,9	45,5	55,0
[Для справки] Персонально, как заявляют, подвергались дискриминации из-за культурных различий	7,9	8,5	9,1	4,9	14,9	31,0

Из числа первых не хотели бы обучения своих детей с мигрантами 22%, из состава вторых – 26%, а среди последних – 38%. Из числа первых допускают участие в пикетах и акциях против мигрантов – 13%, из состава вторых – 15%, а среди последних – 20%. В связи с этим опять следует указать на пагубный западноевропейский пример политики умаления и игнорирования культурного многообразия, которая порождает ответ-

ную волну национализма и конфликтности (возросшая во многих странах зарубежной Европы активность политических сил правого толка, их поддержка со стороны избирателей, участвовавшие массовые выступления против мигрантов и миграционной политики властей, провокации со стрельбой, поджогами и иными противоправными действиями).

Не удивительно, что по совокупности различных показателей, российские респонденты с гражданской идентичностью более позитивно относятся к идее интеграции мигрантов и в большей мере готовы со своей стороны предпринимать действия на пути к взаимной интеграции. Среди них относительно меньшая доля отрицает необходимость интеграции мигрантов – 22%, и относительно меньше не желающих самим что-то предпринимать для сближения с мигрантами – 44%. Респонденты, отрицающие гражданскую идентичность, имеют более резкие показатели негативного отношения: среди настаивающих только на региональной идентичности не желают интеграции мигрантов и не хотят помогать этому процессу 32% и 46%, а среди респондентов с сугубо этнической идентичностью таких 30% и 55%.

Более того, выяснилось, что респонденты, настаивающие на публичности своей этнической идентичности, имеют заметный уровень неудовлетворенности в языковой сфере. При том, что 28% из их числа используют в семейном быту помимо русского языка также и другой язык, но 18% заявляют, что не могут шире пользоваться родным языком из-за того, что окружающие не знают этого языка, а 5,4% сообщают, что стесняются публично общаться на своем языке. Выяснилось также, что худшее отношение к мигрантам высказывают те, кто сам подвергался дискриминации из-за культурных различий. Среди лиц с сугубо этнической идентичностью заявили, что подвергались дискриминации 32% (в т.ч. в 17% случаев заявили о дискриминации в свой адрес по признаку национальности, в 13% случаев – из-за языка, в 5% - из-за религии) – это в два раза больше, нежели у лиц с региональной идентичностью и в шесть раз больше, чем у респондентов, имеющих гражданскую идентичность. У данной категории опрошенных обнаруживается общий мотив отноше-

ния к мигрантам: «Почему мы должны приспосабливаться к чужакам, если наша собственная культура и язык, отличающиеся от окружающих, игнорируются в нашей стране».

Таблица 3. Отношение к мигрантам и миграции у респондентов разного уровня материальной обеспеченности

	Материальное положение респондента за последний год:	
	хорошее и нормальное	затруднительное и тяжелое
Отрицательно оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя (заработок, трудоустройство, здоровье, безопасность)	13,2	19,5
Отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами	20,2	29,4
Поддержали бы пикеты против мигрантов	11,6	16,2
Против интеграции мигрантов	23,1	23,7
Против принятия местными жителями элементов культуры мигрантов	42,5	44,5
[Для справки] Персонально, как заявляют, подвергались дискриминации из-за культурных различий	6,6	9,8

Исследование выявило зависимость мнения о мигрантах от уровня социального самочувствия местного населения. Респонденты, позитивно оценивающие собственное материальное благосостояние, лучше относятся к мигрантам и легче принимают идею интеграции, нежели те респонденты, кто негативно оценивает собственное благосостояние. Однако указанная зависимость проявляется не столь ярко в сравнении с влиянием на отношение к мигрантам фактора гражданской и этнической идентичности местного населения. Также следует обратить внимание

и на тот факт, что количество респондентов, выразивших недовольство мигрантами по личным причинам, связанным с собственными возможностями трудоустройства, заработка, лечения и прочим, заметно меньше, чем тех, кто настроен против интеграции мигрантов и против шагов навстречу в виде принятия каких-то позитивных сведений о мигрантах и элементов их культуры. То есть какого-то материального ущерба от мигрантов многие опрошенные для себя не видят, а часть даже активно пользуется их услугами, но предпочитают, чтобы приезжие не становились частью местного сообщества. Это характерно и для Москвы и ее предместий, где наплыв мигрантов действительно велик, это характерно и для Мордовии и других регионов, где мигрантов крайне мало.

Таблица 4. Отношение к мигрантам и миграции у респондентов, имеющих работу в регионах проекта

	Как часто возникает опасение потерять работу?		
	никогда	редко, иногда	часто
Отрицательно оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя (заработок, трудоустройство, здоровье, безопасность)	12,3	17,1	28,8
Отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами	18,6	29,0	38,0
Поддержали бы пикеты против мигрантов	11,6	14,9	24,0
Против интеграции мигрантов	23,8	26,7	22,2
Против принятия местными жителями элементов культуры мигрантов	44,6	43,5	44,6
<i>[Для справки]</i> Персонально, как заявляют, подвергались дискриминации из-за культурных различий	8,2	12,0	16,3

Особо значимым фактором миграционных отношений является феномен социальной конкуренции, суть которого состоит не только и даже не столько в фактическом положении персоны на рабочем месте, сколько от ожиданий персоны на этом месте

потенциальных для себя выгод или ущерба. Те, кто не испытывает опасений потерять работу, в меньшем количестве отрицательно относятся к обучению детей с мигрантами и реже намерены поддержать пикеты против мигрантов. Конкуренция, как социально-психологическое явление, действительно во многом определяет мнение опрашиваемых о мигрантах (и вообще формирует представления о «чужаках», см. нашу книгу «Социальные факторы этнической нетерпимости»¹), однако, как показывает настоящее исследование, не всегда является ведущим.

В усредненном портрете респондента, выступающего за и против миграционной интеграции, социально-демографические и экономические характеристики, конечно, играют существенную роль. Но и те персональные характеристики, которые связаны с публичной идентичностью, также крайне важны, и, что особенно примечательно, в среде общественных отношений такие характеристики оказывают устойчивое влияние на конфликтную и бесконфликтную мотивацию личности. Респондент, наиболее резко выступающий против интеграции мигрантов и против восприятия их культурных черт, чаще имеет среднее образование, испытывает материальные затруднения, а в качестве приоритетной формы публичной идентичности указывает этническую принадлежность. Но и другие категории респондентов, например, в зависимости от возраста, положения в занятости и иных характеристик, могут выступать против миграционной интеграции. При этом характер публичной идентичности в их среде также имеет существенное значение.

Таблица 5. Обобщенный портрет «респондента», выступающего за и против миграционной интеграции в регионах проекта

	Отношение к идее интеграции мигрантов в местном сообществе		Отношение к принятию местными жителями элементов культуры мигрантов	
	Против	За	Против	За

¹ Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. Степанов В.В., Тишков В.А. – М.: ИЭА РАН, 2014.

Возраст респондентов				
- молодежь 18-29 лет	17,5	21,9	16,3	25,0
- средний возраст 30-59 лет	53,8	51,7	56,8	52,0
- старший возраст 60 лет и более	28,7	26,5	26,9	23,0
Уровень образования (заявленный респондентом)				
- начальное, неполное среднее	0,4	1,1	1,6	1,1
- среднее, начальное или среднее специальное	47,5	39,7	44,0	35,6
- высшее и неполное высшее	52,1	59,1	54,5	63,3
Материальное положение (самооценка)				
- хорошее и нормальное	55,6	61,9	56,2	64,6
- затруднительное и тяжелое	39,1	33,1	39,5	31,6
Опасение потерять работу				
- нет	14,7	24,7	23,3	24,3
- редко, иногда	27,1	28,8	28,5	31,2
- часто	11,8	10,5	12,4	11,5
Приоритет идентичности в публичной сфере:				
- гражданская идентичность	77,4	80,1	76,0	80,1
- этническая идентичность	20,0	14,9	21,7	15,9

Полученные в рамках текущего проекта сходные результаты массовых опросов населения в самых разных регионах страны подтверждают наш вывод о том, что миграционные отношения в современной России в значительной мере складываются под влиянием культурных стереотипов, а не только и даже не столько из-за причин социально-экономического характера.

Общим и важнейшим выводом исследования является тезис о том, что для преодоления опасности миграционных конфликтов в российских регионах, и в принципе для предупреждения конфликтов на почве культурных различий, необходимо не подавлять этническую идентичность, а содействовать этнокульту-

турному развитию населения в целях естественного формирования гражданского согласия и единства.

В соответствии с полученными данными, в рамках настоящего проекта разработаны рекомендации по предупреждению миграционных конфликтов органам государственной власти и местного самоуправления, а также в адрес средств массовой информации и структур гражданского общества. Предварительная версия этих рекомендаций (приложены к отчету) направлена для обсуждения многочисленным экспертам из числа управленцев, ученых и общественников в регионах проекта.

Подробно о позитивных условиях и причинах напряженности миграционных отношений см. далее на конкретных региональных примерах, а также в приложении к данному отчету в своде статистических таблиц и графических презентаций.

Обзор итогов массового опроса по регионам

Регион проекта 1.

Массовый опрос населения в Мордовии

Опрос населения о миграции проведен по методике Сети этномониторинга в Республике Мордовия (РМ) в феврале 2019 г. Согласно установленным квотам, опрошено 300 чел. (133 мужчины и 167 женщин), из них: 65 респондентов в возрасте от 18 до 29 лет (из них 32 мужчины и 33 женщины), 162 – в возрасте от 30 до 59 лет (из них 76 мужчин и 86 женщин), 73 – в возрасте от 60 лет и старше (из них 25 мужчин и 48 женщин). 267 респондентов являются жителями четырех основных микрорайонов столицы республики, города Саранска – Центра, Юго-Запада, Химмаша и Светотехстроя. Еще 33 респондента являются жителями поселка Атемар, примыкающего к саранскому микрорайону Химмаш. Опрос проходил в конструктивной и доброжелательной обстановке: отказы от участия в опросе были немногочисленны (4 чел.), и еще 17 респондентов не вошли в итоговую базу опроса из-за превышения квоты по возрасту.

Абсолютное большинство опрошенных (95%) проживают в регионе более десяти лет, 3% – два года или менее, и по одному проценту – не более пяти лет и не более десяти лет. С рождения в регионе проживают 83% респондентов, 16% приехали из других регионов России. Назывались Ивановская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Свердловская, Ульяновская области, Краснодарский край, Республика Карелия, Республика Саха (Якутия), Республика Татарстан, Чувашская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ, а также города Владивосток, Калининград, Магадан, Норильск, Оренбург, Рязань, Сыктывкар. Кроме того, 1% респондентов указали, что они прибыли из других государств – бывших республик СССР (Беларусь, Узбекистан, Украина).

Обозначая свою этническую идентичность, 67% респондентов назвали себя русскими, 25% – мордвой, иногда с уточнением «мокшанин»/«мокшанка» (1%) или «эрзянин»/«эрзянка» (2%), 5% – татарами. Единичные ответы указали другие национальности – еврейскую, немецкую, украинскую, чувашскую. Кроме того, 9% не стали указывать свою этническую принадлежность, т.к. по условию опроса респондентам сообщалось, что отвечать о себе могут по желанию.

В ответах о национальности 9,5% указали две этнические идентичности – в большинстве своем (8%) «русско-мордовскую»: «русский/русская-мордвин/мордовка», «мордовка/мордвин-русская/русский», «русская-мокшанка», «русская-эрзянка». Другой пример указанных респондентами двойных идентичностей – «русский-украинец», «татарин-мордвин», «русская-еврейка», «русская-белоруска». Среди респондентов со смешанной идентичностью, 70% на первое место поставили русскую идентичность, 21% – мордовскую идентичность.

Соотношение представителей различных национальностей среди участников опроса соответствует этническому составу населения Республики Мордовия, в котором численно преобладают русские, а следующими по численности являются, соответственно, мордва и татары. Так, согласно официальным дан-

ным Всероссийской переписи 2010 года, русские в Мордовии составляют 53,2% населения, мордва – 39,9%, татары – 5,2%². Фактическая же ситуация, согласно нашим исследованиям, осложняется двойной идентичностью многих представителей мордвы, которые считают себя также русскими (что видно и из результатов анкетирования). Последнее связано с естественными процессами интеграции и ассимиляции, которые происходят в регионе на протяжении многих десятилетий. Причины, характер, масштабы и последствия данного процесса дискутируются как в научном сообществе, так и в среде этнокультурных организаций, в средствах массовой информации, в интернете. Очевидно, что важную роль в этих процессах играет дисперсный характер расселения мордвы по всей территории России, при этом Республике Мордовия проживает менее половины общей численности мордвы. В связи с этим, этнолог О. В. Абрамова обращает внимание на следующую тенденцию: «Следует подчеркнуть, что в самой Мордовии темпы снижения численности мордвы заметно ниже, чем в целом по стране. Согласно последней переписи населения 2010 г., произошло увеличение доли мордовского населения в составе всего населения Мордовии, что свидетельствует об определенных возможностях республики в сохранении титульного этноса»³.

Отвечая на вопрос о своем образовательном уровне, 41% респондентов указали среднее специальное образование, 36% – высшее образование, 20% – среднее, 3% – неоконченное высшее. Здесь проявляется обычная для массовых опросов тенденция со стороны респондентов частично завышать свой образовательный уровень.

Определяя свой социальный статус, около половины (47%) респондентов указали, что они работают, 19% – учатся, 20% – находятся на пенсии, 4% – безработные, 5% – занимаются до-

² См., например: Национальный состав населения Республики Мордовия, владение языками и гражданство (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года): Стат. сборник / Мордовиястат. Саранск, 2013.

³ Абрамова О. В. Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX – начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 1, с. 60.

машним хозяйством. Выбравшие вариант ответа «иное» 6% либо указывали, что они одновременно работают и учатся, либо являются работающими пенсионерами.

Более половины участников опроса (61%) не собираются переезжать из Мордовии. В то же время 13% указали на желание выехать на постоянное жительство в другой российский регион – в первую очередь в Москву, что соответствует реалиям, поскольку основной отток населения из Мордовии действительно ориентирован на столичный регион. Также респонденты указывали на привлекательность Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода (как ближайшего к Мордовии крупного города), называли Татарстан, Краснодарский край, Самарскую, Саратовскую и Ульяновскую области.

Желание эмигрировать или выехать на длительный срок за границу в нашем опросе обозначили 7% опрошенных. При этом в качестве стран, где они хотели бы обосноваться, названы США (наибольшее количество ответов), Австралия, Израиль, Италия, Канада, Китайская Народная Республика, Латвия, Федеративная Республика Германия, Франция, Чехия. Кроме того, 18% затруднились с ответом на данный вопрос.

Необходимо отметить, что убыль населения остается серьезной демографической проблемой Мордовии еще с 1990-х годов. Специалист по демографии Н. Н. Логинова комментирует данную ситуацию следующим образом: «Проблема депопуляции – одна из реальных, актуальных и широко обсуждаемых в нашей стране. В XX в. население Российской Федерации (РФ) пережило несколько демографических кризисов. Последний был вызван политико-экономической ситуацией 1990-х гг. Республика Мордовия (РМ), по авторским расчетам, не менее 200 тыс. Общая численность населения республики составит около 670 тыс. чел., против 833 тыс. в настоящее время. <...> Процесс депопуляции охватил в настоящее время все муниципальные образования республики. С 2002 г. в Мордовии не осталось ни одного поселения (исключение в 2009 г. составил только городской округ Саранск) с положительной динамикой численности и естественного движения населения. <...> В Мордовии сложилась

регрессивная возрастная структура населения, для которой характерно превышение доли населения старших возрастов над долей детей. А это, в свою очередь, приводит к понижению экономической и репродуктивной активности населения, что не отвечает интересам регионального социально-экономического развития»⁴.

Важными причинами оттока населения из республики также являются отрицательное сальдо рождаемости, высокая миграция из сельских районов в города и регионы России с более высоким уровнем и качеством жизни. В этом плане Республика Мордовия входит в группу проблемных и демографически неустойчивых регионов страны.

Исследователи А. А. Сычев и Д. М. Борисов отмечают рост миграционных настроений молодежи Мордовии: «Если эти намерения будут реализованы, республике угрожает увеличение темпов оттока молодого трудоспособного населения. Данное явление может повлечь за собой ряд негативных последствий, в числе которых нехватка рабочей силы на рынке труда, снижение уровня рождаемости, старение населения и др. Остается надежда, – пишут указанные авторы, – на ту часть молодежи, которая хочет эмигрировать в образовательных целях, с тем, чтобы с получением образования вернуться в родной регион»⁵. От себя отметим, что высказанная процитированными авторами надежда выглядит излишне оптимистичной, поскольку покидающая республику молодежь, в том числе в целях учебной миграции, предпочитает оставаться и выстраивать дальнейшую карьеру в крупных городах страны, включая Москву.

Что касается вопросов, связанных с языковой ситуацией в республике, то большинство респондентов, но далеко не все (75%) в общении с родными, близкими и друзьями пользуются только русским языком. Другой язык в общении используют

⁴ *Логина Н. Н.* Демографическая ситуация в Республике Мордовия // Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). 2012. № 1, сс. 279, 280, 282.

⁵ *Сычев А. А., Борисов Д. М.* Оценка миграционного настроения молодежи в регионе (на примере Республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11(55), с. 169.

25%, что также немало и вряд ли подтверждает высказываемый аналитиками и общественниками тезис о безвозвратной ассимиляции. Родной язык указали все опрошенные, причем заявили о двух родных языках 11%. Русский является родным языком для 82% опрошенных, а мордовский указали в качестве родного 24%, в том числе с уточнениями «мокшанский» и «эрзянский» (по 7%), на родной татарский язык указали 4%.

Среди респондентов, которые не общаются с окружающими на родном языке, 12% указали на то, что окружающие не знают их языка, 6% заявили, что сами не знают или плохо знают родной язык, 5% говорили, что испытывают стеснение при использовании своего родного языка. Таким образом, «естественного» и тем более искусственного подавления родных языков по данным настоящего опроса, в целом, не наблюдается.

Опрос подтвердил, что практически все респонденты владеют русским языком, а владение мокшанским, эрзянским и татарским, прежде всего, характерно для представителей соответствующих этнических групп. Русский язык используется не только в межэтнических, но и во внутриэтнических контактах, в мордовских и татарских семьях. Мокшанско-русский, эрзянско-русский и татарско-русский билингвизм распространен гораздо шире, чем мокшанско-эрзянский или, скажем, татарско-мордовский. При численном преобладании русских в Мордовии, у них нет существенных стимулов в изучении мордовских языков, а среди нерусского населения, особенно мордвы, проявляется тенденция к двум родным языкам.

В то же время свою роль в поддержании, сохранении национальных языков играет система поликультурного школьного и высшего образования, которая формируется и развивается в Мордовии на протяжении трех последних десятилетий. Так, с 1990-х до настоящего времени учебные дисциплины «Эрзянский язык», «Мокшанский язык» входят в инвариантную часть Базисного учебного плана для общеобразовательных учреждений. В большинстве школ республики мордовские языки преподаются со 2 по 7 классы в формате 2 часа-урока в неделю. Дисциплина обеспечена учебно-методическим комплексом, в том

числе учебниками «Мокшень кель» и «Эрзянь кель». В селах с компактным проживанием мордвы есть национальные мордовские школы. Здесь обучение с 1 по 4 классы идет полностью на мокшанском или эрзянском языке, а русский язык изучается как предмет. Затем, с 5 класса по 9/11 классы обучение переводится на русский язык, а мокшанский или эрзянский язык изучается как предмет. Для начальных классов этих школ на мордовских языках изданы учебники по математике и «окружающему миру»⁶. Кроме того, в Мордовии действуют 21 школа с преподаванием татарского языка⁷.

Что касается системы высшего образования, то мокшанский и эрзянский языки представлены и в учебных планах ведущих вузов республики – Национальном исследовательском Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарева (МГУ) и Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева (МГПИ). Необходимо также отметить, что на сегодняшний день только в одном республиканском вузе – Мордовском педагогическом институте – готовят учителей татарского языка (национальные академические группы студентов на филологическом факультете). С 2017 г., также на организационной площадке МГПИ, в Мордовии стали проводиться курсы повышения квалификации для учителей татарского языка с участием приглашенных специалистов Казанского федерального государственного университета⁸.

Большинство респондентов (74%), по их заверению, не испытывают на себе никаких проявлений ксенофобии. Лишь 4% указали на эпизоды негативного отношения к себе из-за языка, столько же – из-за национальности, 2% – из-за религии, и 18% затруднились с ответом на этот вопрос. Зафиксированное боль-

⁶ Мосин М. В. Современные языки финно-угорских народов России (состояние и перспективы развития мордовских языков) // Финно-угорский мир. 2012. № 3/4, с. 27.

⁷ Никитина Т. Представители Татарстана благодарны руководству Мордовии за сохранение татарских школ // Известия Мордовии. 29 ноября 2016, с. 3.

⁸ Учителя татарского языка и литературы повышают квалификацию в стенах МГПИ // Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева. Сайт: <https://www.mordgpi.ru/our-life/news/46/25926/>

шинством респондентов отсутствие проявлений ксенофобии в их повседневной жизни можно расценивать как высокий уровень толерантности, который характерен для общества в Мордовии. По данному поводу социолог О.А. Богатова и специалист республиканского министерства национальной политики А.И. Карьгин отмечают, что «к представителям других национальностей и вероисповеданий большинство жителей региона относятся положительно или нейтрально. Основной характеристикой межэтнических и межконфессиональных отношений в республике в постсоветский период выступает толерантность – терпимость к межгрупповым различиям. Уровень межэтнической и межконфессиональной предубежденности невысок. Однако, – добавляют указанные авторы, – в целом толерантный характер межэтнических отношений не исключает латентной межэтнической напряженности, проявлений неприязни к культурно выделенным меньшинствам, включая мигрантов из «ближнего зарубежья»⁹.

Как известно, единственным «резонансным» проявлением открытой и агрессивной мигрантофобии в Мордовии были события 27 октября 2013 г., а именно нападение толпы местных жителей (в основном – подростков) на общежитие узбекских рабочих в поселке Чамзинка¹⁰. После этих событий пятилетней давности, объявленных правоохранительными органами республики «хулиганством без признаков межнационального конфликта», каких-либо столкновений между местным населением и иностранными рабочими, или иных антимигрантских уличных акций отмечено не было.

Что касается вопроса о вариантах идентичности респондентов, то 76% считают, что их следует воспринимать как граждан Российской Федерации, одновременно 21% хотели бы выглядеть, как представители отдельной национальности, 9% – как

⁹ Богатова О. А., Карьгин А. И. Мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия // Финно-угорский мир. 2010. № 1, с. 78.

¹⁰ Об этом см., например: Николаева А. «Бирюлёво» по-мордовски // Интерфакс-Россия. Аналитическо-информационный портал: www.interfax-russia.ru > Приволжский федеральный округ > Точка зрения

жители своего региона, и 10% затруднились с ответом. Еще 3% опрошенных дали свои варианты, среди которых преобладает формулировка «как человека, как личность».

Таким образом, опрос демонстрирует приверженность абсолютного большинства идее гражданской идентичности, то есть тому, что в соответствующих концептуальных государственных документах¹¹ обозначается терминами «российская нация» и «многонациональный народ Российской Федерации», которые трактуются как синонимы. При этом гражданская российская идентичность не противопоставляется этнической (культурной) идентичности, а сосуществует вместе с ней,¹² что, собственно, и подтверждается самооценками населения в настоящем исследовании.

Около половины опрошенных (45%) оценили свое материальное положение как «в целом, нормальное», 34% – как затруднительное, 9% – как тяжелое, 7% – как хорошее, 5% затруднились с ответом.

Здесь следует сделать поправку на своеобразный социальный оптимизм участников опроса, поскольку в Мордовии один из самых низких по стране уровень заработной платы и, соответственно, уровень жизни. Об этом, в частности, пишут экономисты

С. И. Маслова и Е. А. Ерёмина: «Среднемесячная заработная плата в значительной степени дифференцирована по отраслям экономики РМ... самый высокий уровень заработной платы отмечен в таких отраслях экономики, как транспорт, финансы, кредит, страхование и управление. Средние номинальные заработки превышают среднемесячную заработную плату в целом по отраслям экономики более чем в 1,5 раза, а наименьшие характерны для сельского хозяйства, учреждений здравоохранения, физической культуры, социального обеспечения, образования, культуры, искусства. Уровень заработной платы в них ниже

¹¹ Например, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

¹² См.: *Тишков В. А., Шабаетов Ю. П.* Этнополитика. Политические функции этничности. М., 2013, с. 380.

средних показателей по отраслям экономики почти в 1,5 раза. Наиболее острое положение обстоит с уровнем жизни пенсионеров. <...> Таким образом, – подытоживают указанные авторы, – можно сделать вывод, что по основным показателям уровня жизни населения Республика Мордовия в разрезе регионов Приволжского федерального округа занимает самые низкие позиции»¹³.

Поэтому, когда почти половина участников нашего опроса указывает на свое «нормальное» материальное положение, то в большинстве случаев здесь подразумеваются заработные платы в размере 20 тыс. руб. и меньше. Такой заработок, весьма невысокий с точки зрения жителей других российских регионов, в глазах значительной части населения Мордовии выглядит едва ли не как показатель некоего благополучия.

Отвечая на вопрос об опасении потерять работу, 47% указали, что не работают (в основном это пенсионеры, но были также безработные и домохозяйки), у 24% редко возникают опасения потерять работу, у 14% подобные опасения возникают постоянно, у 8% таких опасений не возникает, а 6% затруднились с ответом. В настоящее время в Мордовии достаточно низкий уровень безработицы¹⁴. С другой стороны, в последние годы рынок труда в республике сталкивается с рядом проблем. Например, экономист

Н. П. Мышкина отмечает, что «наблюдается тяжелое положение на рынке труда отдельных социально-демографических групп населения (женщин, инвалидов, молодежи и т.д.). Существует проблема трудоустройства граждан, проживающих в селе. Остается проблемой недостаточная информированность молодежи о профессиях и специальностях, пользующихся спросом на рынке труда. Структура профессионального образования молодежи

¹³ Маслова С. И., Ерёмин А. Е. Оценка уровня жизни населения Республики Мордовия в разрезе субъектов Приволжского федерального округа // Региональное развитие. 2014. № 3-4, сс. 62, 65.

¹⁴ См., например, соответствующую информацию на сайте информационного агентства REGNUM (<https://regnum.ru/news/2337669.html>).

пока смещена в пользу высшей школы. Потребность работодателей в специалистах с высшим образованием сокращается»¹⁵.

В ходе опроса респонденты дали оценку миграционной ситуации в регионе и выразили свое отношение к мигрантам.

Так, профессии и сферы деятельности, в рамках которых респонденты непосредственно пользовались услугами мигрантов, распределились следующим образом (в порядке убывания): услуги в магазинах и на рынках (37% опрошенных), уборка и благоустройство территории (29%), кафе, рестораны, гостиницы (18%), ремонт жилья или ремонт автомобиля (также 18%), общественный транспорт (14%), жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, электропроводке и прочее (11%), охрана жилья, парковок и прочего (10%), медицинские услуги (9%), работа на даче, приусадебном участке (7%), работа по дому (4%). Никакими услугами со стороны мигрантов не пользовались 26%, затруднились с ответом 8% респондентов.

Таким образом, услугами трудовых мигрантов так или иначе пользуются 58% участников опроса, не пользуются в принципе (по их самооценке) – 26% респондентов.

Среди участников опроса, которые пользуются услугами мигрантов, 68% указали, что речь идет об услугах в общественных местах (уборка и благоустройство территории, медицинские услуги, услуги в магазинах, на рынках, в общественном транспорте, кафе, ресторанах, гостиницах), 25% – об услугах смешанного типа (жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, проводке и прочее, ремонт жилья или ремонт автомобиля, охрана жилья, парковок и прочего), 7% – о персональных услугах (работа на даче, приусадебном участке, по дому, уход за детьми, больными, престарелыми).

В принципе, приведенное выше распределение ответов респондентов отражает сложившуюся в Мордовии ситуацию с трудоустройством мигрантов частично, поскольку речь в данном случае идет о непосредственном использовании труда или услуг

¹⁵ *Мышкина Н. П.* Безработица в Республике Мордовия // *Контенсус. Электронный научный журнал*. kontentus.ru/?p=688

мигрантов населением республики, а не, скажем, строительными фирмами, промышленными предприятиями или агрохолдингами. Необходимо отметить, что в структуре отраслевой занятости иностранных трудовых мигрантов в Республике Мордовия существует определенное распределение «сфер влияния». Например, в строительстве преимущественно заняты граждане Узбекистана (самый интенсивный поток трудовой миграции в республику в настоящее время) и Таджикистана, в меньшей степени – Армении. Кроме того, в строительной сфере заняты относительно немногочисленные мигранты из Молдовы, Турции и Корейской Народно-Демократической Республики. Мигранты из Азербайджана и Киргизии заняты в области поставки и реализации фруктов и овощей. В промышленном секторе Мордовии на протяжении 2000-х – первой половины 2010-х гг. были весьма заметны специалисты с Украины (хотя, в связи с резким ухудшением российско-украинских отношений после событий 2014 года их число на предприятиях республики уменьшилось). Соответственно, самыми востребованными профессиями, на которые привлекаются иностранные трудовые мигранты, являются рабочие по строительным специальностям (арматурщик, бетонщик, каменщик, маляр, облицовщик-плиточник, плотник, штукатур-маляр и др.), квалифицированные специалисты в сфере промышленного производства (монтажник по монтажу стальных и железобетонных конструкций, электросварщик, электрогазосварщик и др.), работники в сфере пищевой промышленности (повар и др.), работники сельского хозяйства (агроном, оператор машинного доения, слесарь, оператор и др.), а также грузчики и подсобные рабочие. В составе иностранных работников преобладают лица со средним общим образованием, а также с начальным и средним профессиональным образованием¹⁶.

¹⁶ О «нишах» в экономике Республики Мордовия, которые занимают иностранные трудовые мигранты из разных государств см., например: *Борисов Д. М.* Сетевые ресурсы иностранной трудовой миграции в регионе // Регионоведение. 2011. № 1. Официальный сайт журнала: regionsar.ru/ru/node/661

Кроме того, в 2000-е – 2010-е гг. в Республике Мордовия активно развивается иностранная учебная миграция. Так, в ведущем вузе республики – Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева – в настоящее время обучаются более 1200 студентов из 57 государств мира, в том числе многих стран Азии и Африки¹⁷. Они проживают, в основном, в центральном микрорайоне Саранска, для жителей которого большое количество на улицах арабской, африканской, индо-пакистанской, вьетнамской молодежи, выделяющейся из толпы прохожих не только языком, цветом кожи или разрезом глаз, но и зачастую экзотическим внешним видом, колоритной национальной одеждой, стало повседневной реальностью. Отметим, что степень интеграции иностранных студентов в принимающее сообщество достаточно высокая: большинство после соответствующей подготовки неплохо владеет русским языком, к ним заметно доброжелательное отношение со стороны горожан и, более того, они не только посещают лекции и семинары, но также участвуют в художественной самодеятельности (тех же традиционных «студенческих вёснах»), спортивной жизни вуза и т.п. Наконец, имеют место ситуации, когда учебная миграция фактически превращается в трудовую. Так, в больницах Саранска и некоторых районов республики работают интерны из Судана, Пакистана и других государств афро-азиатского мира. В Мордовском государственном педагогическом институте имени М.Е. Евсевьева с начала 2010-х гг. обучаются студенты из Туркмении. Причем, если в 2013 г. пединститут принял только 19 абитуриентов из этой республики,¹⁸ то в 2018 г. – уже более 250¹⁹. В целом, отношение горожан к быстро растущему сооб-

¹⁷ См., например: Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева. Сайт, вкладка «Международные связи» (<https://www.mrsu.ru>).

¹⁸ Отчет о самообследовании Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева». Саранск, 2014, с. 87 (документооборот указанного вуза).

¹⁹ *Сутягина Ю.* В Саранске более 700 первокурсников вступили в ряды евсевьевцев // Известия Мордовии. 1 сентября 2018. Интернет-версия периодического издания (<https://izvmor.ru> > Новости > Наука и образование).

ществу иностранных студентов, среди которых преобладают граждане государств Азии и Африки, можно охарактеризовать как спокойно благожелательное, гостеприимное, а какие-либо проявления агрессивной ксенофобии на бытовом уровне чрезвычайно редки.

По вопросу, повлияло ли привлечение мигрантов на трудоустройство самих респондентов, мнения разделились следующим образом: абсолютное большинство (71%) указали на отсутствие какого-либо влияния, 9% указали на отрицательное влияние, 4% – на положительное влияние, еще 15% затруднились с ответом. Это распределение мнений подтверждает, что на сегодняшний день приток трудовых мигрантов в Мордовии, несмотря на постепенный рост, не создает угрозы конкуренции и борьбы за рабочие места для местного населения.

Схожее соотношение ответов наблюдается и по вопросу о том, повлияла ли трудовая миграция на заработок (пенсии, иные выплаты) респондентов: 71% указали на отсутствие влияния, 11% – на отрицательное влияние, 2% – на положительное влияние, и 15% затруднились с ответом.

По поводу влияния работы мигрантов на здоровье респондентов ответы распределились по аналогии с ответами на два указанных выше вопроса: 74% не видят никакого влияния, 11% обозначили отрицательное влияние (как правило, при опросе устно указывая на то, что мигранты из Азии якобы априори являются разносчиками эпидемических болезней), 3% – положительное влияние, и 11% затруднились с ответом.

Несколько (хотя и не на много) отличается соотношение ответов на вопрос о влиянии мигрантов на безопасность респондентов. Здесь отсутствие влияния обозначило меньшее, чем в предыдущих вопросах, число респондентов (65%), а отрицательное влияние, соответственно, большее (19%). Участники опроса, указавшие на негативное влияние приезжих на безопасность, вновь говорили о предрасположенности мигрантов к совершению преступлений. Прозвучала и тема исламского экстремизма, терроризма который, по мнению отдельных респондентов, «экспортируется» трудовой миграцией из Средней Азии

(например, имели место упоминания о теракте в петербургском метро 2017 года)²⁰. На положительное влияние мигрантов на безопасность указали только 3%, а затруднились с ответом 13%.

Таким образом, рейтинг стереотипных суждений о влиянии мигрантов на местных жителей выстроился следующим образом: нейтральные оценки составили 70%, негативные оценки – 13%, положительные оценки – 3%, затруднились с оценками и ответами 14%. Состав позитивных стереотипов включил в себя мнения о положительном влиянии миграции на занятость (32%), здоровье (28%), безопасность (23%), доходы респондентов (17%). Соответственно, состав негативных стереотипов включил в себя мнения об отрицательном влиянии мигрантов на безопасность (38%), доходы и здоровье респондентов (по 22%), занятость (18%). Схожее распределение наблюдается и в распределении нейтральных стереотипов о влиянии мигрантов на здоровье (26%), занятость и доходы (по 25%), безопасность (24%).

В целом, абсолютное большинство респондентов (73%, в том числе 69% опрошенных мужчин и 77% опрошенных женщин) оценивают деятельность трудовых мигрантов лично для себя нейтрально или неопределенно. Другие мнения объединили небольшие группы респондентов (в порядке убывания): более нейтральная, нежели отрицательная оценка дана 9% (11% мужчин и 8% женщин), резко отрицательная оценка – 6% (10% мужчин и 4% женщин), умеренно отрицательная оценка – 4% (3% мужчин и 5% женщин), более нейтральная, нежели положительная оценка – тоже 4% (3% мужчин и 4% женщин). Единичные ответы обозначили крайне положительную оценку, в целом положительную оценку, умеренно положительную оценку, в целом отрицательную оценку.

²⁰ В Мордовии тема салафитского экстремизма связана не с мигрантами из Центральной Азии, а с проблемой радикализации незначительной части местного татарско-мусульманского сообщества, вплоть до участия уроженцев республики в террористических формированиях в Сирии и Пакистане. См., например: *Мартыненко А. В.* «Джихадисты» из Республики Мордовия: мифы и реальность // Образование и духовная безопасность. Научный журнал НИИ духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ имени М. Акмуллы. 2017. № 2, сс. 34-37.

Около половины респондентов (52%) указали, что в СМИ больше информации о криминале мигрантов. В то же время 35% затруднились с ответом на этот вопрос, и 10% высказали мнение, что о культуре мигрантов в СМИ пишется больше, чем о криминале. Высказавшие другое мнение (3%) в основном указывали на то, что в СМИ дается и та, и другая информация.

Необходимо отметить, что отмеченное значительной частью респондентов преобладание в СМИ информации о преступных деяниях иностранных мигрантов в значительной мере находит выражение в региональной прессе Мордовии, «пестрящей» заголовками об «гастарбайтерах-убийцах» и «гастарбайтерах-насильниках». Речь идет о своеобразном «языке вражды», который создает негативный образ всех трудовых мигрантов, дискредитирует их в глазах принимающего сообщества: «В последние десятилетия количество негативных стереотипов и клише в отношении мигрантов, тиражируемых различными СМИ, увеличивается. При этом обсуждение проблем миграции осуществляется как с использованием негативных эмоциональных суждений оценочного характера, так и при помощи манипулирования объективными фактами и статистическими данными, что в итоге приводит к формированию в обществе устойчивых предрассудков по отношению к мигрантам. Особенности коммуникации в сети интернет усугубляют эту проблему, поскольку анонимность и дистанцированность авторов и комментаторов сообщений от объекта обсуждения провоцируют такое речевое поведение, которое в случае непосредственного контакта перешло бы конфликт с вербального на физический уровень воздействия»²¹.

Впрочем, данная ситуация характерна для масс-медиа всей страны, о чем, в частности, пишет политолог С.В. Голунов: «Особое влияние на общественное мнение может оказать интерпретация отдельных криминальных инцидентов или их избирательное освещение. К сожалению, многие СМИ уделяют не-

²¹ Сычев А. А., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионология. 2018. Т. 26, № 4, с. 800.

оправданно большое внимание серьезным преступлениям, совершаемым мигрантами, так как эти новости, по сравнению с сообщениями о «рядовых» преступлениях, притягивают читателей и, соответственно, в значительной степени повышают рентабельность издания. Это создает своего рода “эффект подборки”: частота упоминаний об участии мигрантов в подобных происшествиях формирует у читателей искаженное представление об их “криминальности”²².

По вопросу о влиянии трудовой миграции на ситуацию с ценами на продукты питания, 65% респондентов считают, что эти цены никак не связаны с мигрантами, а 12%, напротив, считают, что из-за приезда мигрантов цены растут. Затруднились ответить на данный вопрос 21%.

По вопросу о том, отнимают ли приезжие рабочие места у местного населения, приблизительно одинаковое число ответов получили два мнения: во-первых, мнение о нежелании самих местных жителей работать по «непрестижным» профессиям (31%), и, во-вторых, мнение о вариативности данной ситуации (и местные не хотят работать по ряду профессий, и в то же время мигранты всё же отнимают рабочие места – 30%). Сторонники категоричного мнения о том, что мигранты отнимают у местных рабочие места, составили 17%, затруднились с ответом 21%.

Около половины респондентов (47%) считают, что по уровню преступности нет особенных различий между мигрантами и местным населением. Тем не менее, 27% придерживаются достаточно распространенного мнения о предрасположенности мигрантов к совершению преступлений. Повторимся, что это мнение «подогревается» региональной периодикой, которая публикует криминальную хронику, зачастую акцентируя внимание читателей на этнической принадлежности преступников (в духе стилистических оборотов «узбек-изувер задушил жену», «азиат

²² Голунов С. В. Этническая миграция и преступность // Pro et Contra. Январь–апрель 2014, с. 90-91.

изнасиловал студентку» и т. п.). Затруднились с ответом на этот вопрос 25%.

С другой стороны, половина опрошенных согласна с мнением, что мигранты мало уважают местные традиции. Не согласны с таким мнением 22%, затруднились с ответом 24%. При этом 76% респондентов считают, что мигранты должны знать местные традиции. В то же время 11% участников опроса или дали отрицательный ответ на данный вопрос, или затруднились с ответом. Давшие другой ответ 9 человек, в большинстве своем, тоже придерживаются мнения «должны», но со «смягчающими» оговорками, что подробных и глубоких познаний о местных традициях и культуре от мигрантов не требуется, а также важен принцип добровольности получения таких знаний, например: «Достаточно знать этикет». «Немного должны». «По их личному желанию».

По вопросу, кто должен информировать иностранных мигрантов о традициях и культуре России, 62% видят в этом задачу для общественных организаций, 38% отдают приоритет властям, 5% указали, что ничего не надо делать в этой области, 9% затруднились с ответом. Давшие другие варианты ответов 12 человек указывали на СМИ, интернет, или непосредственно на местное население, или высказывали точку зрения, по которой мигранты должны узнавать всё самостоятельно.

Половина респондентов (53%) полагают, что эффективным средством информирования мигрантов о культуре России является привлечение их к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях. Значительная часть респондентов (29%) затруднилась с ответом по данному вопросу, 9% считают вполне достаточным раздачу соответствующих информационных листовок и буклетов, а 7% высказали мнение, что ничего делать в этой области не нужно.

Необходимо отметить, что в Саранске большую работу по интеграции мигрантов через культурно-просветительские мероприятия проводят этнокультурные организации, такие как региональные отделения Союза армян России и Всероссийского азербайджанского конгресса, центр «Узбекская диаспора Рес-

публики Мордовия»²³. Кроме того, действующие в республике три муфтията взяли под своеобразную опеку временно проживающих в Мордовии иностранцев-мусульман: как трудовых мигрантов из Средней Азии, так и исповедующих ислам студентов из стран Азии и Африки²⁴.

Мнение о миграционных центрах как важном источнике информирования мигрантов о культуре России поддерживают 62% респондентов, не поддерживают – 16% (из них 2% выразили свое несогласие в варианте «другой ответ»), затруднились с ответом по данному вопросу 22%.

В целом же, более половины участников опроса (63%) в той или иной степени согласны с тем, что мигрантов необходимо информировать о местных культурных нормах, отрицают такую необходимость 7%. Необходимость интеграции мигрантов в местном социуме признают 53% респондентов, отрицают такую необходимость 16%, и 29%, как указывалось выше, затрудняются с ответом.

О достаточно высоком уровне толерантности свидетельствует выраженное почти половиной респондентов (45%) мнение о том, что местное население тоже должно знать о культуре и традициях мигрантов. К ним примыкают еще 11 человек, которые разделяют данное мнение с оговоркой о добровольности и соблюдении принципа «кому это интересно». С другой стороны, другая половина участников опроса либо не согласна с этим мнением (24%), либо затрудняется с ответом (27%). Здесь своеобразным рефреном можно считать комментарии, данный в варианте «другой ответ»: «Если их (*трудовых мигрантов в Мордовии* – А. М.) мало, то зачем?». «Это же они к нам приехали, а не мы к ним».

²³ Об этом, например: Петр Тултаев: «В дружбе народов – единство России». В Саранске состоялись фестивали национальных культур // Официальный сайт Администрации городского округа Саранск: https://www.adm-saransk.ru/news/breaking_news.php?ELEMENT_ID=15137; В Мордовии отметили Навруз // Известия Мордовии. 22 марта 2017, с. 5.

²⁴ Например: Ифтар для иностранных студентов прошел в Саранске (материал от 7 июля 2016 г.) // Мусульмане Мордовии. Информационно-аналитический портал мусульман Мордовии: islam-rm.com/fullnew.php?id=469

В связи с этим, 41% респондентов указали, что за последние несколько лет они не стали больше знать о традициях, языке, культуре мигрантов, 35% указали, что они приобрели новые знания в этой сфере, 23% затруднились с ответом.

Мнения о возможности совместного обучения детей или внуков респондентов с детьми мигрантов разделились следующим образом: 42% высказали нейтральное отношение, 38% – отрицательное, 13% – положительное, 5% затруднились с ответом. Еще 6 респондентов дали свои варианты ответов, среди которых наиболее типичным представляется следующий: «В зависимости от их (*детей мигрантов* – А. М.) количества. Хотелось бы, чтобы русские, мордва, татары (то есть местные) преобладали. А так – пожалуйста!». Здесь необходимо учитывать, что детей мигрантов из Средней Азии в школах Мордовии очень мало, и в реальной практике предлагаемая респондентам ситуация является редкой. С другой стороны, следствием гражданской войны на Украине стали дети беженцев с Донбасса, прибывшие в республику в период наиболее активной фазы конфликта. К концу 2014 г. на территории Мордовии находились 1872 беженца с Юго-Востока Украины, в т. ч. 1124 чел. трудоспособного возраста; 25 студентов; 243 пенсионера, в том числе 28 инвалидов; 505 детей, в том числе 252 дошкольного возраста. Большинство из них (1433 чел., в том числе 244 ребенка) прибыло в республику летом указанного года, то есть в период наиболее ожесточенных боев.²⁵ Как правило, в Мордовии прибывшие с Украины получали статус временного убежища, который давал право проживания и работы на территории России в течение одного года. Получив его, родители могли устроить детей в школу или детский сад, студенты могли поступать в вузы (в частности, в Мордовский университет и Мордовский педагогический институт)²⁶. Большинство беженцев в дальнейшем оста-

²⁵ Альканова Е. И., Мартыненко А. В. Социально-правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев (в контексте гражданской войны на Донбассе) // Научное обозрение. Международный научно-практический журнал. 2017. № 1 (srjournal.ru>2017/id26/).

²⁶ Злобина И. Переселенцам с Украины помогает вся Мордовия // Известия Мордовии. 27 августа 2014, с. 16.

лись в республике, а в школах Мордовии дети с Юго-Востока Украины получили всемерную поддержку, как со стороны педагогов, так и их сверстников. Фактическое отсутствие языкового барьера, общие этнокультурные корни способствовали их успешному вхождению в региональный социум. В целом, тема беженцев стала проявлением нового для Мордовии явления вынужденной миграции, связанной с военно-политическим конфликтом: «Миграционные процессы в России в последние годы переросли в сложнейшую государственную проблему. Сегодня миграция выступает как отражение социальных, экономических и политических противоречий не только в стране, но и за ее пределами, и все в большей степени приобретает вынужденный характер»²⁷. Возвращаясь к опросу, представляется очевидным, что ситуацию с совместным обучением респонденты проецировали только на детей трудовых мигрантов из Средней Азии, а упомянутый «украинский сюжет» респондентами не рассматривался.

Антимигрантские пикеты не поддержат своим участием 47% респондентов. Готовность поучаствовать в подобных уличных акциях выразили 13%, затруднились с ответом 36%. Сформулировавшие другой ответ респонденты в основном говорили о вариативности данной ситуации, например: «В зависимости от причин, по которым состоялись акции и пикеты против трудовых мигрантов». «Если что-то серьезное случится». «Важна причина». Некоторые участники опроса указывали на то, что их участию в подобных действиях мешают проблемы со здоровьем («инвалид, почти не выхожу из дому», «старая я для этого»). Как упоминалось выше, в последние годы каких-либо уличных акций антимигрантской направленности в Саранске и Мордовии отмечено не было. Кроме того, до настоящего времени в Мордовии и ее столице фактически отсутствуют действующие в других регионах и городах страны ультраправые организации и

²⁷ Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование : коллективная монография / Под ред. Е. Л. Рябовой, Т. М. Бормотовой. М., 2015, с. 4.

движение скинхедов (за редким исключением маргиналов-одинок²⁸).

В целом, общий положительный настрой на интеграцию с мигрантами выразили 40% опрошенных, отрицательный настрой – 32%, не выразили какого-либо определенного мнения по данному вопросу 23%.

Опрос включал в себя блок вопросов, связанных с Всероссийской переписью населения 2020 года.

По вопросу о выборе варианта переписи, 38% указали, что им удобнее отвечать по телефону, 25% – через интернет, 21% – у себя дома, непосредственно беседовать с переписчиком. Для 12% предпочтительнее самим посетить переписной участок, и 4% затруднились с выбором.

Подавляющее большинство (78%) считают, что во время переписи нужно спрашивать людей о знании языков, 19% не считают это необходимым.

С определением понятия «родной язык» затруднились 26%. Большинство же участников опроса (74%) представили свои варианты, которые можно разделить на следующие группы (в порядке убывания численности ответов): «язык, на котором говорю/постоянный/привычный» (24%), «язык детства» и «язык семьи, родственников, родителей» (по 22%), «русский язык» (6%), «язык, на котором думаю» и «язык народа, национальности» (по 5%), «язык страны или региона» и «мордовский язык» (по 2%). Единичные другие ответы объединены формулировкой «язык, на котором вижу сны».

Абсолютное большинство (85%) отождествляют национальную идентичность с принадлежностью к тому или иному народу. В то же время 10% считают, что национальность – это гражданство, 4% затруднились ответить.

По вопросу о том, необходимо ли во время предстоящей переписи спрашивать людей, откуда они приехали, 84% респондентов ответили утвердительно, 10% – отрицательно, 4% за-

²⁸ См., например: *Смирнова Е.* Руслан и ИГИЛ. Перед судом предстал житель Саранска, пропагандирующий в Интернете идеи гитлеровского режима и террористов // Столица С. 10 июля 2018, сс. 4-5.

труднились с ответом. Единичные «другие» ответы указывали на принцип добровольности, например: «Можно, но ненавязчиво, если человек не хочет отвечать, то не нужно на него давить».

У подавляющего большинства участников опроса (77%) не возникало проблем, связанных с тем, что работающий иностранец мало знает русский язык. В то же время 16% указали, что сталкивались с данной проблемой. Затруднились ответить на данный вопрос 7%.

Главным условием восприятия иностранца как соотечественника, россиянина, для 62% респондентов является хорошее знание им русского языка, для 43% – длительное проживание в России, для 36% – получение иностранцем гражданства РФ. С ответом затруднились 4%, и единичные ответы принципиально исключили возможность такого признания.

Итоговые комментарии по опросу были немногочисленны и либо представляли собой выражение благодарности за опрос, либо некое свое видение проблемы, например, ксенофобское: «Гнать черноту из страны». «Они нам не нужны». «Чемодан, вокзал, Чуркистан». Или, напротив, достаточно толерантное: «У нас в Мордовии ситуация с трудовыми мигрантами относительно благополучная. Но надо держать ситуацию на контроле – и в плане численности, и в плане проявлений мигрантофобии». «Я не одобряю национализм, шовинизм и ущемление прав человека».

Таким образом, данные проведенного опроса позволяют судить о достаточно высоком уровне толерантности жителей столицы Мордовии к трудовым мигрантам, их готовности к интеграции мигрантов в региональный социум, при одновременном наличии латентной или даже открытой мигрантофобии у части (меньшинства) респондентов.

В качестве рекомендаций хотелось бы отметить необходимость более четкой и продуманной институционализации ответственности за применение «языка вражды» в отношении мигрантов со стороны журналистов, государственных и муниципальных служащих. Ситуация, имеющая место в некоторых республиканских СМИ, когда, например, материалы, освещаю-

щие проблемы мусульманского сообщества Мордовии, подаются в газетной рубрике «Линия фронта», представляется совершенно недопустимой и чреватой провоцированием межрелигиозных и межнациональных «фобий». Здесь уместно сочетание самоцензуры с действенными санкциями за публичное использование формулировок, провоцирующих ксенофобию в отношении мигрантов, а также сопутствующую ей исламофобию, в том числе в отношении «местных» и «коренных» мусульман.

Наше исследование выявило среди респондентов «значительное меньшинство», которое достаточно остро и негативно воспринимает проблему трудовой миграции, что проявилось в ответах этих людей на вопросы о конкуренции за рабочие места, о криминале в мигрантской среде, об отношении к совместному обучению их детей/внуков с детьми мигрантов. В связи с этим, очевидно, что министерствам и ведомствам, регулирующим и контролирующим трудовую миграцию в регионе, следует работать на «опережающее» восприятие проявлений ксенофобии, которые при отсутствии профилактики и превентивных мер могут перерасти в открытый конфликт. В этом смысле упомянутые события в Чамзинке, безусловно, следует рассматривать как тревожный сигнал для республики, традиционно характеризующейся спокойной обстановкой в сфере межэтнических отношений.

Следует указать на необходимость дальнейшей активизации и дальнейшего совершенствования мер, направленных на помощь в адаптации и на стимулирование процесса интеграции трудовых мигрантов различных этнических групп в региональный социум. Информирование мигрантов о культурных особенностях «принимающей стороны», вовлечение их в общероссийские и местные мероприятия и праздники (День города, День России, разного рода этнокультурные фестивали с участием НКА, этнокультурных организаций, землячеств и т.д.), должны проводиться чаще, носить более последовательный и менее формальный характер, чем порой это имеет место быть. Кроме того, как указывалось выше, не стоит недооценивать потенциал традиционных конфессий, которые «опекают» мигрантов – на-

пример, исламская умма Мордовии оказывает поддержку тем же узбекским рабочим или учебным мигрантам-студентам из мусульманских стран афро-азиатского мира, а Мордовская митрополия РПЦ – беженцам с Юго-Востока Украины. В этом плане вполне уместным представляется взаимодействие конфессий, этнокультурных организаций и госструктур, например, в форме совместных мероприятий, направленных на интеграцию мигрантов, создание для них психологически комфортных условий пребывания в республике, на развитие экономической инфраструктуры которой они оказывают заметное влияние.

Весомый вклад в формирование культуры межэтнической и межконфессиональной толерантности, в первую очередь среди молодежи, призвана вносить и система среднего и высшего образования республики. Речь идет не только о многочисленных патриотических и культурно-массовых мероприятиях, которыми насыщена жизнь школ и вузов, но и о содержательной стороне образовательного процесса. В этом плане определенный интерес представляет опыт Мордовского государственного педагогического института, в котором разработаны и апробированы дисциплины («Профилактика экстремизма и ксенофобии», «Социокультурные основы мусульманской цивилизации» и др.), направленные как на неприятие любых проявлений социального зла экстремизма, так и на формирование уважительного отношения к традициям народов России и постсоветского пространства, исповедующих ислам. Получение качественных знаний об особенностях ислама как культуры и образа жизни позволяет преодолевать стереотипы о якобы присущей этой религии «агрессивности» и «фанатизме».

Регион проекта 2.

Массовый опрос населения в Москве. Подвыборка №1

В феврале 2019 г. путем анкетирования Сетью этномониторинга проводился опрос жителей г. Москвы. Подвыборка №1 составила 300 респондентов. Опрошены жители районов г. Москвы с разным уровнем инфраструктуры и социальной «статус-

ности» - от «престижного» центра города до «спальных» районов. Маршрутный лист формировался таким образом, чтобы в опросе приняли участие жители центральной части столицы, периферийных районов с местами скопления мигрантов (восток и юго-восток столицы), густонаселенных районов севера, запада и юго-запада, а также отдаленных районов (за пределами МКАД). Маршруты опроса располагались в 9 административных округах Москвы: ЦАО (р-ны Басманный, Замоскворечье, Красносельский, Мещанский, Пресненский, Таганский, Тверской), САО (р-ны Аэропорт, Бескудниковский, Войковский, Левобережный, Сокол), СВАО (р-ны Останкинский, Свиблово), СЗАО (р-н Строгино), ЮАО (р-ны Бирюлево Западное, Донской, Ябликово, Нагорный, Царицыно), ЮВАО (р-ны Выхино-Жулебино, Марьино), ЮЗАО (р-ны Академический, Гагаринский, Котловка, Ломоносовский, Ясенево), ВАО (р-ны Новокошино, Перово, Преображенское), ЗАО (р-ны Внуково, Кунцево, Ново-Переделкино, Очаково-Матвеевское, Проспект Вернадского, Солнцево, Фили-Давыдково).

В качестве анкетеров привлекались сотрудники Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), часть из которых имеет степень кандидата исторических наук. Анкетеры неоднократно принимали участие в проведении социологических опросов по различным темам общественно-политической и социально-экономической жизни населения РФ, а также ведут исследовательскую деятельность.

Перед началом опроса региональным координатором был проведен инструктаж для анкетеров, были разъяснены возможные трудности в процессе опроса и пути их преодоления. Каждому анкетеру были предоставлены анкеты, печатные инструкции по их заполнению, маршрутные листы. Анкетеры в парах провели пробный опрос друг друга, чтобы сразу же получить от координатора разъяснения по возникающим вопросам, а также чтобы иметь представление о количестве времени, требуемом на опрос одного респондента. Каждый анкетер получил свой индивидуальный номер.

Часть анкет была получена путем очного опроса, когда анкеты зачитывали респондентам вопросы и вносили в анкеты полученные ответы и комментарии либо раздавали анкеты на самозаполнение в их присутствии. Часть респондентов опрошена по электронной почте. Каждую неделю анкеты сдавали региональному координатору заполненные анкеты. Координатор проверял правильность проведения опроса, заполнения анкет, корректировал выборку и маршрутные листы и вводил уже собранные данные в базу данных. Значимых организационных проблем и препятствий в ходе опроса не возникало.

Ведение учетного листа во время исследования, где помимо учета заполненных анкет фиксировались отказы принимать участие в исследовании по тем или иным причинам, позволило оценить готовность населения участвовать в подобного рода опросах и степень заинтересованности в миграционной теме. В целом, как показывают данные учетного листа, для жителей Москвы тема миграции актуальна, и они готовы принимать участие в исследованиях – около двух третей опрошенных жителей Москвы ответили на все вопросы анкеты. Однако, как обычно в таких исследованиях, было значительное количество отказов принять участие в нашем опросе по тем или иным причинам (треть от общего числа москвичей, к которым обращались анкеты). Люди отказывались отвечать после того, как им были названы тема исследования – таких было больше половины среди отказавшихся. Некоторые заявили, что не верят в целесообразность опросов. Вторая половина - это те, кто отказывался сразу, мотивируя, что не участвуют в опросах в принципе, заняты в данный момент рабочей деятельностью, не располагают временем и иные причины. Только в немногих случаях беседа прерывалась на определенном пункте анкеты (около трех процентов от всех отказавшихся): - вопрос об услугах трудовых мигрантов, которыми пользуются москвичи (кому-то вопрос показался слишком длинным); - просьба назвать родной/родные языки; - просьба указать причину, по которой человек не общается на родном языке; - вопрос о том, приходилось ли за последний год испытывать к себе негативное отношение из-за языка, религии,

национальности. Возможно, в последних трех случаях отказ респондентов отвечать на вопросы связан с нежеланием «выдавать» свою этническую принадлежность, что может свидетельствовать об ощущении дискомфорта у некоторых иноэтничных и инокультурных жителей Москвы.

Респондентам предлагалось по желанию высказаться об обсуждаемой теме по итогам опроса. Лишь десятая часть сделала это. Москвичи говорили, что тема опроса интересная и актуальная, выражали благодарность за проведение исследований по этой теме, пожелания публикации результатов опроса интернете, некоторые говорили, что из формулировок вопросов анкеты почерпнули знания по миграционной тематике: «Информативно, непривычно, интересно», «Благодарность за опрос: интересно и полезно», «Тема интересная. Молодцы, что ее поднимаете!», «Ценный опрос. Удачи!». Были и негативные комментарии по поводу мигрантов. Респонденты предлагали «выслать всех мигрантов», поскольку, мол, те «не уважают наше государство и граждан РФ», «отнимают у местных жителей работу, при этом сами работают плохо». Некоторые москвичи возмущались тем, что нет контроля мигрантов, просили навести порядок в этом вопросе. Были высказывания о неблагоприятной социально-экономической ситуации в стране, люди говорили о том, что хотят спокойствия и порядка. Отметим в этой связи, что недовольство условиями жизни часть москвичей увязывает с мигрантами. Лишь несколько человек в конце опроса положительно отозвались о приезжих. По их мнению, «благодаря мигрантам в городе стало чище», а «различные традиции раскрашивают красоту жизни».

Социально-демографический портрет респондентов. Согласно квоте в опросе приняли участие 45% мужчин и 55% женщин, что соответствует структуре населения Москвы. Подавляющее большинство респондентов, принявших участие в опросе, старожилы: более 91% проживает в столице свыше десяти лет (при этом две трети из них – коренные жители). Проживающих в столице менее двух лет – совсем немного (один процент). Среди проживающих в Москве не с рождения, вдвое

больше тех, кто приехал сюда из других регионов России. В первую очередь, это люди, приехавшие из Центральной России, много респондентов из Поволжья, в меньшем количестве – из Сибири, Урала, Дальнего Востока. Довольно много людей, приехавших с Юга России, в том числе из республик Северного Кавказа.

Десятая часть респондентов приехала в столицу из других государств, в том числе из республик бывшего СССР: много людей из Украины, несколько человек с Донбасса, есть респонденты из Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Абхазии, Киргизии, Узбекистана.

Большинство респондентов (80%), по их самооценке, не планируют уезжать из Москвы. Лишь чуть более двух процентов имеют намерение уехать в другие российские регионы на длительный срок или постоянное жительство. Среди регионов назывались Калужская, Московская, Липецкая, Смоленская области, Санкт-Петербург, Крым, Адыгея. Желаящих уехать надолго или навсегда в другие страны в три раза больше. В основном москвичи называют европейские страны (Швеция, Финляндия, Великобритания, Франция, Германия, Чехия, Израиль, Испания). Некоторые строят планы отъезда в США. Один из респондентов дал удивительное пояснение, почему он собирается уехать из России: «Намерен уехать за границу, т.к. здесь много мигрантов!». Среди небольшой доли опрошенных (десятая часть) есть те, кто затруднился с ответом, и те, кто допускает такую возможность, но еще не решил, куда именно мог бы уехать.

Более половины принявших участие в опросе москвичей заявили, что основным занятием у них является работа, еще менее одной пятой – это работающие пенсионеры и те, кто совмещает работу и учебу. Студентов – 5%, пенсионеров – 17%, занимающихся домашним хозяйством – 3%, безработных – 2%.

Образовательный срез выглядит следующим образом: людей с высшим образованием - почти половина (учтем, что сообщаемые респондентами сведения о высшем образовании обычно несколько завышены), с неоконченным высшим – десятая часть, хорошо представлены люди со средним специальным образова-

нием – одна четверть, респондентов со средним образование – чуть более десятой части, есть несколько респондентов с начальным либо с неполным средним образованием.

Согласно результатам текущего опроса, среди работающих москвичей у пятой части никогда не возникает опасений потерять работу, но у стольких же респондентов часто возникают мысли о потере работы. Чуть менее трети опрошенных редко задумываются о таком риске. По сравнению с периодом двумя годами ранее, уменьшилась доля людей, никогда не задумывающихся о потере работы (на пять процентных пунктов), а вот доля тех, кто часто об этом задумывается, увеличилась (на восемь процентных пунктов). Кроме того, прочие ответы, относящиеся на одну десятую часть респондентов, по сути, также выражают опасения потерять работу и ощущение нестабильности. Отдельные респонденты отмечали, что угроза потерять работу связана с их преклонным возрастом.

Такую же тенденцию к увеличению числа негативных ответов мы наблюдаем и в отношении оценки москвичами своего материального положения за последний год. Только 12% опрошенных оценивают свое материальное положение как хорошее (два года назад этот показатель был выше на 3%). Существенно уменьшилось количество людей с нормальным материальным положением (46% от опрошенных, это почти на 10% меньше, чем в позапрошлом году). Немного увеличилась доля респондентов с затруднительным материальным положением (8% против 7%), а вот жителей, оценивающих его как тяжелое, стало почти в два раза больше (4% против 2%). Небольшая часть москвичей, попавшая в выборку (около 2%) находится в очень тяжелом положении, также респондентами отмечается ухудшение ситуации с доходами, для некоторых москвичей этот вопрос в анкете оказался болезненным. В дополнение к численным результатам хочется добавить антропологическое наблюдение. Анкетеры отмечают, что некоторым людям, находящимся в не очень благополучной социальной ситуации (например, бедно одетые пенсионеры), свойственно оптимистично оценивать свое материальное положение. То есть можно предположить, что ре-

альное положение дел у части москвичей в этом вопросе далеко не радужное.

Этно-языковая характеристика. В ходе опроса респондентам предлагалось по желанию указать национальность, к которой человек себя относит. Подавляющее большинство москвичей (95%) указало свою национальность. 88% имеют одну национальность, 84% - это русские. В ряде случаев русские респонденты эмоционально реагировали на вопрос о национальности, как будто подчеркивая его неуместность и недоумевая, почему в столице вообще задают такой вопрос, ведь ответ очевиден: «Я русский!», «Русский!», «Русский, не таджик же!».

На втором месте по национальной представленности в выборке стоят украинцы (4%). А вот третье место неожиданно заняла «новая национальность», к которой относят себя москвичи и которая в последнее время встречается все чаще, - это россияне. Также в выборке заметны татары (3%) и евреи (2%). Наибольшим количеством этническую палитру дополняют белорусы, армяне, азербайджанцы, киргизы.

Чуть более десятой части опрошенных имеют двойную национальную идентичность. Самой часто встречающейся является двойная национальность «русский-украинец», на втором месте – «русский-татарин», «русский-белорус». Также заметны в выборке москвичи, определяющие себя как «русский-россиянин». При этом довольно много москвичей (четвертая часть) полагают, что национальность – это гражданство, еще 2% москвичей определяют национальность одновременно как гражданство и как принадлежность к народу. Но все же большинство (более двух третей) считают, что национальность – это принадлежность к народу. Один из респондентов обозначил ее как принадлежность к культуре. Совсем небольшая часть москвичей затруднилась дать определение национальности.

В повседневной жизни большинство москвичей (82%) предпочитают, чтобы их воспринимали как гражданина страны. Региональная идентичность у москвичей выражена в большей степени, чем идентичность этническая (18% против 12%). Два года назад этот разрыв был меньше (15% против 13%). Возможно,

здесь сказывается влияние национальной политики московских властей, направленной в том числе на усиление в жителях столицы региональной идентичности. Для большинства респондентов, давших другой ответ на этот вопрос, характерна деактуализация общегражданской и этнической идентичности, они предпочитают, чтобы их воспринимали в общечеловеческом контексте. Один из респондентов определил себя как носителя русской культуры.

Подавляющее большинство опрошенных (90%) имеют один родной язык, и этот язык – русский, за исключением 5% респондентов, для которых единственным родным языком является один из национальных языков (азербайджанский, белорусский, киргизский, адыгский). Одна десятая часть москвичей указали, что имеют два родных языка. Почти все из них первым родным языком называют русский, а затем другой – украинский, татарский, армянский. Те москвичи, для которых русский является вторым родным языком, в качестве первого нередко называют языки грузинский, молдавский.

Только пятая часть опрошенных использует при общении с друзьями и знакомыми другие языки кроме русского. Если отсюда вычесть почти половину русских респондентов, указавших пользование при общении иностранным языком (английским, французским, китайским), то получается, что в Москве не так много иноэтничных жителей, использующих при общении свой национальный язык.

Довольно много москвичей затруднилось с ответом на вопрос, что для них означает родной язык (15%), и почти столько же (17%) ответили, что это русский язык (некоторые указывали татарский). Такие ответы означают, что треть респондентов не смогла дать определение родного языка. Среди тех, кто обозначил свою дефиницию, с небольшим отрывом лидирует следующий вариант: это язык, на котором говоришь постоянно, привычный язык. На втором месте по распространенности – язык детства, на котором говоришь с рождения. На третьем – язык семьи/родственников. На четвертом – язык, на котором думаешь. В два-три раза реже москвичи давали другие определения род-

ного языка (в порядке убывания частоты встречаемости): язык страны/региона, государственный язык, язык народа/национальности, язык чтения. Были и другие, единичные, дефиниции родного языка: основа понятийного аппарата; самый понятный; на котором проще изъясняться; который изучаешь в школе; на котором видишь сны, мечтаешь. Встречались еще поэтические и патриотичные определения: «это как мать», «это гордость и сила», «на котором звучит твой гимн».

У более чем двух третей опрошенных москвичей нет проблем при общении на родном языке. Они свободно это делают. Более десятой части не общается на родном языке, поскольку окружающие не знают их языка. Отметим, что среди этих людей более половины русских, указавших своим родным языком русский. Вероятно, эти респонденты имеют в виду пребывание за границей либо взаимодействие с иностранцами на территории своего города. Некоторые отмечают, что в силу служебных обязанностей они должны использовать иностранный язык.

Не знают или мало знают родной язык, а потому не используют его при общении, небольшое количество респондентов (3%). Еще меньше людей (около 1%) испытывают стеснение при общении на родном языке в инородной языковой среде. Также иноэтничные москвичи не используют родной язык, потому что для этого нет языковой среды. Удивительно, но нередки случаи, когда нерусские респонденты не пользуются родным языком, поскольку делать это им не позволяют их этические нормы: они полагают, что раз они находятся в России (Москве), то должны говорить только на русском языке.

Большинство опрошенных москвичей (84%) не испытывали за последний год негативного к себе отношения из-за языка, национальности или религии. Однако небольшая часть респондентов сталкивалась с негативным отношением в первую очередь из-за своей национальности (5%) (эта позиция стоит на первом месте не первый год), а также из-за религии и языка, на котором говорят (по 3%). Два года назад наблюдалась несколько иная картина: доля русских в выборке была ниже, но при этом людей, не сталкивающихся с дискриминацией по национальному, рели-

гиозному и языковому признаку было больше. Это может говорить о том, что иноэтничные жители столицы два года назад в меньшей степени испытывали негативное к себе отношение. В текущем году наблюдается тенденция к тому, что все больше русских москвичей сталкиваются с негативным к себе отношением, и, судя по комментариям респондентов, отношение это ощущается местным населением со стороны мигрантов. Кроме того, в последнее время увеличивается число людей, сталкивающихся с негативным к себе отношением из-за религии.

Москвичи и перепись населения. По результатам опроса, предпочтительными вариантами участия в предстоящей переписи населения в 2020 г. для опрошенных москвичей являются письменное участие через интернет (35%) и ответы переписчику по телефону (30%). В два раза реже респонденты выбирали варианты: отвечать переписчику дома (16%) и посещение переписного участка в своем районе (12%). Только небольшая часть опрошенных еще для себя не решила, будет ли участвовать в переписи и каким образом (6%). Несколько опрошенных сказали, что не желают принимать участие в переписи, некоторые опасаются мошенников и никому не хотят показывать документы.

Почти две трети москвичей выступают за то, чтобы во время переписи спрашивать людей, какие языки они знают. Небольшое количество респондентов (2%) полагает, что на этот вопрос люди не должны отвечать в обязательном порядке, а только по желанию. Треть опрошенных не считает, что нужно собирать данные о языках во время переписи. В этой связи одним респондентов даже было высказано категоричное мнение, что в России люди должны говорить только на русском, поэтому вопрос о знании других языков не уместен. А вот за то, чтобы спрашивать людей, откуда они приехали, выступает гораздо больше москвичей (78%). Только несколько человек подчеркнули, что отвечать на этот вопрос нужно по желанию. В то же время более десятой части (14%) считают, что такая информация не нужна. Есть и затруднившиеся с ответом на этот вопрос (6%).

Местное население и мигранты. Для успешного взаимодействия и взаимопонимания очень важен язык общения. В ходе опроса мы спрашивали москвичей о том, возникали ли в их жизни проблемы из-за того, иностранцы, работающие в России, мало знают русский язык. Более трети опрошенных ответили на этот вопрос утвердительно. Сюда же следует прибавить еще 3% тех, кто заявил о том, что проблемы были, но не являлись серьезными, и их удавалось решить. Кроме того, необходимо отметить, что в ряде случаев респонденты под серьезной проблемой подразумевали чувство дискомфорта от того, что кто-то рядом с ними разговаривает на непонятном для них языке. Более половины опрошенных москвичей (56%) не имеют проблем из-за плохого знания мигрантами русского языка. Один из респондентов отметил, что не во всех видах деятельности, где заняты иностранные трудовые мигранты, необходимо хорошо знать русский язык.

Несмотря на то, что недостаточное знание русского языка мигрантами не доставляет серьезных проблем многим москвичам, для того, чтобы местные жители столицы восприняли иностранца россиянином, он в первую очередь знает русский язык. Это отметили в ходе опроса более половины респондентов (57%). Также для москвичей очень важно, чтобы иностранец много лет прожил в России (47%). Получение гражданства РФ иностранцем не так важно для местного населения, как первые два пункта (38%).

Согласно другим вариантам ответа, которые дали 15% респондентов, для этой части москвичей определяющим фактором в восприятии иностранца россиянином является соблюдение ряда требований: уважение законов, истории и культуры России, а также соблюдение российских законов и местных традиций; любовь к России; уважение, созвучие и принятие местного менталитета. Некоторые респонденты особо подчеркивали, что иностранцы, претендующие на то, чтобы быть россиянином, должны жить по нашим правилам, «должны принять русскую культуру, а не нести свою (выделено респондентом)», «Пройти службу в армии РФ, не жить по законам своего народа», «Дол-

жен быть приобщен к нашей культуре». Один из комментариев – «должен вести себя как гражданин светского государства, а не как религиозный фанатик» - может свидетельствовать о том, что часть москвичей воспринимает мигрантов как мусульман, чья религия и культура чужда российскому человеку. Незначительное количество опрошенных заявили о том, что никогда не воспримут иностранца как россиянина, поскольку чтобы быть россиянином, нужно родиться в России.

Подавляющее большинство москвичей (90%) пользуются теми или иными услугами мигрантов. (Следует сказать, что нередко случаи, когда респонденты в ходе опроса подчеркивали, что услугами мигрантов они пользуются не по своей воле, а вынуждены это делать, т.к. мигранты занимают многие ниши в сфере услуг.) Лишь немногие (6%), по их мнению, не прибегают к услугам мигрантов. Незначительное число респондентов (3%), затруднились сказать, пользуются ли они такими услугами.

В наибольшей степени москвичи прибегают к услугам мигрантов в следующих сферах: уборка и благоустройство территории (72%); услуги в магазинах и на рынках (66%); жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, электропроводке и пр. (45%); общественный транспорт (45%); кафе, рестораны, гостиницы (43%).

В меньшей степени москвичи используют услуги мигрантов для ремонта жилья или автомобиля (30%); работы на даче, приусадебном участке (28%); для охраны жилья, парковок и других объектов (25%); получения медицинских услуг (16%). Опрошенные также назвали еще два вида деятельности, где работают мигранты, к чьим услугам прибегает местное население. Это – такси и ремонт обуви.

Для работы по дому и для ухода за детьми, больными и престарелыми привлекают мигрантов немногие респонденты (9% и 6%). Кроме того, один из респондентов дал такой комментарий: «Работа мигрантов по дому и уход за детьми, больными, престарелыми - ни в коем случае!».

Результаты исследования показывают, что москвичи пользуются услугами мигрантов в наибольшей степени в общедоступ-

ных местах. Мера эта для них вынужденная. Когда речь заходит об услугах на персональном уровне, то есть когда у местного жителя есть выбор, частота прибегания к услугам мигрантов падает в 5-6 раз.

Трудовая занятость мигрантов в тех или иных нишах рынка труда, по мнению большинства опрошенных (70%), не оказывает никакого влияния на трудоустройство местных жителей. Очень немногие (4%) считают, что работа мигрантов положительно повлияла на их трудоустройство. Около пятой части респондентов заявили об отрицательном влиянии мигрантов на возможность найти работу для себя (т.к. эти места уже занимают мигранты, которым можно меньше платить). Респондентами отмечается, что определенную нишу, где могли бы работать пенсионеры, уже занимают мигранты. Были случаи, когда местный житель был вынужден работать на тех же (невыгодных) условиях, что и мигранты.

Что касается влияния мигрантов на заработки местных жителей, то здесь об отсутствии влияния заявляет меньшее количество москвичей, и увеличивается доля тех, кто говорит об отрицательном влиянии. При этом почти в два раза увеличивается доля затруднившихся оценить влияние мигрантов на доходы местного населения.

Большинство опрошенных (73%) не считают, что работа мигрантов каким-либо образом сказывается на их здоровье. Десятая часть не может оценить это влияние. О положительном влиянии говорят очень немногие (3%). Десятая часть заявляет об отрицательном влиянии работы мигрантов на их здоровье. Претензии высказываются по поводу качества медицинских услуг мигрантов, отмечается моральный ущерб от плохо сделанной мигрантами работы в той или иной сфере, также психологический ущерб наносится в связи с неуважительным и бескультурным поведением некоторых мигрантов (отмечаются мигранты с Кавказа). Про среднеазиатских мигрантов говорят, что они являются разносчиками болезней.

В отличие от предыдущих позиций влияния трудовых мигрантов на те или иные стороны жизни местного населения,

влияние мигрантов на личную безопасность оказывается, по результатам опроса, самым негативным. В этом случае об отрицательном влиянии работы, которую выполняют мигранты, заявляет треть опрошенных москвичей. Снижается до 51% доля тех, кто не испытывает никакого влияния на свою безопасность. Довольно много (15%) тех, кто не может точно оценить это влияние. Основная сфера трудовой деятельности мигрантов, где часть местного населения чувствует угрозу, это транспорт (как общественный, так и такси). Опасения вызывает работа мигрантов, связанная с опасными условиями труда. Да и обычная работа мигрантов также не внушает доверия и может представлять риск для местных жителей в силу ее непрофессионализма и некачественности. Одним из респондентов было отмечено, что из-за недостаточного знания русского языка дворники не всегда могут предупредить об опасности, например, о падении сосулек.

Если анализировать ответы по блоку вопросов о влиянии работы мигрантов на трудоустройство, заработок, здоровье и безопасность местных жителей в целом, можно выявить рейтинги стереотипных суждений респондентов. Лидирующее место в рейтинге влияния трудовых мигрантов на местных жителей занимают нейтральные оценки (65%), на втором месте с большим отрывом стоят отрицательные оценки (19%). И третье место занимают затруднения в оценке того или иного влияния (12%). Последнее может свидетельствовать о том, что достаточное количество москвичей не задумываются о том, что мигранты могут каким-либо образом влиять на их жизнь. Это, вкупе с лидирующей позицией нейтральных оценок, говорит об отсутствии «претензий» к мигрантам со стороны значительного количества москвичей.

Положительные стереотипы о влиянии трудовых мигрантов на местных жителей характерны в большей степени в отношении занятости и здоровья москвичей. Что касается отрицательных стереотипов, то здесь пальму первенства держит безопасность. Нейтральные стереотипы почти в равной степени в отношении здоровья, занятости и доходов местного населения.

Если рассмотреть гендерную специфику оценки деятельности трудовых мигрантов лично для себя, то для мужчин характерны нейтральные и отрицательные суждения, а оценки женщин охватывают всю шкалу суждений, от положительных до отрицательных.

Две трети респондентов уверены, что в СМИ превалирует информация о мигрантах, связанная с криминалом. При этом часть москвичей уверена в том, что мигранты связаны с криминалом: «Конечно, криминал, криминал и только криминал!», «Не слушаю эту информацию, но мигранты часто совершают преступления». О том, что информации о культуре мигрантов в СМИ больше, чем криминальной, говорят лишь 8% опрошенных. Часть респондентов полагает, что получение информации о мигрантах того или иного рода зависит от выбора телевизионных каналов и программ, и что СМИ не отражают реальную картину происходящего. Безусловно, что в различных по тематике программах будет освещаться разная информация о мигрантах. Однако если учесть, что специализированными программами о культуре интересуется небольшая часть населения, а большинство смотрит информационные, общественно-политические программы по федеральным каналам широкого вещания, то становится очевидным, что СМИ в значительной степени продолжают освещать тему мигрантов через призму криминала.

Что касается мнения самих москвичей о том, кто чаще совершает преступления, то почти половина респондентов (46%) уверены в том, что это делают мигранты. Мнения о том, что нет особых различий между мигрантами и местными по уровню преступлений, придерживается чуть более трети опрошенных (37%). В 2017 г. мы задавали такой же вопрос, опрашивая жителей столицы. В том году москвичей, уверенных в особой склонности мигрантов к преступлениям, было на 11% меньше и на 6% больше полагающих, что мигранты и местные в этом отношении не отличаются. Таким образом, за последние несколько лет увеличилась доля москвичей, соотносящих мигрантов с криминалом.

У некоторых жителей столицы существует дифференцированный подход в этом вопросе: «Криминальны кавказцы (чечены, дагестанцы, азербайджанцы), греки (туркообразные), цыгане. Средняя Азия, наоборот, очень мирная и покладистая (таджики, узбеки). Армяне - жулики, торгоши, но не криминального толка, обманывают за счет качества». Некоторые считают многих мигрантов из стран СНГ религиозными фанатиками, среди которых много террористов из ИГ. На данном этапе опроса для некоторых местных жителей опять встает вопрос безопасности: «Мигрантов сейчас очень много. Многие без документов. Безопасность - 0!».

За последние два года в два раза увеличилась доля респондентов, полагающих, что приезжие отнимают работу у местных (32% против 17%), и существенно сократилась доля тех, кто считает, что местные сами не хотят занимать некоторые рабочие места (29% против 43%). В то же время отметим, что в ходе опроса неоднократно звучали высказывания респондентов о том, что, скорее, не мигранты отнимают рабочие места, а те работодатели, которые нанимают мигрантов за копейки. Если мигранты и отнимают рабочие места у местных, то не по своей воле.

Две трети опрошенных жителей Москвы не считают, что цены на продукты связаны с мигрантами. Пятая часть не знает, влияют ли мигранты на цены. Незначительная часть (14%) все же возлагает ответственность на мигрантов за рост цен. По мнению некоторых, цены растут в первую очередь на рынках, потому что ими владеют иностранцы. Один респондент называет даже представителей отдельной национальности, ответственной за ситуацию с ценами на продукты в столице: «Цены связаны с азербайджанцами, которые везде в торговле (не только на рынках)».

Значительное число москвичей, две трети, считают, что мигранты мало уважают местные традиции. Причем у некоторых москвичей из этого числа мнение на этот счет категорическое: они считают, что мигранты *абсолютно* не уважают наши традиции, навязывают свои; говорят о случаях, когда мигранты публично оскорбляют традиции российского народа, за что таких

мигрантов нужно с семьей высылать на родину с пожизненным запретом въезда на территорию РФ. Для некоторых неуважение мигрантов к местным традициям означает то, что придерживаются своих традиций. Несогласных с мнением, что мигранты мало уважают местные традиции, немного (15%). Такие респонденты говорят, что нельзя так говорить о всех мигрантах, что многое зависит от культурного уровня конкретного человека, что дело не в неуважении, а незнании местных традиций.

Информировать мигрантов о традициях и культуре России, по мнению респондентов, должны в равной мере и власти и общественные организации. Тех, кто считает, что в этом отношении ничего не нужно делать, совсем немного (4%). Десятая часть опрошенных предлагала свои варианты: мигранты сами должны изучать традиции и осваивать российскую культуру, в том числе, еще до приезда в Россию; информировать мигрантов должны СМИ, работодатели, среда и общество (москвичи), диаспоры, землячества, соотечественники мигрантов, уже переехавшие в Россию. Случаи, когда респонденты говорят о том, что мигрантам не следует навязывать местные традиции, узнавать о них мигранты должны сами по желанию, единичны.

Самой эффективной мерой по информированию мигрантов москвичи считают привлечение мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях. Раздать мигрантам информационные листовки будет недостаточно, но они не помешают. Один из респондентов подчеркнул, что мигрантам нужно дать возможность посещать по желанию экскурсии, праздники, спортивные мероприятия наравне со всеми, не выделяя их при этом из местного сообщества.

Часть опрошенных полагает, что информацию о российской культуре и традициях мигранты должны получать в странах исхода, в том числе на курсах. Другие ратуют за создание спецкурсов в России, за информирование в соцсетях. Предлагается вариант информировать лидеров мигрантских сообществ, которые потом сами передадут знания своим соотечественникам. У небольшой части респондентов звучали категорические нотки. Такие выступают за принудительное обучение мигрантов, ис-

пользуя жесткие меры: «нужно вбивать им в голову», «нормы морали лучше всего прививать репрессивными мерами!». Заметим, что последнее высказывание высвечивает стереотип о том, что мигранты – люди, не знакомые с цивилизацией и не имеющие представлений о нравственности.

В ходе исследования мы отдельно задавали вопрос о возможности информирования мигрантов через государственные миграционные центры. Подавляющее большинство опрошенных (80%) уверены в том, что миграционные центры должны информировать мигрантов о культуре России, а по мнению некоторых москвичей, просто обязаны это делать. С другой стороны, несколько человек отметили, что миграционные центры работают плохо и есть риск профанации информационных мероприятий для мигрантов. Один из респондентов, имеющий большой опыт взаимодействия с миграционным центром в Сахарово (получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, гражданства), горько пошутил: «Пока пройдешь этот ад, уже освоишь некоторые «местные традиции и культуру»» (имея в виду бюрократию).

В целом, более половины (58%) опрошенных москвичей считают, что мигрантов нужно информировать о местных культурных нормах. При этом значительная часть (одна четверть) не знают, нужно ли это делать. За интеграцию мигрантов выступает половина респондентов. Небольшая часть полагает, что интеграция мигрантов необязательна (16%). Затруднившихся в этом вопросе столько же, как и в случае с вопросом об информировании мигрантов (одна четверть).

К внутренним мигрантам, приезжающим в Москву из других российских регионов, подавляющее большинство опрошенных (83%) предъявляют требование знать местные традиции. Лишь несколько респондентов заметило, что это же могут быть «свои» - русские, а, значит, им знакомы местные традиции. Даже если и не русские, то все равно «они нормально адаптированы, например, буряты, которых стало много в Москве». Возможно, следующее высказывание одного из респондентов - «Если это религиозные фанаты, то пусть со своим уставом сидят на Кавказе»

- объясняет такую большую долю москвичей, выступающих за необходимость изучения местных традиций внутренними мигрантами. Москвичи замечают в большей степени мигрантов иноэтничных, инокультурных, с религией, отличной от православия. Другие приезжие из регионов России, возможно, не воспринимаются местным населением как мигранты.

Сами москвичи не очень стремятся к изучению традиций и культуры мигрантов. Менее половины (44%) считают, что местные жители должны это знать. Треть опрошенных настроена против изучения чужих традиций и культур. Десятая часть полагает, что местные должны изучать культуру мигрантов, если у них есть такое желание, если у них есть друзья и родственники среди мигрантов, если того требует работа, или же знать в самых общих чертах.

За последние несколько лет лишь 40% опрошенных стали больше знать о традициях, языках и культуре мигрантов. У половины, по их самооценке, таких знаний не прибавилось. Десятая часть респондентов затруднилась с ответом.

На интеграцию с мигрантами настроены немало опрошенных москвичей – 42% по данной подвыборке исследования. Но почти столько же относятся отрицательно к идее интеграции и более десятой части не могли определиться по этому поводу.

Почти половина респондентов нейтрально относится к совместному обучению своих детей и внуков с детьми мигрантов. Некоторые говорят, что при этом должны соблюдаться следующие условия: совместное обучение не будет облегчать/обеднять программу обучения, если дети мигрантов знают русский язык, соотношение количества мигрантов и немигрантов в классе или группе детского сада должно быть не более 20%. Кроме того, для некоторых москвичей имеет значение, дети каких именно мигрантов будут учиться с их детьми. По мнению отдельных респондентов, представители Кавказа якобы «агрессивны и проблемны». Четверть опрошенных настроены против совместного обучения с детьми мигрантов. За последние два года значение этого показателя незначительно возросло (на 4%), тем самым

обозначив сохранение неизменной или несколько более обостренной ситуации.

За последние несколько лет на 4% увеличилась доля москвичей, заявляющих о том, что они поддержат акции протеста и пикеты против трудовых мигрантов. В ходе опроса об этом сказали 16% опрошенных. Сюда же следует прибавить еще несколько процентов ответов, которые попали в категорию «другой ответ», поскольку суть их заключается в том, что акции и пикеты будут поддержаны в случаях, если человек случайно окажется рядом; если это мирные акции, без призывов к насилию; если лозунги будут созвучны; если выступления будут против мигрантов с Кавказа. Некоторые сказали, что поддержат акции «виртуально», сами не будут участвовать, но одобряют. В текущем году на 5%, по сравнению с ситуацией двумя годами ранее, уменьшилась доля респондентов, которые на такие акции и пикеты не пойдут и не поддержат. Таким образом, ситуацию в сфере миграционных отношений в Москве, по данным подвыборки №1, можно охарактеризовать как в некоторой мере напряженную со слабым обострением.

Регион проекта 2.

Массовый опрос населения в Москве. Подвыборка №2

Опрос по теме изучение общественного восприятия культурного многообразия, отношения местного населения миграции и мигрантам проводился в Москве по подвыборке №2 в феврале 2019 г. с целью оценки конфликтного и интеграционного потенциала местного населения в сфере миграционных отношений.

Анкетами при проведении опроса стали сотрудники и аспиранты ГБУН Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, а также студенты первого и третьего курсов исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Большинство анкетеров обладают достаточным опытом проведения социологических опросов и уже участвовали в подобных

исследованиях по различным темам этнокультурной и этнополитической направленности. Перед началом исследования с анкетерами был проведен инструктаж. Региональный координатор обсудил с участниками опроса цель опроса, содержание анкеты и трудности, которые могут встретиться во время проведения опроса. Анкетерам были также предоставлены маршрутные листы, анкеты в печатном и электронном виде и печатные инструкции по их заполнению. Для студентов участие в массовом опросе было новым опытом, поэтому с ними инструктаж проводился более тщательно, после основной части инструктажа анкетеры провели пробный опрос регионального координатора, что позволило им получить разъяснения и уточнения по возникающим у них вопросам и неясностям. Кроме того, каждый анкетер получил официальное письмо о том, что он участвует в исследовании общественного мнения по вопросам миграции в г. Москва на случай устранения возможных препятствий во время проведения опроса со стороны полиции, государственных, охранных и др. структур.

Значительная часть анкет заполнялась анкетерами на бумажных анкетах в присутствии респондентов. Часть бумажных анкет была роздана респондентам для самозаполнения. Как показал опыт предыдущих подобных исследований, в московском регионе опрос по телефонной базе сопряжен с определенными трудностями. В связи со значительным количеством телефонной рекламы жители склонны отказываться от опроса, прерывая анкетера до окончания преамбулы. Лица старших возрастов часто склонны подозревать звонящих по телефону в мошенничестве. Поэтому от данного способа проведения опроса пришлось отказаться. Опрос проводился также путем рассылки электронной версии анкет по предварительной договоренности, заполненные анкеты респонденты выслали по электронной почте анкетеру. Многие респонденты, особенно из младшей и средней возрастных групп, выражали пожелания сделать анкету более доступной для заполнения с использованием электронных гаджетов. Значимых проблем и препятствий в ходе опроса не возникало.

Не было противодействия со стороны полиции или охранников торговых центров.

Для проведения опроса в городе было выделено 35 маршрутных участков. Маршрутные участки были сформированы таким образом, чтобы обеспечить проведение опроса в различных районах города для получения адекватного представления об изучаемых явлениях в условиях региона. Участки расположены в большинстве административных округов города. Опросом были охвачены районы с различным уровнем инфраструктуры и социальной престижности:

- *Центральный административный округ* – окрестности станций метро «Улица 1905 года», «Сухаревская», «Цветной бульвар», «Третьяковская», «Бауманская», «Менделеевская», а также на улице Спиридоновка;

- *Западный административный округ* – окрестности станции метро Юго-Западная, улицы Крылатская, Мосфильмовская, Осенняя;

- *Южный административный округ* – окрестности станций метро «Коломенское», «Царицыно», «Автозаводская», «Варшавская», парк Коломенское, улица Россошанская;

- *Восточный административный округ* – шоссе Энтузиастов, окрестности станции метро «Щелковская»;

- *Юго-Западный административный округ* – Ленинский проспект (дома 11, 34-42), Ломоносовский проспект (д. 12), Нахимовский проспект, ул. Профсоюзная (дома 11-13), ул. Кржижановского;

- *Юго-Восточный административный округ* – Жулебино.

- *Северный административный округ* – Ленинградское шоссе, ул. Лавочкина, окрестности станции метро «Водный стадион»;

- *Северо-Западный административный округ* – окрестности станции метро «Тушинская», ул. Свободы, Митино;

- *Северо-восточный административный округ* – Медведково, ул. Новоалексеевская.

Не были критерием отбора, но фиксировались при опросе: этническая и языковая идентичность респондентов, их место рождения и миграционная история, уровень образования, занятость и источники дохода, материальное положение и социальное самочувствие, этническая идентичность, язык семьи и общения, наличие предрассудков (мигрантофобия и нетерпимость).

Всего по подвыборке согласно квоте, рассчитанной пропорционально половозрастной структуре, в регионе опрошено 300 местных жителей 18 лет и старше (136 мужчин и 164 женщины). Согласно квоте респонденты разделены на три возрастные категории: первая (18-29 лет) составила 18%, вторая (30-59 лет) – 56% и третья (60 лет и старше) – 26%. Соотношение мужчин и женщин в соответствии с требованием квоты внутри возрастных категорий распределилось следующим образом: в первой группе опрошено 26 мужчин и 27 женщин, во второй – 81 мужчин и 82 женщины и в третьей возрастной группе – 29 мужчин и 49 женщин.

В целом респонденты сочли тему опроса актуальной, высказывания об этом являются самыми частыми в комментариях к анкете в целом. Многих респондентов интересовали цели и задачи опроса. Некоторые из них, услышав ответ анкетера, говорили, что никакого толка от опросов нет, но, тем не менее, соглашались принять участие в опросе, хотя встречались и такие, кто отказывался отвечать, узнав именно тематику исследования. Из числа потенциальных респондентов 61% согласились заполнить анкету, а 39% отказались от участия, из них 5% предварительно ознакомились с темой исследования, а подавляющее большинство сослались на то, что не участвуют в опросах в принципе. Следует отметить, что наиболее легко на контакт шли представители младшей возрастной группы и женщины средней и старшей возрастных групп, тогда как мужчины средних и старших возрастов принимали участие в опросе с меньшим энтузиазмом.

Как и следовало ожидать, большинство опрошенных сообщили, что имеют высшее образование – 72%. Как обычно, к та-

ким ответам следует относиться, как стремлению опрошиваемых завязать свой уровень образования. Еще около 9% имеют неоконченное высшее образование (в основном это те, кто проходят обучение в настоящее время). О наличии среднего специального образования сообщили 16% респондентов. Три процента ответивших имеют только аттестат общеобразовательной школы.

Большая часть опрошенных (около 57%) в настоящее время работают. Два человека сочли необходимым уточнить, что не являются наемными работниками, а имеют собственный бизнес. Высокий процент работающих объясняется тем, что, люди пенсионного возраста, как правило, настаивают на том, чтобы был зафиксирован именно вариант ответа «работаю», психологически не желая попадать в категорию «пенсionеров» и связывая свое материальное благосостояние скорее с заработной платой, чем с пенсией. Некоторые люди явно пенсионного возраста предпочли не указывать то, что они получают пенсию и назвали себя только работающими. Объявили себя пенсионерами 18% респондентов. Среди 16% опрошенных, выбравших вариант ответа «иное» незначительно преобладают работающие пенсионеры, вторую большую группу составляют люди совмещающие работу с учебой, одна женщина указала, что находится в отпуске по уходу за ребенком. Учебу в качестве основного занятия во время проведения опроса указали 5% респондентов. Занимаются домашним хозяйством почти 4% опрошенных. Безработными среди жителей московского региона, принявших участие в опросе, оказались менее одного процента.

В ходе опроса респондентам было предложено по желанию ответить на вопрос о своей национальной принадлежности. Подавляющее большинство (около 94%) опрошенных сочли возможным указать свою национальность, при этом 12% из них указали более одной национальности. Не дали ответа на этот вопрос 6% участников опроса. Национальный состав опрошенных выглядит следующим образом: почти 91% составляют русские, около 3% - татары, более 2% - украинцы, от полутора до почти двух процентов - белорусов, армян и евреев. Среди дру-

гих национальностей названы узбеки, буряты, башкиры, марийцы, чеченцы, греки, литовцы, болгары. Национальный состав участников опроса в целом соответствует этническому составу жителей московского региона по результатам переписи населения. Заметим, что респонденты, указавшие вторую национальность, в абсолютном большинстве отметили либо в качестве основной, либо в качестве второй этнической принадлежности русскую в сочетании с другими вариантами. Около 9% респондентов, отвечая на вопрос о национальности, дали собственную формулировку своей этнической принадлежности, отличную от «стандартных» названий национальностей. Среди таких ответов наиболее популярными вариантами оказались «РФ» и «человек мира» (по одному проценту ответивших) при этом еще два человека выразили свою принадлежность к российскому гражданству в других формулировках: «граждане Российской Федерации» и «россияне». В категории «другие» можно также выделить группу респондентов, пожелавших в том или ином виде заявить об отсутствии национальной идентичности: «ни к какой национальности себя не отношу», «в паспорте нет национальности», «нет национальности», «затрудняюсь ответить». Украинский конфликт нашел свое отражение в ответах о национальности. Так, одна из респонденток, указавших в качестве второй национальности «украинка», в первой графе написала: «не хочу применять к себе такие жесткие, абстрактные, порождающие сегрегацию категории». Другой респондент назвал себя москалем. Несколько молодых респондентов решили внести разнообразие в список национальностей, определив себя как «хуйну», «гипербореец», «древляне» и «вятичи», при этом на полях анкет они выражали сомнение в актуальности самой категории «национальность» в современном мире.

Подавляющее большинство респондентов проживают в регионе опроса свыше десяти лет (89%). Более пяти, но меньше десяти лет свое нынешнее место жительства сохраняли 4% опрошенных. Одинаковое количество респондентов (3%) приходится на тех, кто проживают в регионе не более пяти лет и тех, кто живет в Москве менее двух лет. Более половины (63%) при-

нявших участие в опросе проживают в регионе с рождения. Среди тех, кто переехал в московский регион, преобладают приезжие из других регионов Российской Федерации (почти 31%). Их география весьма обширна, представлены почти все федеральные округа. Особенно много приезжих из Центрального, Приволжского, Южного федерального округов и Сибири. В ответах респондентов фигурируют: Ивановская область, Краснодарский край, Ростов-на-Дону, Марий Эл, Томск, Орловская область, Кировская область, Пензенская область, Республика Коми, Республика Хакасия, Астраханская область, Бурятия, Иваново, Домодедово, Ульяновская область, Саратовская область, Рязань, Пермский край, Татарстан, Башкортостан, Красноярский край, Самарская область, Ставропольский край, Смоленская область, Воронеж, Барнаул, Тамбов, Кемеровская область, Ярославская область, Владимир, Алтайский край, Брянская область, Тульская область, Санкт-Петербург, Нижегородская область, Московская область, Мурманск, Крым, Волгоград, Кабардино-Балкария, Орловская область, Калужская область, Липецкая область, Забайкальский край, Хабаровский край, Владивосток и Камчатка. Из других государств в регион опроса переехали 6% респондентов. Среди таких стран абсолютно преобладают государства, образованные из республик бывшего СССР: Белоруссия, Казахстан, Украина, Узбекистан, Армения, Молдавия, Киргизия, Азербайджан, Литва. Только один респондент переехал в московский регион из Австрии.

Большинство опрошенных (78%) не планируют уезжать из региона опроса на постоянное жительство в другой регион России или в другое государство. Довольно существенное число респондентов не уверены в своих планах: затруднились ответить на этот вопрос 10% ответивших на вопросы анкеты. Сообщили о намерении переехать в другую страну почти 8% опрошенных. Среди них преобладают респонденты младшей возрастной группы, которые хотят переехать в США, Великобританию, Сингапур, Италию, Францию, Испанию, Нидерланды, Чехию, Австралию и на Кубу. Несколько респондентов сообщают о намерении уехать в другую страну вообще, без упоминания кон-

кретного государства, используя формулировки: «пока не определился», «куда-нибудь», «на полгода в теплую страну (Кипр, Испания)», «задумываюсь про переезд в другую страну». Около 2% респондентов планируют переезд в другой регион России: Краснодарский край, Санкт-Петербург, Калининград, Камчатка, Дальний Восток. Об этих планах сообщили в основном люди среднего возраста, вероятно, намеренные осуществить переезд после выхода на пенсию, часть из них планируют вернуться в тот регион, откуда они приехали.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить свое материальное положение за последний год. Большая часть опрошенных (59%) считают свое материальное положение «в целом нормальным». Хорошим его назвали только 7% ответивших. Почти треть респондентов (27%) заявили о затруднительном материальном положении и 4% оценили его как «тяжелое». Если учесть, что большая часть участников опроса, которые выбрали вариант «другой ответ» (около 2%) оценили свое положение ниже удовлетворительного (например: «нестабильное», «положение - могло бы быть и лучше, но благодаря стараниям чиновников, оно уверенно катится к нехорошему - жизнь стремительно дорожает», «лучше, чем у большинства сограждан, но не настолько хорошо, как хотелось бы») можно сказать, что треть респондентов не удовлетворены своим материальным положением.

Работающим участникам опроса был задан вопрос о том, возникают ли у них опасения потерять работу? Более четверти респондентов (27%) не работали на момент проведения опроса. Примерно пятая часть работающих (21%) уверены в своей занятости, они ответили, что у них никогда не возникает опасений по этому поводу. Вариант ответа: «Редко, иногда возникают опасения потерять работу» выбрали 35% работающих респондентов. Не уверены в своем положении 9% работающих, у них опасения потерять работу возникают постоянно. Среди тех 6%, кто пожелал дать собственный вариант ответа, нашлись как те, кто «периодически» или даже «каждый день» опасаются потерять работу, так и те, кто считает, что «надо нормально работать

- тогда и не выгонят». 6% респондентов затруднились ответить на вопрос. Можно заметить, что, несмотря на сложную ситуацию в экономике, жители московского региона в целом чувствуют себя довольно уверенно на рынке труда.

Ответы на вопрос: «Как Вас должны воспринимать окружающие в повседневной жизни, - как гражданина России, или как представителя отдельной национальности, или как жителя определенного региона?», а в этом вопросе была предусмотрена возможность дать более одного ответа, распределились следующим образом. Подавляющее большинство (79%) респондентов хотят, чтобы их воспринимали как граждан своей страны. Сопоставимое количество опрошенных заявили о важности этнической (18%) или региональной (16%) идентичности. Около 6% респондентов воспользовались вариантом «другой ответ», чтобы подчеркнуть либо важность своих личных человеческих качеств, пожелав, чтобы окружающие воспринимали их «как человека», «как личность», либо чтобы сообщить о своем космополитизме («человек мира», «знаете, я космополит, эти идентичности - чушь», «это глупо»). Не дали определенного ответа на этот вопрос 4% опрошенных.

Блок из трех вопросов был посвящен языковой идентичности респондентов. Были заданы вопросы о родном языке, языке семейного общения и об использовании языков в повседневной жизни. Только 14% опрошенных сообщили, что используют «в семье или при общении с друзьями и знакомыми другой язык, кроме русского». Абсолютное большинство (86%) в повседневной жизни общаются только на русском языке. Среди других языков преобладают иностранные языки стран Западной Европы (в основном, английский, немецкий, испанский, итальянский, французский), а также иностранные языки, связанные с регионом, из которого приехал респондент (бывшие республики в составе СССР), его языковой или этнической идентичностью (среди таких – узбекский, таджикский, армянский, белорусский, украинский, литовский). Западноевропейские языки называют, по большей части, респонденты молодых возрастов, что связано в некоторой степени с миграционными устремлениями части

опрошенных этой возрастной категории, а в большей мере - с престижностью владения иностранным языком. Можно заметить, что сведения об использовании других языков, кроме русского и иностранных, в значительной степени совпадают с этническим составом опрошенных. Среди других языков чаще всех упоминается татарский. Все респонденты пожелали указать свой родной язык. В основном в качестве такового выбран один язык, только 4% указали второй родной язык. Абсолютное большинство респондентов считают родным русский язык (99%). В тех случаях, когда указаны два языка, почти всегда другой родной язык назван в сочетании с русским, который в большинстве случаев упоминается первым в паре, вторыми в таких случаях названы: татарский, армянский, белорусский, узбекский. Любопытно, что не встречается украинский язык, но один из респондентов в качестве второго родного языка указал «сурж». Среди языков, которые были названы в качестве единственного родного, помимо русского – узбекский и якутский.

Не удивительно, что при такой языковой идентичности у подавляющего большинства (95%) опрошенных не возникает проблем при общении на родном языке. 2% респондентов заявили, что не могут общаться на одном из родных языков, поскольку окружающие их не знают. Двое опрошенных, хотя и назвали родным языком язык своей национальности, но отметили, что недостаточно хорошо им владеют для использования в повседневном общении. Также два человека сообщили, что испытывают стеснение при общении на родном языке в публичной обстановке.

В анкету включен блок из пяти вопросов о переписи населения, среди них есть открытый вопрос о взглядах населения на понятие «родной язык». Выяснялось также представление респондентов о том, что, по их мнению, означает понятие «национальность» (гражданство, принадлежность к конкретному народу или иное), о важности вопроса о родном языке, а также предпочтительный вариант участия в переписи.

Наиболее удобным для себя респонденты сочли отвечать на вопросы переписи с помощью Интернета, идентифицировав се-

бя путем регистрации по документам (40% ответов). Этот вариант предсказуемо выбирают респонденты молодого и среднего возраста, которые привыкли пользоваться государственными электронными сервисами для решения бытовых вопросов. Вторым по популярности стал вариант участия в опросе по телефону (почти 30%), его выбирают люди разных возрастных групп. За ним следует вариант отвечать переписчику при квартирном обходе, 16% опрошенных готовы впустить сотрудников к себе домой. В основном это люди старших возрастов, которые привыкли к этому способу проведения переписи в советское и постсоветское время. Почти 11% респондентов готовы сами посетить переписной участок. Один из опрошенных предложил воспользоваться Многофункциональными центрами для проведения переписи. Следует отметить, что только 2% респондентов затруднились с выбором варианта участия в процессе переписи.

Наш опрос показал важность вопроса о владении языками для москвичей – 77% опрошенных считают, что в ходе переписи нужно задавать вопрос о том, какие языки знают люди, принимающие в ней участие против 19% тех, кто считает это лишним. Два человека сочли это не обязательным, но интересным.

Предложение сформулировать свое представление о том, что такое родной язык вызвало затруднение у довольно значительного числа респондентов – почти 13% из них не смогли дать определенного ответа. Разнообразные формулировки участников опроса для удобства учета в процессе обработки анкет были распределены по десяти группам:

1. на котором говорю / постоянный / привычный;
2. язык детства;
3. на котором думаю;
4. язык семьи/родственников;
5. язык народа/национальности;
6. язык страны/региона;
7. государственный язык;
8. русский;
9. каждый определяет по-своему;
10. другой ответ.

Поскольку ответы, данные в свободной форме, часто содержат в себе признаки более чем одного варианта группировки, то одному ответу часто присваивалось несколько вариантов группировки.

Для большинства респондентов (32%) представление о родном языке связано с тем, что принято называть «языком детства». Чаще всего это сформулировано как «язык, на котором человек начал говорить в детстве», «который знаешь с рождения». Вторая по частоте ассоциация, которая возникает у респондентов, связана языком общения в семье и с родственниками (21%). В этом случае типичны следующие высказывания: «язык моей семьи», «на котором говорят родители», «язык матери», «на котором с детства говоришь с родителями». Почти 10% назвали родным тот язык, на котором обычно говорят, «тот на котором я постоянно общаюсь», «наиболее часто используемый язык». 15% респондентов связывают рассматриваемое понятие не с общением, а с мыслительной деятельностью. Для них родным является «язык, на котором думаешь». Существенно реже представление о родном языке связано с этнической, региональной или гражданской идентичностью. По четыре процента приходится на язык народа/национальности («язык твоей национальности», «язык твоей культуры»), «язык культуры народа», «язык этнической группы, к которой человек причисляет себя») и язык страны/региона («язык в стране проживания», «Язык страны, в которой ты родился или прожил свое детство и юношество»). Немного более двух процентов – на государственный язык («язык государства, где родился», «государственный язык»). Двое респондентов указывают на то, что родной язык человек выбирает по собственной воле, «который человек сам для себя признает родным». Некоторые респонденты посчитали, что для родного языка наиболее характерны отсутствие необходимости его изучения, легкость общения на нем. Другие отметили, что у человека должна быть высокая степень компетенции в родном языке и эмоциональная связь с ним – «язык, который вы знаете лучше всего и любите», «которым пользуешься свободно». Почти 7% при ответе на вопрос о понятии «родной язык» назвали

конкретный язык – русский. Подавляющее большинство этих людей не поняли вопроса. Возможно, их смутила первая фраза вопроса: «В переписи спрашивают, какой у вас родной язык».

Поскольку одним из традиционных вопросов переписи является вопрос о национальности, ответ на который фиксируется в той формулировке, которую дает переписываемый, респондентам было предложено задуматься над этим термином. Во время подготовки и проведения постсоветских переписей в научной среде неоднократно возникала идея замены термина «национальность», с тем, чтобы четче развести определение гражданской и этнической идентичности. Выяснилось, что для большинства опрошенных «национальность» тесно связана с принадлежностью к народу. Этот ответ выбрали 79% участников опроса. Однако понимание термина оказалось неоднозначным, почти 18% респондентов считают, что национальность определяется гражданством. Среди тех трех процентов опрошенных, кто воспользовался возможностью дать собственный вариант ответа, оказались люди, которые считают, что термин сочетает в себе «и гражданство и принадлежность к народу», те, кто считает, что национальность определяется культурой и языком и те, кто счел «национальность неадекватным идентификатором в 21 веке».

Вопрос о том, нужно ли во время переписи учитывать, откуда приехал иностранец, опрашиваемый в ходе переписи, вызвал затруднения примерно у 10% респондентов. Подавляющее большинство ответов (77%) за то, чтобы спрашивать людей, откуда они приехали. 11% считают, что эта информация не является обязательной. Участниками опроса были также высказаны мнения: «иностранцы не граждане РФ не должны принимать участие в переписи», «важно постоянное место жительства, где проживали раньше - не имеет значения», «не важно, откуда приехали, лишь бы никаких гадостей не делали».

Основная часть анкеты посвящена выяснению отношения населения к мигрантам, сферам их взаимодействия, стереотипам в отношении мигрантов и конфликтному потенциалу.

Очевидно, что возможность общения на одном языке создает благоприятные условия для взаимодействия. Большинство опрошенных (63%) заявили, что у них не возникало серьезных проблем из-за того, что работающий в Москве иностранец плохо знает русский язык. В тоже время почти треть (31%) сообщили, что испытывали подобные затруднения, еще несколько человек ответили, что сталкивались с плохим владением трудовыми мигрантами русским языком, но в единичных случаях или в ситуациях, которые не считают серьезными.

Мы попытались выяснить, при каких условиях жители столицы готовы считать иностранца россиянином, здесь участникам опроса предоставлялась возможность выбрать несколько ответов. Главным обстоятельством оказалось хорошее владение русским языком (почти 64%). Наличие гражданства и длительность проживания разделили второе и третье место, такие ответы дали 40% и 43% респондентов соответственно. При ответе на этот вопрос было получено максимальное количество развернутых собственных ответов (16%). В основном, в них подчеркивается важность культурной и языковой адаптации мигрантов. Они должны: «уважать традиции и культуру России», «уважительно относиться к жителям», «хорошо понимать социально-культурную сферу жизни», «уважительное отношение к традициям, культуре, менталитету россиян», «должен адаптироваться в культурную среду региона», «должен хорошо знать русский язык и уважать культуру страны». Значительное внимание уделяется знанию и соблюдению законодательства и соблюдению интересов государства: «не нарушать законы», «не ущемлять свободу и права других граждан», «должен приносить пользу государству», «действовать в интересах страны», «уважать нашу страну». Несколько человека заявили, что готовы воспринимать иностранца россиянином только в случае ассимиляции: «100 процентная ассимиляция», «ассимиляция человека в среду». Четыре человека оказались не готовы считать бывшего иностранца своим соотечественником ни при каких условиях: «только если родится здесь, а так не буду», «никогда не буду воспринимать его россиянином», «он никогда не будет Россиянином». Инте-

ресно, что три из них это женщины средней возрастной группы и только один – молодой мужчина.

В ходе опроса выяснялось, какими услугами трудовых мигрантов пользуются горожане. Было предложено двенадцать готовых вариантов и возможность предложить собственный вариант. Услугами мигрантов пользуются почти все респонденты (96%). Вариант ответа «никакими услугами мигрантов не пользуюсь» выбрали 2% ответивших. В основном горожане пользуются услугами мигрантов в общественно доступных местах (262% ответов). Среди них лидируют услуги в сфере уборки и благоустройства территории (дворников-мигрантов заметили 77% ответивших). За ними следуют услуги в сфере торговли (67%), общественного транспорта (52%), присутствие мигрантов среди сотрудников общественного питания и гостиниц отметили 44% респондентов. Медицинскими услугами трудовых мигрантов пользуются 20% участников опроса. Разновидностями услуг, которые можно условно назвать услугами «смешанного» типа, то есть такими, которые оказываются как в общественном пространстве, так и в частном порядке пользуются 103% ответивших. Это услуги в жилищно-коммунальной сфере (48%), ремонт жилья и автомобиля (31%), охрана парковок и жилья (24%). 48% ответов об использовании труда мигрантов приходится на сферу частных услуг, таких как работа на даче и приусадебном участке (24%), работа по дому (13%), уход за детьми, больными, престарелыми (11%).

Следующие четыре вопроса были нацелены на оценку стереотипных суждений респондентов относительно влияния, которое присутствие трудовых мигрантов оказывает на местных жителей.

Подавляющее большинство участников опроса не считают, что наличие мигрантов повлияло на трудоустройство анкетированных (82%). Только 8% ответивших считают, что влияние было отрицательным среди комментариев также встречаются высказывания негативного характера: «в сфере услуг заработки упали», «создает конкуренцию студентам и лишают гарантий».

Только около 3% респондентов считают, что имело место положительное влияние.

Что касается влияния работы мигрантов на размер зарплат, пенсий и иных выплат, то здесь увеличивается число отметивших негативное влияние (12%), но большинство респондентов и в этом вопросе не видят конкуренции со стороны трудовых мигрантов (77%). Однако заметим, что в этом случае больше людей затруднилось ответить на вопрос – более 7%, в то время как в предыдущем случае таких ответов только 5%. Положительным назвали влияние мигрантов 2% ответивших.

Никакого влияния присутствия мигрантов на свое здоровье не наблюдают почти 75% респондентов. По сравнению с предыдущими вопросами становится больше тех, кто назвал такое влияние отрицательным (15%), но больше и тех, кто считает, что работа мигрантов положительно повлияла на их здоровье (4%).

Отметим, что респонденты начинают испытывать беспокойство, когда речь заходит о влиянии наличия мигрантов на безопасность. Уже менее половины анкетированных (45%) считают, что мигранты не оказывают влияния на уровень безопасности. Отрицательное влияние отмечают 39% опрошенных. Мы видим, что мнения разделились чуть ли не поровну, особенно если учесть, что 10% не решились высказать свое мнение, а среди комментариев преобладают негативные высказывания: «с настороженностью отношусь к мигрантам из Азии», присутствие мигрантов «вызывает раздражение», «был негативный опыт», «избит группой мигрантов при попытке ограбления».

Тем не менее, в общем рейтинге стереотипных суждений преобладают нейтральные оценки (70%). Негативные стереотипы наблюдаются менее, чем у 19% респондентов, но эту цифру трудно считать незначительной, особенно на фоне того, что положительные оценки дают всего 3% респондентов. Интересно, что наибольшее удовлетворение опрошенные испытывают от деятельности мигрантов в сфере здравоохранения (34%).

Если обратиться к оценке деятельности лично для себя, учитывая сочетание суждений каждого респондента по четырем

вопросам этого блока, то мы увидим, что у среднего респондента преобладает нейтральная или скорее нейтральная, чем отрицательная оценка (74%). У женщин этот показатель несколько выше, чем у мужчин (78% против 70%). Среди отрицательных оценок, а их около 18% преобладают умеренно отрицательные, в большей мере среди мужчин, чем среди женщин (соотношение 20% к 12%). Резко отрицательного отношения к мигрантам не много (менее 2%), его также выражают в основном мужчины, у них этот показатель приближается к трем процентам. Положительно для себя оценивают влияние трудовых мигрантов на свою жизнь исключительно женщины, и у них преобладает в целом положительная или умеренно положительная оценка. Абсолютно положительную оценку мы видим менее, чем у одного процента респондентов.

Возможно, что на преобладание негативных стереотипов в отношении влияния мигрантов на безопасность частично вызвано деятельностью средств массовой информации. Большинство респондентов (74%) считают, что СМИ больше информации о криминале, чем о культуре, когда речь заходит о мигрантах. Освещение вопросов культуры отмечают 7% участников опроса.

Для оценки конфликтного потенциала в отношении мигрантов респондентам был предложен ряд вопросов. Рост цен на продукты никак не связывают с мигрантами 80% ответивших, в то время как утвердительно отвечают на вопрос о связи роста цен с присутствием мигрантов 6% участников опроса. В своих комментариях респонденты возлагают ответственность за рост цен либо на правительство и чиновников («неправильная социальная политика правительства», «цены растут по большей части из-за жадности чиновников»), либо на предпринимателей («рост цен связан с теми, кто продает», «хозяева магазинов поднимают цены», «растут цены из-за шкурных интересов власть имущих и коммерсантов», «цены растут из-за капиталистов без морали»).

Что касается конкуренции на рынке труда, то 47% респондентов считают, что местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места. Винят мигрантов в том, что они от-

нимают рабочие места у местных жителей 21% ответивших. 27% участников опроса считают, что имеют место обе эти ситуации. Давая собственные варианты ответов, респонденты отмечают: «проблема в том, что их труд выгоден сильным мира сего», «олигархи используют мигрантов как штрейхбрейкеров, недоплачивая как им самим, так и местным жителям», в нескольких ответах внимание обращают на различие уровня подготовки «у них другой уровень работ, специализация, они не мешают», «только с низкой квалификацией».

Среди респондентов преобладают те, кто полагает, что мигранты совершают больше преступлений, чем местные жители (47%) по сравнению с теми, кто не видит особых различий между мигрантами и местными жителями по уровню преступлений (37%). Интересно, что среди одного процента развернутых ответов оказались представленными следующие точки зрения: «преступления мигрантов больше освещаются в СМИ, поэтому кажется, что они совершают больше преступлений», «возможно, есть какая-то корреляция с определенными видами преступлений», «мигранты чаще, но они поставлены в скотские условия и вырваны из привычной среды».

О том, что приезжие недостаточно уважают местные традиции, говорят 70% респондентов. Этот результат перекликается с вопросом об условиях, при которых москвичи готовы относиться к мигрантам как к россиянам. 13% участников опроса не согласны с тем, что имеет место неуважение со стороны мигрантов.

Что касается совместного обучения своих детей с детьми мигрантов, то немного более трети респондентов (38%) заявили о нейтральном отношении. В своих комментариях люди часто говорят, что не видят особых проблем в совместном обучении при условии, что дети мигранты составляют меньшинство в классе. 33% респондентов отрицательно относятся к такому обучению. Около 15% участников опроса видят положительные моменты в совместном обучении.

Ответ на вопрос о том, поддержат ли респонденты пикеты или акции, направленные против мигрантов, если таковые воз-

никнут, вызвал довольно существенные затруднения. Не смогли определиться 15% участников опроса. Большинство (64%) респондентов не намерены поддержать такие акции. Однако довольно значительная часть ответивших (15%) готовы поддержать антимигрантские выступления. Среди тех, кто дал собственный ответ много высказываний, свидетельствующих о том, что люди, давшие их, готовы принять участие при наличии неких условий: «разберусь в проблеме», «надо разобраться в причине пикетов», «зависит от повода», «сильно зависит от дополнительных вводных данных», «поддержу против мигрантов из отдельных стран». Некоторые говорят, что не примут личного участия, но будут сочувствовать таким акциям. Существенно меньше тех, кто заявил, что готов принять участие в акциях, направленных не против мигрантов, а против негативных моментов, связанных с миграцией: «поддержу противоположный пикет», «я поддержу пикет против чиновников, которые приглашают мигрантов и получают прибыли, а наших рабочих сталкивают с мигрантами», «против организаторов нелегальной миграции».

Аспектам, связанным с интеграционными возможностями мигрантов и местных жителей посвящены следующие шесть вопросов. По вопросу о том, должны ли приезжие знать местные традиции мнения разделились практически поровну: 43% считают, что они должны обладать этими знаниями и 39% так не думают. 71% респондентов считают, что ведущая роль в информировании мигрантов по вопросам традиций и культуры должна принадлежать властям, но и общественным организациям они также отводят существенную роль - 59% полагают, что они должны участвовать интеграции мигрантов. Только 3% респондентов считают, что не надо ничего предпринимать. 45% участников опроса согласны с тем, что более удачным способом информирования мигрантов о местных традициях и культуре является вовлечение их в общественную жизнь, проведение праздников и других мероприятий. Около 16% респондентов считают раздачу информационных листовок достаточно эффективной мерой и предлагают ею ограничиться. Довольно часто высказы-

вается мнение о том, что это должно быть сделано еще до приезда мигрантов в нашу страну, мигранты должны пройти специальные курсы и сдать экзамены. Подавляющее большинство (88%) респондентов заявили, что государственные миграционные центры должны заниматься не только регистрацией мигрантов, но и их культурной адаптацией. Довольно высокий процент участников опроса (43%) считает, что и местные жители должны обладать некоторой информацией о культурных особенностях мигрантов, правда много и тех, кто не считает это необходимым (39%). Больше половины опрошенных (54%) отмечают, что не стали знать больше о культурных особенностях мигрантов за последнее время, улучшили свои знания 34% респондентов. Отсутствие заметного интереса к традициям и культуре мигрантов свидетельствует о том, что настрой местных жителей на интеграцию с мигрантами скорее отрицательный, чем положительный.

Регион проекта 3. Массовый опрос населения Подмосковья

Исследование проводилось в Московской области в 1 квартале 2019 г. Целью исследования являлось изучение общественного мнения о возможностях бесконфликтной интеграции местных жителей и трудовых мигрантов.

Перед началом исследования координатором осознавалась специфика региона и необходимость учитывать при расчете выборки не только поло-возрастные характеристики населения, но и наличие разных типов поселений. Поэтому решено было учитывать мнение жителей, как крупных городов-спутников Москвы (Химки, Королев, Мытищи, Одинцово, Красногорск), так и небольших сел, расположенных за несколько десятков километров.

Несмотря на то, что квоты опроса предусматривали только распределение по полу и возрасту, мы старались учесть особенности образа жизни населения городов и поселков, близко расположенных к Москве. Те из респондентов, кто работает в Мо-

скве или часто бывает в столице по различным надобностям, имеют двойственное восприятие ситуации с мигрантами. По мнению анкетеров, рассуждая с точки зрения «работающих в Москве», эти жители Подмосковья были склонны воспринимать присутствие мигрантов, как следствие производственной необходимости и относились к этому с пониманием – нейтрально или положительно. Когда же опрашиваемые исходили из позиции жителя Подмосковья, то их восприятие становилось более негативным. Мигранты, заметно присутствующие в повседневной жизни ближнего Подмосковья, воспринимались ими теперь уже в качестве конкурентов.

Еще одна особенность касалась получения мнения жителей небольших сел, не всегда расположенных близко от Москвы. В нашем случае это села Волоколамского, Ступинского, Луховицкого, Дмитровского районов. Там тоже есть мигранты, но не в таком количестве, как в районах, расположенных ближе к Москве. При этом люди, высказывая свое отношение к мигрантам (чаще негативное), зачастую отказывались отвечать на анкеты, считая это каким-то «не совсем санкционированным» делом. На наши объяснения, что речь идет об анонимном мнении, никак не связанном с какой-либо публичной деятельностью, нам заявляли, что все же лучше обойтись без их участия, «а то вдруг чего». В итоге, в малых селах на анкету отвечали в основном те, на кого можно было повлиять через знакомых и родственников.

Другая особенность связана с тем, что труднее было получить ответы по анкете от жителей, занятых физическим трудом, не имеющих высшего образования, чем от тех, кто связан со сферой образования, управления. Последние более склонны к формулированию и выражению своего мнения и обсуждению общественных проблем. Этим объясняется тот факт, что среди респондентов 56% имеют высшее образование, тогда как среди всего населения региона доля этой категории ниже. Но нужно учесть и тот факт, что отказов от участия в опросе, по обычным социологическим меркам, было не так уж много – отказавшихся оказалось в три раза меньше, чем согласившихся отвечать на анкету. А поскольку в условиях случайной выборки, из общего

количества опрошенных лица с высшим образованием не могут составлять более половины, то налицо обычный в социологической практике пример завышения респондентами уровня образования.

Отметим, что заметное число людей считали тему опроса очень важной для своего региона, правда, в свободных комментариях отметили это не более 7%. Часть опрошенных, судя по наблюдениям анкетеров, также хотели выразить свое мнение в виде комментариев, но стеснялись. Некоторые полагали, что их высказывания будут восприняты как нелицеприятные для мигрантов, тогда как распространено представление о том, что в обществе должно доминировать дружелюбное отношение к мигрантам. Но немало было и тех, кто не стеснялся в своих высказываниях.

Большинство респондентов заявили, что имеют работу (60%), пенсионеры и студенты составили 15% и 13% респондентов соответственно. О том, что они безработные заявили только несколько человек. Говоря о своем материальном положении, большинство отметили что оно «в целом нормальное» (43%) либо «затруднительное» (36%), тогда как о «хорошем» и «тяжелом» собственном положении заявили по 7% респондентов. При этом только у 9% часто возникают опасения потерять работу, в то время как у 32% такие мысли возникают редко, а у 23% - вообще не возникают. На наш взгляд, это свидетельствует о небольших зарплатах в регионе, поскольку большинство респондентов имеет работу, которую не хочет менять, возможно из-за опасений не найти лучшую. Но уровень заработной платы не позволяет оценивать уровень своего благосостояния как достаточный: 43% респондентов назвали собственный уровень благосостояния «затруднительным или тяжелым».

Респонденты Подмосковья в абсолютном большинстве своем оказались местными уроженцами (66%) и теми, кто живет в регионе более 10 лет (27%). Среди переехавших в Подмосковье 19% приехали из других регионов страны (Брянская область, республики Поволжья, восточные регионы страны) и 13% - их стран СНГ (Казахстан, Украина, Узбекистан, Белоруссия, Арме-

ния, Азербайджан). Так же консервативными оказались респонденты в вопросе о возможном переезде из России: 75% сказали, что никуда переезжать не собираются, лишь 8% (все моложе 30 лет) собираются уехать в другую страну (страны Европы, Японию, Китай, Сингапур, Америку).

Большинство респондентов указали свою национальность – 93%, из них 5% указали двойную. Отказались сообщать национальность только 6%. Из указавших 88% определили себя как русские, 3% - россияне. Среди прочих редких ответов были «украинцы», «татары», «казахи», «аварцы», «славяне», «европейцы», «советские». Два человека специально указали, что у них «нет национальности». То есть, можно заключить, что использованная в опросе процедура фиксирования национальности способна отразить значительное разнообразие вариантов ответов респондентов.

При этом, впервые пришлось столкнуться с нежеланием нескольких молодых респондентов вписываться в привычную для всех анкет дихотомию мужского и женского пола. Два человека оставили это пункт без ответа, а один(одна) написал(-а) третью цифру в качестве выбранного варианта. Путем анализа других ответов они все же были идентифицированы в привычной классификации.

Несмотря на то, что в качестве «россиян» себя обозначили всего 3% респондентов, это не очерчивает истинные пределы распространения российской идентичности и гражданского самосознания. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос о том, в качестве кого респонденты предпочитают быть воспринятыми в повседневной жизни. Из всех опрошенных 74% сказали, что их следует воспринимать как граждан страны, кроме того, 17% сказали, что они «представители отдельной национальности» и 7% - «представители региона». В то же время, на вопрос, что для них означает «национальность», 60% респондентов выбрали вариант, что это «принадлежность к народу» и лишь 30% - «гражданство». Таким образом, можно видеть, что у большинства россиян «национальность» это не только «этничность», поскольку в обиходе постоянно используются такие выражения

как «национальные проекты» или «национальная экономика» наряду с «национальными костюмами» и «национальными песнями», и это не вызывает непонимания. Очевидно, что однозначно этнографическое понимание национальности не является всеобщим, хотя оно и преобладает.

Переходя к вопросам, характеризующим отношение респондентов к мигрантам и процедурам проведения грядущей всеобщей переписи населения в 2020 году, нужно отметить следующее: большинство респондентов, по их самооценке, предпочтет отвечать во время переписи на вопросы переписчиков по телефону, чуть меньшее количество захотело это сделать письменно, через интернет, еще чуть меньшее количество готово это сделать, посетив переписные участки и лишь 19% выбрали традиционный для прежних переписей вариант – отвечать переписчику у себя дома. Обращает на себя внимание с одной стороны, нежелание впускать переписчиков в свой дом, но, готовность, другой стороны, отвечать на вопросы переписчиков по телефону, то есть, сообщать о себе довольно подробные сведения, даже не видя собеседника. Нужно также отметить, что отказались отвечать на вопрос или заявили, что не будут принимать участия в переписи не более 5% респондентов – это обычный показатель отношения к переписи, который подтверждает правильность в настоящем опросе установленных квот для формирования выборочной совокупности.

Почти две трети респондентов указали, что считают необходимым во время переписи спрашивать человека о том, на каких языках он говорит и чуть больше трети посчитали это не нужным. На наш взгляд, это говорит о том, что языковая компетенция является важным компонентом в комплексе представлений, значимых для коллективного самоопределения и различения, кто «свой» и «чужой». При ответе на вопрос, что нужно иностранцу, чтобы его воспринимали россиянином, 58% отметили, что он именно должен хорошо говорить на русском языке. При этом, срок проживания в России и юридический факт принятия гражданства РФ имеет для респондентов гораздо меньшее значение, поскольку о длительном сроке проживания в России

как условия принятия иностранца в качестве «своего» заявили 44% респондентов, а о юридическом оформлении гражданства РФ – 43%.

Значимость представлений о важности языка усиливается тем фактом, что ситуации его использования не всегда просты: 43% опрошенных заявили, что имели затруднения в связи с тем, что работающий иностранец не знал русского языка. Это, возможно, рождает чрезмерные опасения, что люди утратят привычную языковую среду, которая раньше была «прозрачной» для них и позволяла контролировать содержание разговоров вокруг них. Это рождает дискомфорт и добавляет дополнительную эмоциональность в существующие предубеждения против мигрантов.

В тоже время, ситуация с использованием различных языков выглядит следующим образом. Около 19% респондентов отметили, что сами используют для общения с друзьями и родственниками другой язык кроме русского. Примерно в 14% случаях это касается использования языков, которые изучаются (прежде всего, студентами, живущими различных городах Подмосковья) или изучались в университете и используются по работе (английский, немецкий, французский, арабский, испанский, арабский, китайский, японский, корейский). В остальных случаях речь идет об использовании языка, который респондент считает родным, но использует наряду с русским или в гораздо меньшей степени, чем русский.

На просьбу указать свой родной язык чаще всего (97%) указывали один родной язык, но некоторые указали два и даже три родных языка. Среди этих языков, кроме русского (97%), чаще всего называли, татарский, украинский, казахский, аварский, азербайджанский. В 80% случаев у респондентов, по их заверениям, не было проблем с общением с окружающими на удобном для себя языке, но 8% респондентов заявили, что не могут говорить на своем языке, так как окружающие не знают его, а 2% респондентов сами не могут говорить на нем или испытывают смущение, когда его используют. При этом, 7% опрошенных приходилось ощущать негативное отношение к себе из-за языка.

Поскольку в нашей выборке такие случаи единичны, не более нескольких процентов, трудно оценить потребность региона в школах для обучения на языке, который граждане считают родным. Для этого нужно знать, можно ли сформировать в какой-либо из школ полный класс-комплект из учеников, проживающих в относительной территориальной близости друг от друга. Но исходя из небольшой доли заявивших об этом респондентов и отсутствия персональных комментариев с подобными требованиями, можно предположить, что в целом языковая ситуация у жителей Подмосковья удовлетворительная.

Что касается определения родного языка, то большинство ответов описывают его как язык, на котором говорит человек, язык детства, язык на котором думаю и язык семьи. Язык народа, национальности, страны региона были названы среди менее предпочтительных вариантов ответа. То есть, для большинства респондентов язык выступает как постоянно используемое средство коммуникации и элемент личной истории, а не символ принадлежности к определенной общности.

При этом, почти 80% респондентов уверены, что при переписи нужно спрашивать людей откуда они приехали, что говорит о том, что им не безразлично происхождение их сограждан или соседей, что, в свою очередь, возможно, является следствием определенной миграционной тревожности.

В тоже время, большинство респондентов 88 осознают себя пользователями услуг трудовых мигрантов и лишь 10% заявили, что вообще не пользуются их услугами. Правда, внимательнее присмотревшись к тому, какими именно услугами чаще пользуются жители Подмосковья (а программа обработки результатов опроса имеет такую возможность), можно сделать вывод, что и в этом вопросе не все однозначно. В частности, есть возможность дифференцировать услуги, предоставляемые трудовыми мигрантами в индивидуальном порядке (то есть, когда наниматель имеет выбор и выбирает именно трудового мигранта как лучшего поставщика данной услуги) и услуги, предоставляемые в общественно доступных местах, когда пользователи (обычные жители Подмосковья) не выбирают трудовых мигрантов в каче-

стве поставщика услуг, и пользуются выбором, сделанным, управляющими, компаниями, местными администрациями, транспортными и торговыми предприятиями и т.д. В такой ситуации местные жители могут быть недовольны выбором поставщика услуг и их качеством, что будет способствовать не улучшению, а ухудшению отношения к трудовым мигрантам.

В нашем случае «персональными» услугами пользуются чуть более 10% ответивших, услугами «в общественных местах» 65% респондентов, еще 23% ответов были посвящены услугам «смешанного типа». Это означает, что большинство респондентов не являются инициаторами использования услуг трудовых мигрантов, но являются их потребителями, проявляя иногда критическое отношение к уровню предоставляемых услуг и самому факту найма иностранцев. Наиболее востребованными, по мнению респондентов, оказались такие виды услуг как «уборка и благоустройство территории», «услуги в магазинах и рынках», «кафе, рестораны и гостиницы», «общественный транспорт», «жилищно-коммунальные услуги». Тогда как «ремонт жилья и автомобиля», «работа на дому», «работа на даче приусадебном участке», «уход за больными, детьми престарелыми», «медицинские услуги» оказались гораздо менее популярными, возможно в силу недостаточности финансовых средств. Напомним, что почти 47% опрошенных оценили свое материальное положение как «затруднительное и тяжелое». В таких условиях они вряд ли могли бы позволить себе быть нанимателями трудовых мигрантов и скорее остаются наблюдателями, причем, не всегда доброжелательными.

Поскольку заметное присутствие в регионе трудовых мигрантов, услуги которые не могут быть использованы большинством жителей, не получает логичного, комфортного для них объяснения, то оно может становиться фактором формирования антимигрантских настроений: «понаехали люди, которые ни мне, ни моим знакомым или родственникам здесь не нужны». Тогда как в условиях осуществления организаторами услуг трудовых мигрантов (коммерческих фирм, управляющих компаний,

местных органов власти) соответствующего информационного обеспечения, восприятие труда мигрантов могло бы быть иным.

Пока же доминирует нейтральное отношение к воздействию труда мигрантов на жизнь респондентов: от 50% (безопасность) до 69% (здоровье). Однако только 7% респондентов отметили положительное влияние их работы на собственное трудоустройство, 4% - на собственный заработок, 3% - на здоровье и 6% - на собственную безопасность. А вот отрицательное воздействие на эти аспекты собственной жизни отметили соответственно 21, 20, 13 и 29 процентов респондентов.

На то, почему 21% опрошенных считают, что мигранты отрицательно влияют на их трудоустройство, влияет недостаток доступной для респондентов информации о том, как происходит набор иностранных работников в тех или иных отраслях. Людям кажется, что именно их обошли вниманием и они «менее достойны». Сходным образом у местных жителей формируется представление, что мигранты отрицательно влияют на возможности заработка, как это отметили 20% респондентов. Мигранты действительно имеют более скромные требования по размерам оплаты труда, и это позволяет работодателям снижать средний уровень заработка. Гораздо меньше распространено мнение об отрицательном воздействии мигрантов на здоровье респондентов – 13%. Высказавшие такие суждения приводят аргументы о «некачественном медицинском обслуживании», поскольку мигранты активно трудятся в качестве санитарок, медсестер и врачей в учреждениях здравоохранения Московской области. Говоря о влиянии на здоровье, респонденты указывают на «плохую уборку территории», «недостаточную и несвоевременную очистку крыш от снега, что приводит к травматизму населения». Есть и такие утверждения, мол, «отсутствие действенного медицинского осмотра превращает мигрантов в разносчиков опасных болезней».

Что касается убеждения 29% участников опроса в том, что мигранты отрицательно влияют на безопасность жителей Подмосковья, то по их собственному мнению оно основывается как на личном опыте, так и распространенных стереотипах: «попа-

дал в ДТП с участием мигрантов», «таксисты-мигранты вообще игнорируют правила движения», так и на информации из криминальных хроник и непроверенных сведений из интернета: «вызывает опасение рост наркоугроз от мигрантов из средней Азии и Украины, исламский фундаментализм некоторых из них». Это повышает ответственность правоохранительных органов как за организацию контроля за подготовкой водителей, так и за разъяснение населению. Действительного состояния дел в части угроз наркотрафика и экстремизма.

Если рассмотреть сочетание суждений каждого респондента, то откажется, что совокупно положительных суждений по перечисленным аспектам наберется только 4%, причем, респонденты-женщины в два раза реже, чем мужчины, склонны к положительным оценкам. Среди преобладающих мнений нейтрального характера (всего 75%), высказывания женщин немного превышают, те, что отметили мужчины, а среди авторов отрицательных мнений (21%) незначительно доминируют мужчины. То есть, женщины определяют тему миграции и мигрантов как не очень значимую для себя, предпочитая оставаться нейтральными.

Результаты в целом не удивительны, поскольку информационная среда вокруг мигрантов носит преимущественно негативный характер: почти 70% респондентов отметили, что в СМИ чаще им предлагают информацию о мигрантах криминального характера. Один из респондентов даже сообщил в комментариях: «мы уже устали от криминальных новостей про мигрантов». Если учесть, что большая часть населения не является активным пользователем услуг мигрантов и большая часть информационного пространства вокруг мигрантов имеет негативную коннотацию, то можно сказать, что в Подмоскowie существует ограниченное пространство формирования положительного образа мигрантов.

Не случайно, поэтому, что некоторая часть жителей не видит положительного эффекта от присутствия мигрантов: 14% респондентов считают, что из-за приезда мигрантов растут цены на продукты (но 66% так не думают). Важно однако и достаточ-

но тревожно, что 31% опрошенных полагают, что приезжие отнимают работу у местных жителей в Подмоскowie (35% считают, что местные сами не идут на эти рабочие места, а 27% думают, что имеет место и то и другое). Наконец, 38% участников опроса считают, что мигранты совершают больше преступлений (с ними не согласны 41% ответивших). Как уже отмечалось, в случае формирования подобных представлений очень трудно отделить мифы и предубеждения от реальных коллизий, связанных с отсутствием взаимопонимания между местными жителями и мигрантами. Но именно такая ситуация является благодатной почвой для взращивания ксенофобских и националистических предубеждений, которые могут стать источником локальных конфликтов.

Нетрудно понять, откуда берется убеждение трети респондентов в том, что приезжие отнимают работу у местных жителей: они постоянно видят работающих трудовых мигрантов, при этом, не являясь инициаторами их привлечения в Подмоскowie и не имеют информации о том, почему именно мигранты выполняют те или иные работы, на каких условиях они работают. Отсюда, якобы, легко сделать вывод, что мигранты работают «вместо» местных жителей, поскольку неизвестно, почему и для кого выгоднее использовать труд мигрантов.

Не вызывают затруднений также поиски источника представлений о том, что мигранты совершают больше преступлений. Это не удивительно, если учесть что большинство респондентов получают в СМИ информацию о мигрантах преимущественно в криминальном контексте.

Менее очевидно происхождение убеждения (58%) по поводу того, что мигранты «мало уважают местные традиции», тем более, что у опрашиваемых нет четкого представления о «местных традициях». Скорее всего, подобное мнение рождено из ощущения присутствия людей иначе выглядящих, по-другому говорящих, мало общающихся с местными жителями. Тем более, что и сама необходимость присутствия в «нашем» городе этих людей для многих местных жителей не очевидна. Представляется очень верным замечание одного из участников опро-

са, который написал в комментариях: «они просто живут своими традициями». Но ничто не мешает другому человеку домыслить «живут своими традициями, игнорируя наши» и построить на этом свои антимигрантские убеждения. С другой стороны, мигранты, не дождавшись активной интеграционной политики, построили собственную инфраструктуру (питание, парикмахерские, магазины, поликлиники) и теперь могут жить «по своему», почти не пересекаясь с местными жителями, усиливая тем самым «пространство отчуждения». Именно это воспринимается как «неуважение», то есть, не следование «нашему» привычному укладу, поскольку делает «наш» город доступным для людей, живущих «не по-нашему». Видимо поэтому 84% респондентов отметили, что приезжие из других регионов России (а не только иностранные трудовые мигранты) должны знать о местных традициях, чтобы не выглядеть совсем «не по-нашему».

Такое восприятие повлияло и на выработку поведенческих стратегий жителей Подмосковья в отношении мигрантов: 17% респондентов отнесутся положительно к обучению своих детей или внуков с детьми мигрантов, однако 22% воспримут это отрицательно, а 52% - нейтрально. Как видим, количество положительных и отрицательных настроенных по отношению к совместному обучению с мигрантами примерно равны, но большинство – это те, кто относится к проблеме нейтрально, кого это на данный момент не заботит.

Несмотря на то, что меньшая часть – 18% опрошенных – готовы поддержать пикеты против мигрантов, а 57% настроены однозначно против пикетов, этот показатель не может не беспокоить. Даже, если учесть, что желание выступить против является лишь декларацией, а не программой действий.

Сложившуюся ситуацию в локальных сообществах во многом проясняют мнения опрошенных о межгрупповых отношениях. На вопрос, приходилось ли им испытывать негативное в свой адрес отношение из-за национальности, языка, религии, 18% респондентов заявили, что испытывали к себе негативное отношение, но 77% респондентов ответили, что не испытывали ничего подобного. Это означает, что изменения, произошедшие

за последние годы, вызванные появлением и соседством людей с другим языком, традициями, религией, не стали источником негативного влияния на социально-культурное самочувствие большинства местных жителей. Это и позволяет респондентам сохранять нейтральность и не вовлекаться в активные антимигрантские настроения и, тем более, действия. Характерна слабая подверженность большей части респондентов мобилизации на этнической и тем более, националистической, основе, поскольку большинство из них предпочли бы, чтобы их в повседневной жизни воспринимали бы в качестве граждан страны, а не по этническим характеристикам. Это позволяет не превращать существующие среди части местных жителей конфликтные настроения в базу для формирования массовой антимигрантской идеологии. Показательно, что некоторые из респондентов подчеркнули, что могут поддержать пикеты против мигрантов только в том случае, если в основе будет лежать какой-то криминальный инцидент. А были и такие, которые сказали, что готовы, скорее выйти поддержать пикеты в защиту мигрантов.

В итоге, несмотря на то, что примерно пятая часть опрошенных сохраняет устойчивый антимигрантский настрой, большинство респондентов готовы к различным формам взаимодействия с мигрантами. Так 59% из них считает, что нужно стремиться интегрировать мигрантов, но 22% считает, что этого делать не надо. Среди способов интеграции, большинство (59%) считают, что нужно привлекать мигрантов к участию в общественной жизни, спортивных мероприятиях и праздниках, тогда как 13% полагают, что достаточно раздать им специальные брошюры, а 9% уверено, что ничего в этом направлении делать не нужно.

Отрадно, что люди готовы более тесно общаться с мигрантами, а не ограничиваться раздачей брошюр, но и этого явно не достаточно, поскольку недоверие и настороженность к иным культурным традициям является лишь одним из источников мигрантофобии. Не менее значимым, как это показано выше, является представление о том, что мигранты работают в Подмосковье не в интересах всего производственно-хозяйственного ком-

плекса региона, а значит и живущих тут людей, а согласно каким-то другим мотивам, которые зачастую непонятны местным жителям. Как представляется, преодолеть такие представления больше помогло бы повседневное общение и взаимодействие в рамках решения общих задач, но и совместное участие в праздниках и массовых мероприятиях будет способствовать преодолению взаимного недоверия.

По поводу того, кто должен информировать мигрантов о традициях и культуре России мнения разделились примерно пополам: 46% ответов было за то, что это должны делать власти и 42% - общественные организации. Это согласуется с позицией руководства страны, определившего содействие интеграции мигрантов в качестве социально-значимой задачи и одного из направлений деятельности общественных организаций в рамках президентского гранта.

Еще более охотно (86%) респонденты согласились доверить функцию информирования мигрантов о культуре России миграционным центрам, где мигранты оформляют документы необходимые для работы. С одной стороны это выглядит логичным, но, с другой стороны, трудно представить, когда и в какой форме во время прохождения всех необходимых регистрационных процедур мигрантам будет предоставляться эта информация. Очевидно, в ответе на данный вопрос возобладала поверхностная логика внешних наблюдателей: если там занимаются миграционными документами, то пусть и занимаются информированием мигрантов о культуре. Но были и другие мнения, некоторые респонденты отмечали, что миграционные центры и так не справляются с возложенными на них функциями и часто образуют очереди. Хотя очевидно, что это единственное место, которое не может миновать легальный трудовой мигрант, и целесообразно использовать возможности информирования посетителей миграционного центра о культурных особенностях принимающего общества. Встречались также предложения, чтобы информированием мигрантов по части культуры занимались все жители Подмоскovie в ходе повседневного общения с ними.

Более того, большинство жителей региона не только готовы быть пассивными свидетелями активности мигрантов в деле интеграции в подмосковном сообществе, но и сами хотят узнать культуру мигрантов. Среди опрошенных 48% считают, что местные жители сами должны знать что-то о традициях и культуре мигрантов. Но не согласны с этим 34%. В комментариях некоторые респонденты уточняют, что нужно для лучшей коммуникации и что неплохим интеграционным ресурсом выступает национальная кухня. Противники интеграции считают, что и так мигранты «навязывают свою культуру», так что никаких особых усилий «с нашей стороны» предпринимать не надо.

Несмотря на то, что большинство жителей декларируют необходимость местным жителям знать культуру мигрантов, сами они очень сдержанно оценивают свои успехи в этом вопросе. Только 34% опрошенных считают, что они за последнее время узнали что-то новое о культуре мигрантов, тогда как 56% уверены, что ничего такого не произошло. Некоторые респонденты констатируют вынужденный характер своей интеграции в культуру мигрантов, но не отрицают наличие этого процесса. В целом, по итогам ответов на последние два вопроса можно оценить потенциал приобщения местных жителей к культуре мигрантов: 41% настроены на интеграцию мигрантов и с культурой мигрантов, тогда как 45% относится к этому отрицательно. Как представляется, это отражает реальные настроения в подмосковном обществе, когда острого неприятия мигрантов, приезжих, носителей другой культуры не наблюдается, но и до создания благожелательной по отношению к ним обстановки еще далеко.

Это видно и по ремаркам респондентов о теме опроса: «нашим гражданам требуется больше терпения и понимания к представителям других национальностей». Но чаще встречались замечания иного характера: «важно держать данный вопрос под присмотром, чтобы не было опасно русским жить в России», «многие приезжие только и живут и хотят, чтобы мы все им давали, все условия жизни. А мы все терпим», «в московском регионе огромное количество мигрантов», «тема актуальная пото-

му как город Химки переполнен мигрантами», «уделяется большое внимание мигрантам, а не местным, их жизни», «очень важная тема, необходим контроль миграции», «хотелось бы, чтобы при устройстве на работу, учебу, при получении жилья, преимущество было у россиян». Как видим, часть респондентов считает именно мигрантов ответственными за угрозы различного характера в отношении местных жителей и даже подозревает власти в чрезмерной лояльности к мигрантам и пренебрежением мнений местных жителей. Хотя подобные мнения не являются доминирующими среди респондентов, но так думает примерно пятая часть участников опроса, и, значит, в масштабах региона подобные настроения могут овладевать сотнями тысяч людей.

Регион проекта 4. Массовый опрос населения в Пермском крае

Опрос по изучению вопросов миграции в России проходил в г. Перми и Пермском районе в первом квартале 2019 г. Опрос проводили сотрудники сектора этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН Каменских М.С., к.и.н., старший научный сотрудник и Черных А.В., доктор исторических наук, член-корр. РАН, зав. сектором.

Анкетеры на момент проведения исследования неоднократно участвовали в подобных мероприятиях и имели опыт проведения этнологических и этносоциологических исследований. Перед непосредственным началом работы все они прошли инструктаж. Опрос организован в соответствии с инструкцией.

Для организации массового опроса региональным координатором (руководителем) закреплены за анкетерами маршрутные листы. Опрос проводился на 10 участках: 1) среди студентов и преподавателей Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (анкеты № 1-35, 169-192, 313; 2) среди родителей обучающихся МАОУ «Гимназия № 2» г. Перми (анкеты № 80-168, 223-230, 281-300, 310); 3) жителей Ленинского района (анкеты № 48-66); 4) жителей Свердловско-

го района (анкеты № 194-222), 5) работников и посетителей Пермского дома народного творчества (анкеты № 67-79); 6) студентов и преподавателей Пермского государственного национального исследовательского университета и Пермского национального исследовательского политехнического университета (анкеты № 36-45, 245-273); 7) работников и посетителей музея «Россия – моя история» (анкеты № 46-47, 274); 8) жителей Индустриального района г. Перми (анкета № 309); 9) жителей с. Лобаново Пермского муниципального района (анкеты № 193, 231-244, 275-281, 301-308, 311); 10) жителей д.Кичаново Пермского муниципального района (анкеты № 312, 314). Анкетирование проводилось непосредственно участниками опроса, анкеты заполнялись респондентами в месте учебы/работы и домашних условиях, после чего передавались анкетеру. Коллективного заполнения анкет также не допускалось. Согласно требованиям, в опросе приняли участие 130 (43,3%) мужчин и 170 (56, 7%) женщин. В разрезе на возраст респондентов можно распределить следующим образом: 18-29 лет – 30 мужчин и 32 женщины – всего 20,7%, 30-59 лет – 75 мужчин и 88 женщин, 60 лет и старше – 25 мужчин и 50 женщин – 25%. Таким образом, требования квоты были соблюдены, данные по итогам опроса были сформированы в электронную базу. Всего было заполнено 423 анкет, для составления базы были использованы 300 с учетом соблюдения установленных квот, в том числе 32 жителей пригородного Пермского района.

По национальному составу 94,4% респондентов составили русские, 2,6% - татары, 2,2% - коми-пермяки, чуть меньший процент опрошиваемых указали свою национальность как «россиянин(-ка)» - 1,9%. Также в опросе приняли участие белорусы (1,1%), и получен ответ «славяне» (1,1%) о национальной принадлежности. По 0,7% респондентов отнесли себя к удмуртам, украинцам, еще 0,7% не отнесли себя ни к какой национальности. На долю других национальностей пришлось – 3,7%. Эти данные коррелируют с этническим составом Пермского края (85% - русские, татары и коми-пермяки – 3-5%, остальные – не более 2%). При ответе на вопрос о второй национальности доля

указавших свою принадлежность к русским в качестве первой национальности составила 93,7%, в качестве второй национальности – у 7,7%. По 11,5% респондентов указали в качестве второй национальности «коми-пермяки» и «белорусы», 19,2% - татары. Двойная национальность «русские и татары» по итогам опроса оказалась наиболее распространенной и составила 15,4%, чуть меньше (11,5%) у смешанной национальности «русские и белорусы», 7,7% - «русские и удмурты».

Из всех участников опроса родной язык указали 96,3% опрошиваемых, два родных языка – 3,3%, три родных языка и более – 0,3%. Данные о родном языке распределились следующим образом: русский – 96,3%, татарский и украинский – по 1%, 0,7% указали немецкий, по 0,3% - коми-пермяцкий, латышский, болгарский, корейский. На долю других языков пришлось 2,4%. В общей сложности данное распределение коррелирует с особенностями этноязыкового состава населения Пермского края. В развитие вопроса о родном языке респондентам, не общающимся на нем, было предложено проанализировать причины, почему они этого не делают. Как показали ответы, для 73,3% эта проблема не существует, так как они общаются на родном языке, 5% не общаются на родном языке, так как его не знают окружающие, а 2% - потому что сами плохо его знают. А еще 17,3% затруднились с ответом. В целом, для незначительной доли ответивших родной язык не является основным языком для общения, а языковой барьер не является серьезной проблемой для подавляющего большинства респондентов.

Свое образование 54% участников отметили как высшее, 14% - неоконченное высшее, а 20,3% имеют среднее специальное образование. Материальное положение за последний год большинство респондентов оценили как «в целом нормальное» (48,7%), «затруднительным» его назвали 26%, а «хорошим» - 12,7%. Еще 5,7% оценили свое положение как «тяжелое». Ответы на данный вопрос позволяют заключить, что у респондентов нет серьезных трудностей в жизни, и поэтому они оценивают свое положение как «в целом нормальное».

С точки зрения места жительства 84,7% респондентов проживали в Пермском крае с рождения, а также жили на указанной территории свыше 10 лет - 98% опрошиваемых. Остальные ответы распределились следующим образом: «Не более 10 лет» и «Не более 5 лет» - 0,1%; респондентов, ответивших о длительности проживания в регионе «Два года и менее» не оказалось. Как показали ответы на вопрос о месте рождения 84,7 % участников анкетирования проживали на момент опроса в Пермском крае с рождения, 10% приехали из других регионов России, и только 16 человек (5,3%) родились в другом государстве (в том числе в республиках СНГ). Вопрос о возможности переезда в другие территории, показал, что большинство респондентов (67,3%) не планируют переезд из Пермского края, 7,3% опрошиваемых готовы переехать в другой регион, а 7% - в другую страну, затруднения в выборе ответа были вызваны у 15% (45 человек). Таким образом, выборка представляется репрезентативной и отражающей взгляды населения Пермского края.

Полученные в ходе анкетирования ответы показали следующие результаты. В ответе на первый вопрос респондентам требовалось указать, какой вариант переписи 2020 г. был бы наиболее удобен. Из предложенных вариантов самым популярным (32,3%) стал «Отвечать письменно через интернет». Чуть меньше ответили «Отвечать переписчику у себя дома» (20,3%) и «Отвечать по телефону» (26%). Посетить переписной участок в своем районе согласны 12%, а затруднились ответить 5,7%. Из предложенных респондентами 11 вариантов ответов, самым популярным стал вариант комбинации «Отвечать дома» с другими ответами.

На вопрос «Нужно ли при переписи спрашивать людей, какие языки они знают» большинство (59%) ответили «нужно». Не нашли в этом необходимости 32,3%. Затруднились ответить 6,3%.

Респондентов также просили объяснить, что такое родной язык. Всего на вопрос; получено 254 ответа, из которых 21,5% считают, что родной язык - это язык общения в детстве; в

19,4% ответов респонденты назвали родным языком постоянный/привычный язык, на котором говорят, а 17,2% посчитали родным язык семьи/родственников. Для части респондентов вопрос вызвал ассоциации с родным языком, и в данной графе были указаны конкретные языки, которые респонденты посчитали родными. Русский язык назвали родным 18,6%, татарский 0,4%, а также коми-пермяцкий, грузинский. Менее популярными ассоциациями с родным языком стали варианты «На котором думаю» (7,9%), «Язык народа/национальности» (5,4%), «Язык страны/региона» (5%). Еще 1,1% респондентов назвали родным «государственный язык». На данный вопрос также было получено 10 собственных ответов – «язык, изучаемый в школе», «тот, на котором я без труда передам все свои эмоции», «язык - это основа всего, он всегда найдет работу», «носителем какого языка являюсь», «умение извлекать смысл сказанного на данном языке», «официальный язык», «на котором снятся сны», «язык, на котором разговариваешь с рождения или большую часть своей жизни».

Респонденты на вопрос «Национальность – это гражданство или принадлежность к народу?» в подавляющем большинстве (73,7%) придерживаются последнего определения. отождествляют понятия гражданства и национальности 23,7%, еще 1,3% опрошенных дали другой ответ или затруднились ответить. Касаемо вопроса о предыдущем месте жительства мигрантов, 246 респондентов (82%) указали, что при переписи его необходимо указывать. Не увидели в этом необходимости 14,7%, по 1,7% затруднились с ответом или дали свой вариант ответа. Мнения, сформулированные в собственных ответах респондентов, разделились – «если они получили гражданство РФ, нужно спрашивать страну, откуда они приехали, и относить их в отдельную группу», «без обязательности ответа», «нужно, вопрос скорее даст ответ о тенденциях мигрантов», «для статистики нужно», «непринципиально». Таким образом, почти для половины опрошенных неважно, укажут ли мигранты, откуда они приехали, значительная часть респондентов считает, что эти данные нужны для статистики.

В анкетах респондентам требовалось указать, сталкивались ли они с проблемами из-за того, что работающий иностранец плохо знает русский язык. На этот вопрос 18,7% ответили утвердительно, а у 75,7% опрашиваемых такие проблемы не возникали. Еще 3% затруднились ответить. В целом, можно сказать, что иностранцы хорошо владеют русским языком и у них не возникает проблем при общении с местным населением.

Интересными представляются и ответы на вопрос «Что нужно иностранцу, чтобы Вы воспринимали его россиянином?». Ни один из предложенных вариантов ответов не набрал более 35%. Самыми популярными, и вариантами, стали «Должен хорошо знать русский язык» (33,9%) и «Должен много лет прожить в России» (30,3%). Еще 25,8% опрашиваемых считали, что мигранту необходимо получить гражданство РФ, чтобы его воспринимали соотечественником. Этот вопрос стал лидером по количеству полученных собственных ответов – всего 32. Большинство респондентов предложили дополнительные условия кроме предложенных вариантов, среди которых – знание культуры, традиций, истории: «должен хорошо знать все наши обычаи, традиции, праздники, следовать им», «знать не только язык, но и культуру, традиции - принимать в них участие», «не только знать язык, но и историю и культуру РФ», «знать историю», «уважать русскую культуру и людей», «читать традиции», «знать и уважать традиции», «много лет жить в России и знать язык», «принятие культурных ценностей и традиций», «знать историю страны». Для многих важным фактором принятия иностранца является соблюдение им законов страны: «не нарушать закон», «знать и чтить законы России», «соблюдать законы России», «соблюдать законы РФ». Также зафиксированы варианты, связанные с внутренними мотивами проживания в стране: «он должен идентифицировать себя русским», «доброжелательное отношение к гражданам России, считать себя россиянином», «необходимо принять русский менталитет», «должен любить Россию и думать, как россиянин», «душа». Также нашлись респонденты, которые не хотят принимать иностранцев: «иностранец всегда иностранец, он принадлежит к другой культуре, даже при

освоении российской культуры, для него преобладает его родная», «всегда останется иностранцем», «сделать закрытый город от иностранцев», «я не буду воспринимать его россиянином», «он должен родиться в России», «чтобы они уехали к себе на родину», «никакой из вышеперечисленных факторов, по моему мнению, не дает право иностранцам говорить, что он россиянин». Как видно, в ментальном дискурсе местных жителей, судя по всему, существует проблема неприятия иностранцами местных обычаев. Это может быть это связано как с дискомфортом и неспособностью жить в поликультурной среде, так и существующим недовольством местного населения поведением «приезжих». Только один из респондентов отметил, что «главное воспринимать его как человека». Таким образом, проблема восприятия культуры мигрантов местным сообществом, как показали результаты опроса, является одной из наиболее острых.

При ответе на следующий вопрос требовалось указать, в каких сферах экономики возможно применение труда мигрантов. Из предложенных респондентам нескольких вариантов ответов самым популярным (23,%) стал «Уборка и благоустройство территории». Чуть менее востребованной сферой применения труда мигрантов стала «Услуги в магазинах, на рынках» - 19,1%. От 5 до 10% набрали ответы: «Работа по найму у граждан (на приусадебных участках, няни в семьях и др.)» (8,3%), «Жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, электропроводке и прочему» (5,9%), «Ремонт жилья или ремонт автомобиля» (7,1%), по 7,8% набрали варианты «Охрана жилья, парковок и прочего» и «Общественный транспорт», 8,6% указали «Кафе, рестораны, гостиницы». Не более 2% указали «Медицинские услуги», и свой вариант – 1,5% и 1,3% соответственно. Небольшая часть респондентов заявили, что не пользуются никакими услугами мигрантов (7,1%) и затруднились с ответом 1,8%. Если принять общую сумму ответов за 100%, то более (56,7%) всего набрал вариант «Уборка и благоустройство территории»; 45,7% - вариант «Услуги в магазинах, на рынках». От 15% до 20% у вариантов «Жилищно-коммунальные услуги по сантехнике, электропроводке и прочее» (14%), «Ремонт жилья или ремонт

автомобиля» (17%), по 18,7% «Общественный транспорт» и «Охрана жилья, парковок и прочего» и 20,7% «Кафе, рестораны, гостиницы». Обращает на себя внимание и тот факт, что респонденты не видят мигрантов в ключевых отраслях экономики, они готовы оставить мигрантам только сферы технического и обеспечивающего характера. При анализе собственных ответов респондентов этот тезис подтверждается. На данный вопрос было получено 10 собственных ответов, самый распространенный из которых – «строительство» или «ремонт обуви, одежды». Один зафиксированный ответ «языковая школа» говорит о готовности изучать язык под руководством его носителя. Интересен тот факт, что в бланках ответов на данный вопрос не удалось зафиксировать негативных отзывов, то есть жители готовы делиться рабочими местами с мигрантами. В целом ответы свидетельствуют, что респонденты нейтрально относятся к труду мигрантов в целом, но не видят их в ключевых отраслях экономики.

Если говорить об использовании труда мигрантов, то 78,7% опрошиваемых подтвердили, что пользуются их услугами. Из них доля использования персональных услуг составляет 9,2%, услугами в общественных местах пользуются 67,7%, а ответов по типу услуг смешанного типа было 149 (23,1%). Совсем не пользуются услугами трудовых мигрантов 51 респондент, что составляет 17%, затруднились ответить 13 человек (4,3%). Вариантов услуг, где труд мигрантов не нужен, либо услуги в регионе отсутствуют, по итогам опроса не оказалось.

О влиянии привлечения мигрантов на трудоустройство местного населения можно судить по ответам на следующий вопрос: 76,3% респондентов не отметили никакого влияния, еще 4% считают это влияние положительным, а 9% - отрицательным. Чуть больше, 9,3%, затруднились дать ответ. Полученные данные позволяют заключить, что местное население в большинстве нейтрально относится к трудоустройству мигрантов и не отзывается негативно о работающих иностранцах.

В вопросах о влиянии работы мигрантов на заработок, здоровье и безопасность респондентов получились следующие

данные: 226 респондентов (75,3%) не отметили никакого влияния присутствия мигрантов на заработок, положительное влияние обозначили 1,7%, а отрицательное – 9,7%, затруднились с ответом 36 респондентов, что составляет 12%. Никакого влияния работы мигрантов на здоровье не было указано у 78% респондентов, отрицательное влияние отметили 24 человека (8%), положительное – 4,7%, затруднились с ответом 8,7%. Что касается влияния работы мигрантов на безопасность респондентов, то большинство опрошиваемых (61,7%) не отметили никакого влияния, 22,7% сообщили об отрицательном влиянии, а 3,7% - о положительном, затруднились ответить 11%. В 1% собственных ответов респонденты предложили «не связываться с мигрантами». В целом рейтинг стереотипных суждений респондентов о мигрантах показывает, что большинство (72,8%) относятся к мигрантам нейтрально, 12,3% - отрицательно, 3,5% положительно. Затруднились ответить 10,3%. Что касается состава стереотипных суждений о влиянии трудовых мигрантов на местных жителей, то большинство (874 ответа) занимают нейтральную позицию. Отрицательно мыслящие респонденты о влиянии трудовых мигрантов на занятость, доходы, здоровье и безопасность дали 148 ответов, а положительные стереотипы нашли выражения в 42 ответах. По отношению к оценке деятельности трудовых мигрантов лично для каждого респондента, большинство ответов (85%) показали нейтральную или неопределенную оценку, положительно оценили это 10 респондентов (3,3%), а отрицательно – 11,6% (35 человек).

Таким образом, для большинства респондентов проблема конкуренции с мигрантами за заработок не существует, либо они с ней просо не сталкиваются. Как тревожный отмечается факт превышения количества негативно настроенных в этом вопросе респондентов в сравнении с теми, кто видит положительное влияние мигрантов на личных заработок, здоровье и безопасность.

Следующий вопрос касался информации о мигрантах, транслируемой СМИ. В ходе опроса получены следующие ответы: большинство респондентов (172 человека или 57,3%) отме-

тели, что информация о криминале встречается чаще, чем о культуре. Респондентов, считающих, что информации о культуре мигрантов больше, чем о криминале, значительно меньше – 13,3%. Затруднились с ответом 23,3%. Собственные ответы представили 18 человек (6%), из них самыми популярными вариантами стали «не смотрю ТВ» и «разное», «50/50». Было также отмечено «мало новостей о мигрантах» и «о культуре народностей мигрантов мало информации». На основании ответов респондентов можно предположить, что в СМИ для респондентов тема миграции является не самой популярной и транслируемой.

В вопросе о влиянии мигрантов в регионе на цены на продукты значительная часть респондентов (76,7%) отметили, что цены никак не связаны с мигрантами. Затруднились дать ответ на этот вопрос 44 человека (14,7%), а 6,7% заявили, что из-за приезда мигрантов растут цены на продукты.

Мнение о том, что мигранты отнимают работу у местных жителей, у респондентов не представлено, с этим согласились только 15,7%. Для 57% участников опроса наиболее приемлемым является вариант «Местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места», а 16,7% респондентов поддержали оба названных варианта. На данный вопрос получено 8 собственных ответов (2,7%). Из них два могут быть оценены как нейтральные: «если человек хочет, он всегда найдет работу» и «работы хватает всем»; один не нашел взаимосвязи в данном вопросе; и еще один указал, что «работодатели не хотят оплачивать некоторые профессии на должном уровне, местные жители не готовы выживать, а приезжие соглашаются из-за безвыходной ситуации». Таким образом, принимая во внимание фактор, что большинство респондентов являются работающими людьми, можно сделать вывод, что большая часть населения региона не воспринимают мигрантов как угрозу для своей или других местных жителей работы. Куда популярней уверенность, что занимаемые мигрантами рабочие места не интересуют местных жителей. Также респондентам было предложено высказаться по поводу опасений о потере собственной работы. Практически

одинаковое количество человек указали, что опасения потерять работу возникают редко или никогда не возникает таких опасений – 28,3% и 27% соответственно. 28% в анкете указали, что не работают. Затруднились ответить 6% и лишь у 8,3% возникают опасения потерять работу.

Если говорить о нарушениях закона и преступлениях, то респонденты в большинстве не склонны различать мигрантов и местных жителей: 62% опрошенных указали в анкете, что не видят особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности. 15% затруднились с ответом, а 20,3% выбрали вариант «Мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители». Оставленные 8 комментариев не дают однозначно судить о мнении местных жителей по этому вопросу, 3 человека поддержали мнение, что мигранты гораздо реже совершают преступления – «местных бандюг больше», «мигранты совершают преступления реже», «местные чаще»; 2 респондента отметили, что «делают громкие дела из происшествий с мигрантами», «отчасти зависит от конкретного случая», один ответил «не имею информации», другой написал «скорее 2 вариант» (т.е. «нет особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности. И только один респондент заявил по этому вопросу, что «благодаря мигрантам растет преступность, если их не будет - уровень преступности будет намного ниже».

Респонденты преимущественно согласились в вопросе относительно недостаточного уважения местных традиций приезжими (как уже было показано в предыдущих вопросах): 49,3% согласны с этим тезисом, практически одинаковое количество опрошиваемых не согласны или затруднились ответить 24,7% и 22,7% соответственно. При анализе собственных ответов респондентов получается следующее: три человека отметили: «это всё индивидуально», «зависит от отдельных людей», «зависит от конкретного случая, нельзя всех мигрантов рассматривать как единую массу». Еще трое отметили, что «да и местные не всегда уважают местные традиции», «приезжие чтут свои традиции, в отличие от местных жителей» и «местные традиции практически отсутствуют»; один респондент написал «частично

согласен», двое с негативным отношением – «согласен, люди ... несут свою культуру», «не видно, но это присутствует» и еще один говорит о нейтральном отношении мигрантов к местным традициям - «они к ним равнодушны». В целом, как и в предыдущих ответах видна проблема неприятия местным населением мигрантов из-за их «неуважительного отношения» к местным обычаям.

Респонденты заняли в большинстве своем нейтральную позицию и в вопросе относительно возможностей перспектив совместного обучения их детей или внуков с мигрантами: 59,7% отнесутся к этому «нейтрально», 17,7% восприняли бы это даже положительно, что выше количества тех, кто отнесся бы к этому отрицательно (15,3%). Количество отрицательно относящихся к обучению своих детей с мигрантами лишь на одного человека отличается от тех, кто считает, что мигранты отнимают работу – 46 и 47 человек соответственно. В общей сложности осторожное отношение респондентов к этой ситуации демонстрируют и комментарии. На данный вопрос получено 9 своих вариантов ответа. Для некоторых играет роль национальность и поведение мигрантов - «зависит от национальности мигрантов», «смотря кто», «отношение зависит от поведения самих мигрантов», «если нет переборов в поведении, то нейтрально», «смотря какое отношение». У одного респондента страх в отношении здоровья – «боюсь распространения среди мигрантов специфических болезней», еще один готов согласиться на совместное обучение, если «совместное обучение не мешает в полном объеме русским детям получать знания». Только один положительно воспринял идею совместного обучения - «положительно, необходимо учиться взаимодействию с разными представителями общества». Наличие большого количества нейтрально относящихся к данной перспективе респондентов свидетельствует, что эта проблема еще не существует в жизни местного сообщества.

Нейтральное в целом отношение к миграции отразилось и на общественной позиции респондентов в отношении миграции: 64,7% написали в ответах, что никогда не выйдут и не поддержат пикеты или митинги против мигрантов, поддержать та-

кие мероприятия согласны только 7,3%, еще 25% затруднились с ответом. Комментарии к этому вопросу также не были единодушны. Большинство отметили свою позицию как нейтральную (3 ответа), один воздержался от комментариев, еще один ответил «не участвую». Некоторые формировали свое решение от причин акции: «зависит от пикета», «по какому поводу?», а также «поддержу санкционированные акции».

На вопрос «Должны ли приезжие из других регионов России знать о местных традициях?» большинство (230 человек или 76,7%) ответили «да». Отрицательно на этот вопрос ответили 13,3% респондентов. Затруднились с ответом 6,7%. Если говорить об ответах, оставленных респондентами, то мнения разделились. Из 10 полученных комментариев нет единого мнения. Некоторые заявляют: «обязательно!», «да, чтобы они не попадали в подобные ситуации», ответы других - «не обязательно», «достаточно знать местные законы и правила этикета». Есть приверженцы нейтральной позиции: «их никто не обязывает - это скорее личное желание, чтобы удачно ассимилироваться на территории», «главное, чтоб культуру знали», «допускаю и нет и да, на усмотрение самих мигрантов», еще два респондента ответили так: «культуру должны изучать наравне с языком», «только в случае такой необходимости для региона». Таким образом, для местных жителей важно, чтоб мигранты соблюдали местные традиции и обычаи.

Большой интерес, фиксируемый при устных комментариях, вызвал вопрос о механизмах обеспечения соблюдения мигрантами местных традиций и культуры. В этом вопросе 10,3% затруднились с ответом и чуть меньше (8,3%) отметили, что ничего делать не нужно. Из ответивших 10,3% указали вариант «Достаточно раздать мигрантам информационные листовки», а 64%, или больше всех, указали - «Привлекать мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках, мероприятиях». Среди своих вариантов ответов (7% от общего числа) были респонденты, отметившие необходимость раздаточного материала и привлечения мигрантов к общественной жизни. Также были ответы, в которых респонденты предлагали «проводить принудительные

и обязательные лекции», «учить на въезде, экзаменовывать на знание», «проводить учебу», «проводить экзамены», «ввести обязательный экзамен», «зачет/экзамен», «информировать перед тем как выдавать рабочую визу», «пусть читают и смотрят новости», через миграционные центры», «заинтересовать во всем», «беседовать». Часть опрашиваемых заявляет: «в РФ этих мероприятий не так много», «коренному населению участвовать в общественной жизни». Один ответ носил негативный характер: «лучше, чтобы их не было (мигрантов иностранных)». Сам факт большого количества ответов свидетельствует о наличии дискурса у респондентов. В отношении информированности мигрантов о местных культурных нормах, получены следующие данные: 79,9% опрашиваемых считают, что информировать мигрантов необходимо. Затруднились с ответом 11,1%, а не видят в этом необходимости 8,3%. На вопрос «Нужно ли стремиться интегрировать мигрантов?» положительно ответили 68,8%, отрицательно – 20,1%, затруднились ответить 11,1%.

Если обратиться к результатам ответа на вопрос «Кто должен информировать иностранных мигрантов», то большинство респондентов (64,3%) указали, что этим должны заниматься общественные организации. Передать эти полномочия властям готовы 49%, затруднились ответить 9,3%. Респондентов, считающих, что ничего делать не нужно столько же, сколько давших свой вариант ответа – по 6,7%. Причем из собственных ответов можно сформировать несколько групп мнений. Часть респондентов считает, что заниматься информированием мигрантов о традициях и культуре России должны сами граждане – «местное население», «мы», «граждане», «принимающая сторона мигранта», «общество в целом». Другие нашли рациональным рекомендовать мигрантам самостоятельно осведомиться о традициях страны, в которую они едут: «самообразование», «сами должны что-то узнавать», «самостоятельно», «сами», «перед тем как ехать нужно учить традиции» «у иностранных мигрантов есть свои лидеры - они и должны еще», «должны сами узнать», «сами должны изучать», «они должны самостоятельно изучить, сдать экзамен, а потом приезжать», «сами

должны изучать ч/з интернет», «самостоятельное обучение», «интернет». Три мнения составили особую позицию: «пусть сдают зачет», «СМИ», «это естественный процесс». Таким образом, среди респондентов нет чётко сформулированного мнения, кто должен информировать мигрантов.

На вопрос «Должны ли миграционные центры информировать мигрантов о культуре России» 84,3% респондентов ответили положительно. Отрицательного мнения придерживаются 7%, а затруднились ответить 7,7%.

Так как рабочие мигранты в регионе достаточно распространённое явление, респондентам было предложено ответить на вопрос «Местные жители должны ли что-то знать о традициях и культуре мигрантов?». Больше половины (58,7%) считают «да». Отрицательно ответили на этот вопрос 75 человек или 25%. 11% затруднились с ответом. При ответе на вопрос о расширении знаний о традициях, языке и культуре мигрантов за последние несколько лет большинство респондентов (53,3%) ответили отрицательно. Отметим увеличение знаний в этой области только 32,7% опрошенных. Еще 13% затруднились дать ответ. В целом, как показывают данные, население настроено положительно (45,7%). Отрицательно к этому относятся 39,2% респондентов. А еще 12% затруднились ответить.

В анкете респондентам также требовалось указать, приходилось ли им в последний год испытывать к себе негативное отношение из-за языка, национальности или религии. На данный вопрос 79,7% респондентов ответили, что не испытывали ничего подобного, 9,2% затруднились с ответом, 2,6% испытывали негативное отношение из-за языка, 5,2% - из-за национальности и 1% - из-за религии.

В вопросе о том, как их должны воспринимать окружающие, респонденты показали наибольшую роль общегражданской идентичности. Так, 76,7% ответивших указали в анкете, что окружающие должны воспринимать их, в первую очередь, как гражданина России, а уже потом как представителя какой-то социальной группы. Для 10% важно, чтоб их воспринимали как представителя определенного региона, а для 9% - как предста-

вителя определенной национальности. В собственных вариантах ответов 4 участника опроса написали идентичный ответ «как человека». Два респондента хотят, чтобы их воспринимали «как индивидуальность, личность, человека в первую очередь», «как личность». Еще двое комбинируют ответы «как гражданина страны» и «как жителя отдельного региона». Для одного респондента мнение окружающих не имеет значения - «мне все равно как они меня воспринимают». Таким образом, вопрос об этнической идентичности для респондентов по значимости уступает как общегражданской, так и общечеловеческой идентичности. Для жителей Пермского края важнее ощущать свою гражданскую идентичность, нежели этническую.

Данные опроса демонстрируют, что население Пермского края довольно часто контактирует с мигрантами, при этом у большинства сформировалось нейтральное отношение к мигрантам и миграции, местные жители не считают данную тему актуальной. Большой процент вариантов «Затрудняюсь ответить» и «Нейтрально» свидетельствует о равнодушном отношении местного населения к приезжим трудовым мигрантам. При этом в среднем 8-10% воспринимают миграцию как негативное явление и видят в ней отрицательное влияние и последствия. Тревожен и тот факт, что количество тривиально настроенных к миграции респондентов выше, чем численность тех, кто воспринимает миграцию положительно. При дальнейшей поляризации нейтрально настроенных респондентов, таким образом, количество негативно настроенных к миграции жителей может начать расти быстрее. Вследствие этого возможно предположение, что СМИ и прочие медиа ресурсы могут оказать ключевое влияние при формировании отношения к мигрантам у населения, при этом влияние это может вызвать возникновение как положительного, так и отрицательного образа мигрантов.

Проблема выстраивания работы по формированию лояльного или сочувствующего отношения к мигрантам у местных жителей становится актуальной ввиду возникновения риска распространения среди жителей Пермского края идей отрицательного отношения к миграции и мигрантам. По результатам опро-

са видно, что местное население заинтересовано в культуре и языке мигрантов, что позволит посредством решения данной проблемы сделать процесс адаптации и интеграции мигрантов более продуктивным и бесконфликтным.

Регион проекта 5. Массовый опрос населения в Саратовской области

Целью исследования являлось изучение общественного мнения у населения региона о возможностях интеграции трудовых мигрантов, оценка миграционных устремлений местных жителей.

Исследование проводилось на территории Саратовской области в 1 квартале 2019 г. Выборка репрезентативная по полу и возрасту в соответствии с инструкцией для проведения массового опроса. Опрошено 300 человек, из них, согласно установленным квотам, 30 – это жители сельских поселений и 270 – горожане. Половозрастная структура соответствует данным переписи 2010 года и материалам текущего учета населения.

Опрос приводился в г. Балаково и сельских населенных пунктах Вольского муниципального района Саратовской области.

Исследование проводилось с использованием формализованного опроса методом «face-to-face» путем поквартирного и уличного опроса. Опрос проводили 7 подготовленных интервьюеров имеющих необходимую квалификацию и опыт, и прошедшие подготовку в рамках требований данного исследования. Поквартирные опросы указаны в маршрутных листах анкетеров. Уличные опросы проводились в местах массового скопления горожан (торговые центры, рынки).

Основная масса населения позитивно отнеслась к тематике исследования, посчитав его достаточно значимым и полезным. На некоторые вопросы, касающиеся оценки качества жизни, люди отвечали неохотно. Часть опрошенных боялась высказать свое негативное отношение к мигрантам и скрывала готовность выйти с акциями протеста против иностранных мигрантов.

Анкетеры столкнулись с тем, что некоторые респонденты, особенно молодые, с трудом вспоминали язык своих предков, говоря, что русский язык для них единственный родной, что, очевидно, соответствует текущим реалиям.

При опросе выяснилось, что население региона, как правило, не осведомлено о предстоящей переписи в 2020 году. Отвечая на вопрос о возможном участии в переписи, среднее и старшее поколение предпочитает личное общение с переписчиком (35%). Молодежь предпочитает репрезентацию через интернет (21%), либо по телефону(26%) При этом важно, что понимание необходимости переписи у старшего поколения является одним из ключевых, поскольку она определяет их социальный статус, возможности получения дополнительных государственных финансовых компенсаций. По данным обследования молодежь наоборот не ощущает значимости переписи.

Более половины опрошенных (56%) указали, что во время переписи нужно спрашивать людей какие языки они знают. В основном к этой группе опрашиваемых относятся люди среднего и старшего возраста. Но более трети (37%) считают, что вопрос о языке не существен – это представители молодого поколения, которые владеют не только государственным (русским) языком, но и международными (английский, немецкий, французский). Еще почти 10% респондентов либо затруднились с ответом, либо дали отдельную оценку.

Таким образом, проблематика лингвистической компетенции почти для половины опрошенных (54%) не является актуализированной, и применительно к изучению темы культурных барьеров и взаимоотношений с мигрантами это означает, что значение языка общения для современных жителей городов смещается в пользу более комфортного использования международных языков и других средств общения.

На вопрос о родном языке более 90% указали, что у них родной язык – русский. Остальные респонденты затруднились с ответом, чаще всего из-за того, что это представители смешанных семей, имеющие различные языковые практики.

Критериями оценки родного языка чаще всего выступали постоянный/привычный, тот, на котором говорю (25%), либо язык детства (29%). На третьем месте по оценкам респондентов (15%) стоит понимание родного языка как языка «своей» страны или региона. Государственный язык как родной отметили менее 2% респондентов. Однако почти равные показатели у группы «язык семьи» (6,8%) и язык народа/национальности (6,3%).

Почти 14% респондентов не дали определение родного языка, а просто указали что это - русский язык, и менее 1% указали на татарский язык.

Мы ожидаем, что в результате переписи доминирующим языком назовут государственный русский язык. Но не менее трети выберут региональные, либо территориальные языки. Факт языкового единства формирует соответствующее общественное отношение к мигрантам и предъявляет к ним требование знания государственного (русского) языка.

Вопрос о сути национальной принадлежности, по оценкам интервьюеров, вызвал у опрашиваемых бурную реакцию. Старшее поколение себя однозначно причисляет к государству, нивелируя этнические и конфессиональные особенности. Это объясняется исторической особенностью места проведения опроса. Балаково – город, сформированный управляемой советским государством миграционной политикой.

В то же время среднее поколение и молодежь соотносит национальность с понятием «народ». Таким образом, по мнению 20% респондентов «национальность» определяется государственно-политическим статусом, а подавляющее большинство (74%) считает национальность как принадлежность к народу, т.е. это культурная, кровнородственная и историческая связь. При этом, незначительная часть (4%) респондентов воздержались от ответа.

Вопросы инклюзии жителей в местное сообщество по признаку страны/территории исхода показали, что доминирующее большинство (75%) выступают за то, чтобы в ходе переписи спрашивали, откуда приехали люди. Это позволяет, с одной стороны, в процессе переписи артикулировать свою идентичность

(привязку к территории исхода), а с другой – на локальном уровне позволяет выстроить более прозрачные отношения внутри сообществ (дворов, микрорайонов и т.д.). «...*Да, я казах, но чувствую себя россиянином. Я мусульманин, и когда мы празднуем Навруз, все всё понимают...*»²⁹.

В этом контексте вопрос о том, что нужно иностранцу, чтобы его воспринимали россиянином, у респондентов вызвал неоднозначную реакцию. Почти треть (в прямом распределении – 46% респондентов считают, что для этого достаточно получить гражданство России. «...*а что еще нужно? У нас актеры, спортсмены – получают гражданство... что тут такого?*» (М. 32 г.).

Однако еще больше тех, кто требует от новоиспеченного россиянина хорошее знание русского языка (53%) и длительного проживания в России (40%). Характерны текстовые ответы в группе, давшие другой/особый ответ (6%). Здесь, чаще всего звучало выражение «...*чтобы стать россиянином, нужно родиться в России...*».

Не менее разноплановую оценку респонденты дали сегментам локальных трудовых рынков, где можно воспользоваться услугами трудовых мигрантов³⁰. Безусловным лидером этих сегментов выступают самые низкооплачиваемые и наименее востребованные у населения позиции. Почти 47% респондентов видят мигрантов на уборке и благоустройстве территорий, почти столько же (43%) - в качестве людей, работающих в магазинах и на рынках. На следующем месте по рейтингу востребованности стоит работа в общественном транспорте (24%) и в кафе, ресторанах, гостиницах (23%). При этом некоторые респонденты подчеркивают, что в кафе и ресторанах «...*их место у мойки, а не у барной стойки...*» (Ж., 42 г.).

Тем не менее, 17% респондентов отмечают готовность принять мигрантов в качестве сотрудников охраны жилья парковок и прочего, при этом отмечается, что это скорее связано с фактом

²⁹ Здесь и далее курсивом выделяется прямая речь респондентов.

³⁰ Респонденты понимают мигрантов исключительно по показам на ТВ и публикациям СМИ.

их территориальной привязки «...они там всегда на месте, они живут там, едят..., всегда есть если что с кого спросить...» (Ж., 41 г.).

Наименее приемлемыми для работы мигрантов местные жители видят оказание услуг по работе на дому (2%), и тем более им не могут доверить уход за близкими – детьми, больными и престарелыми (0%). Последнее весьма показательно. Мигрант, точнее его образ, несмотря на заявляемые респондентами позиции готовности принять «чужаков», остается образом неизвестным, а значит и потенциально опасным. Возможно, здесь играют роль современные масс-медиа, формирующие антимигрантский негатив на примере Европы, США, отчасти - России.

Мигрантофобия – достаточно ярко выражена, особенно в малых поселениях, где жители знают друг о друге «практически все». Появление новых людей в поселке или селе вызывает определенную тревожность, и в случае малейшего конфликта интересов может вызвать серьезные последствия (в Саратовской области это уже происходило в пос. Ровное, в с. Ивантеевка, г. Пугачёве).

При этом 11% опрошенных согласились с возможностью привлечения мигрантов для использования их труда в черновых работах на даче, приусадебном участке. Но часто звучала оговорка «...пусть работают, огород вскопать, камни перетаскать. Но под моим контролем...» (М., 26 л.).

Таким образом, почти 75% опрошенных прямо или косвенно пользуются или готовы воспользоваться услугами трудовых мигрантов, но необходимо отметить, что 16% опрошенных категорически против мигрантов в указанных сегментах рынка и еще 9% респондентов воздержались от прямых оценок.

В совокупности 25% респондентов прямо или косвенно не поддерживают идею использования мигрантов в реальном секторе экономики Саратовской области.

В данном контексте можно выдвинуть гипотезу, что в условиях стагнации регионального рынка труда, мигранты относительно часто выступают в качестве конкурентов, если не фактических, то потенциальных. При оценке влияния мигрантов на

трудоустройство граждан 11% респондентов отметили «негативное влияние». Однако столь однозначные оценки дают, как правило, люди, имеющие только среднее образование (среднего возраста), либо имеющие средне-специальное образование (ПТУ, техникум) и, как правило, работающие в относительно непрестижных сферах – строительство, пассажирские перевозки и др. При этом, 71% респондентов (работающих, среднего возраста и старше) отметили, что никакого влияния миграция на их трудоустройство не оказала. Другие 11% респондентов, в основном молодежь, еще не вступили в фазу активного трудоустройства и карьерных поисков, поэтому чаще всего отмечали затруднение с оценкой влияния.

В соответствии с предыдущим пунктом, оценка влияния миграции на уровень заработка выглядит коррелирующей. Нейтрально оценивают влияние миграции на свой доход 72%. Это группа, которая достаточно редко взаимодействует с мигрантами и в повседневной жизни для них мигранты «невидимы». Отрицательное влияние отметило 9,3% респондентов, как правило, старшего возраста, относимых к группе «работающие пенсионеры», поскольку именно они занимают рабочие «мигрантские ниши» - охрана парковок, уборка территорий около магазинов и проч. Положительную оценку дали лишь 3% опрошенных – как правило, это предприниматели, использующие наемный труд мигрантов в своем бизнесе. Затруднились с ответом почти 16% - как правило, это молодежь, не имеющая опыта конкурентных отношений на рынке труда.

Еще менее значимым оказалось влияние миграции на уровень здоровья респондентов. Несмотря на распространенный миф о том, что миграция среди негативных факторов влечет за собой всплеск различных заболеваний, 83% опрошенных утверждают, что лично для них не было никакого влияния. Лишь 4% отметили отрицательное влияние на свое здоровье и затруднились с ответом 10% респондентов.

В вопросах безопасности, отношение респондентов к мигрантам было более критичным. Транслируемая СМИ связь между миграцией, коррупцией и криминалом и террористически-

ми угрозами, очевидно, сыграла свою роль. Так, 17% опрошенных указали на отрицательное влияние миграции на собственную безопасность. Одним из ключевых аргументов здесь являлось *«...мы их не знаем. Они другие. Я их боюсь...Они говорят между собой не непонятном языке...»* (Ж., 54 г.). Несмотря на это, 73% опрошенных нейтрально оценивают влияние мигрантов на уровень собственной безопасности. Считаем, что это связано с эффектом «невидимости» мигрантов в повседневной жизни, а отрицательные стереотипы и фобии порождены ретрансляцией информации СМИ на уровне «сарафанного радио».

Как промежуточный итог можно отметить, что влияние трудовых мигрантов на местных жителей более 73% оценивают как нейтральное. Совокупные отрицательные оценки дали 11% опрошенных, и только 3% дали позитивную оценку. При этом почти 13% респондентов воздержались от каких-либо оценок. К последней группе относится часть молодых людей (18-25 лет) и лиц среднего возраста (48 и старше), имеющих собственный миграционный опыт, представления о необходимости адаптации и интеграции - *«...мы сами приехали из Архангельска на стройки. Начинали с общежития. Потом квартиру получили. Сейчас у нас уже внуки здесь...»* (Ж.72 г.), *«Я сам ездил на заработки в Москву и на Север. Это только работа...Просто деньги...»* (М, 25 л.).

Формирование образа мигранта у подавляющего большинства местного населения в настоящее время формируется под воздействием стереотипов, транслируемых СМИ. Поэтому, вполне ожидаемо, что представление о «мигранте» в первую очередь связано с криминалом (62%), и в гораздо меньшей степени – с культурным разнообразием (9%). Здесь важно отметить, что значительная часть молодежи и людей среднего поколения практически не смотрят регулярные новостные каналы, как федеральные, так и региональные (1-канал, вест-24, россия-2, ОТР и т.д.), предпочитая обмен новостями и сообщениями в социальных сетях («Одноклассники», в «Контакте» и др.), где регулярно распространяются непроверенные и попросту

вымышленные новости. На основе этих т.н. новостей у значительного числа жителей региона формируются чаще всего негативные представления о миграции и о мигрантах. На наш взгляд, отсутствие презентации в системе информирования позитивных практик взаимодействия между жителями сообществ и мигрантами – одна из «болевых» точек. Для многих опрошенных мигранты – это люди чуть ли не второго сорта, способные лишь к прислуживанию, но не воспринимаемые как равноправные члены общества. Важно, что любой, даже «бывший» мигрант, достигающий социального, политического, культурного и бизнес успеха, воспринимается местным («местечковым») сообществом как объект обструкции, осуждения, зависти.

Важным аспектом восприятия миграции местным населением, сформированным посредством СМИ, является информация о ситуации в Европе, Великобритании, США, где мигранты представлены как потенциальная угроза для населения, целостности социальных связей, уклада повседневной жизни.

Оценка влияния мигрантов на формирование местного ценообразования показывает, что влияние миграции на текущие цены никак не связывается местными жителями с мигрантами (68%), лишь незначительная часть респондентов (9%) указали на подобную связь. Но значительная часть опрошенных (22%) воздержались, либо уклонились от прямого ответа. Таким образом, можно отметить, что на региональном уровне между миграцией и ценами на продукты (особенно первой необходимости) корреляционных связей нет. Гораздо больше нареканий со стороны респондентов было в отношении роста тарифов на государственные услуги и качество предоставляемых услуг. Но потенциал недовольства по поводу мигрантов и цен, как показал «мнение» уклонившихся от ответа, имеется.

В отношении конкуренции за рабочие места между мигрантами и местными жителями почти половина опрошенных (52%) сошлись во мнении, что местные сами не хотят занимать некоторые рабочие места. Как правило, это относится к рабочим, малооплачиваемым специальностям (сварщики, бетонщики, уборщики и т.д.). Однако 16% респондентов высказали озабо-

ченность, что приезжие отнимают работу у местных жителей. К этой когорте относятся, в первую очередь, менеджеры среднего звена - имеющие средне-специальное, либо неполное высшее образование (бригадиры, начальники отделов и др.). Часть приезжающих из ближнего зарубежья (Казахстан) обладают большим набором компетенций и опыта (знание английского языка, профессиональные навыки, дисциплинированность и т.д.). Четверть опрошенных (24%) сошлись во мнении, что актуален ответ «и то и другое». Но, при анализе текстовых материалов, можно сделать вывод, что ключевым фактором подобных оценок является не реальное ощущение конкуренции, а психологические фобии, основанные на рассказах коллег, друзей, знакомых.

В подобном ключе респонденты оценивают уровень преступности, связанный с миграцией. Так, 21% респондентов убеждены, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. Однако официальная юридическая статистика (муниципальная, региональная) не подтверждает этот факт. Возможно, поэтому, 63,3% опрошенных указали, что нет особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности. *«...какая разница кто он – русский, армянин или таджик...если совершил преступление – преступник. При чем здесь мигрант или не мигрант...»* (Ж., 24 г.). Еще более 15% респондентов затруднились с ответом, так как, по их мнению, *«не знакомы с подобным вопросом»*, *«лично не сталкивались»*.

Не менее значимым является вопрос кросс-культурного взаимодействия и уважения местных традиций. Несмотря на декларируемую толерантность, более половины опрошенных (53%) отметили, что приезжие мало уважают местные традиции и обычаи. Как правило, это относится к группам «современных мигрантов» - выходцев из Южных республик Средней Азии, которые плохо знают русский язык и часто являются носителями сельского образа жизни. Особо отмечаются молодые выходцы из республик Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Осетия), которые «вырвались» из-под родового контроля и пытаются себя позиционировать *«взрослыми и способными на многое»* (М.,

22 г.). Конфликты между местными и молодыми приезжими были уже изложены в предыдущих исследованиях (громкая музыка, лезгинка на центральных площадях и т.д.). Не согласны с данной позицией 18,7% респондентов, полагая, что приезжие стремятся к взаимной интеграции, и возможно для них просто необходима поддержка локального сообщества. Почти треть (27%) воздержались от ответа, часто мотивируя это тем фактом, что *«...не знаю, не видел подобного, лично не сталкивался...»*.

Одним из ключевых критериев измерения социальной дистанции между местными и «пришлыми» является готовность на согласие общения и обучения между детьми из разных социальных сообществ/страт. Так 16% опрошенных относятся положительно к совместному обучению своих детей и детей мигрантов. Нейтральную позицию заняли 65% респондентов, отчасти аргументируя тем, что современная школа нивелирует все различия, как культурные, так и социальные. Негативно о совместном обучении высказались 14% опрошенных, которые относятся к средней возрастной когорте – это, в основном, женщины. Затруднились дать оценку 4% - представители молодежи, не имеющие своих детей, либо младших братьев и сестер (т.е. не имеющих навыков «наставничества»).

Несмотря на достаточно высокий уровень демонстративной мигрантофобии, высокий уровень социального протеста, лишь 8% респондентов готовы принять участие в пикетах или акциях против иностранных трудовых мигрантов. Большая часть опрошенных (62%) выступают против подобных публичных акций. Почти треть (28%) опрашиваемых затруднилось с ответом, мотивируя это тем, что *«...если меня лично это коснется, тогда может и пойду, а так – бессмысленно...»* (М.,32 г.)

Соответственно возникает вопрос о том, должны ли приезжие из других регионов России знать о местных традициях. При опросе респонденты, рассуждая о других регионах, и необходимости знать местные традиции и обычаи, практически единогласно указывали на российский северный Кавказ. По мнению опрошенных большая часть конфликтов происходит как раз между выходцами с Кавказа и местными, и практически никогда в

опросе не артикулировались конфликтные ситуации с выходцами с Севера, Дальнего Востока и Сибири. Тем не менее, 68% респондентов твердо уверены, что приезжие должны знать о местных традициях. Отрицательно на этот вопрос ответили 18% и дали нейтральную оценку (затруднились с ответом) – 13% респондентов.

В данном контексте важным видится понимание того кто должен информировать иностранных мигрантов о культуре России. По мнению респондентов в первую очередь этим должны заниматься общественные организации (61%) и уполномоченные органы власти (43%). При этом необходимо отметить, что в понимании респондентов общественные организации - это структуры, выполняющие роль представителей этнокультурных групп (НКА) и правозащитные организации. В отношении же органов власти – это, в первую очередь, органы местного самоуправления и представители миграционных центров (ранее – УФМС). Отметим, что почти 10% опрошенных заявили, что в отношении информирования мигрантов ничего не нужно делать, поскольку *«мигранты нам не нужны»* и *«если они едут сюда, то это их проблема, а не наша»*.

Соответственно, вопрос о способах информирования мигрантов также вызвал неоднозначную реакцию. Большинство опрошенных (57%) считают, что для быстрой адаптации мигрантов к современным российским реалиям, их необходимо привлекать к участию в общественной жизни, в праздниках, спортивных мероприятиях. Другая группа респондентов (17%) убеждены, что для информирования мигрантов о культуре России достаточно раздавать информационные буклеты и путеводители. А 12% респондентов считают, что вообще ничего не надо делать, артикулируя это тем, что «это их проблемы». Затруднились с ответом 13% опрошенных.

На вопрос о том, должны ли миграционные центры информировать иностранных мигрантов о культуре России, подавляющее число респондентов (73%) считают, что «должны». Отрицательно к этому подходу информирования отнеслись 16% и воздержались от ответа 10% респондентов.

Говоря о встречном движении в рамках интеграции со стороны местного населения к мигрантам, можно отметить следующее. Почти половина респондентов (43%) считают, что «в этом нет необходимости». С другой стороны, 39% опрошенных считают, что информировать местное население о традициях и культуре мигрантов необходимо. Затруднились с ответом 16% опрошенных. Можно сделать вывод, что, несмотря на достаточно консервативные взгляды населения на миграцию и иностранных трудовых мигрантов, существует значительный ресурс по интегративному движению со стороны местных жителей.

При этом благодаря отдельным организациям (чаще фольклорным), выставкам и отдельным мероприятиям на городском и региональном уровне 27% респондентов стали больше знать о традициях, языках и культуре мигрантов. Однако 56% респондентов отметили, что подобные усилия никак не повлияли на их знания о мигрантах.

Таким образом, можно отметить, что треть населения (33%) положительно настроены на интеграцию с мигрантами, но отрицательно - 49% опрошенных и затруднились с ответом - 16% респондентов.

Оценивая языковые компетенции респондентов, можно отметить следующее. Подавляющее большинство опрошенных (90%) в повседневном общении используют исключительно русский язык, остальные 10% - используют для общения либо иные национальные языки, либо европейские языки (английский, французский, немецкий).

Важно отметить, что 95% респондентов указали только один родной язык, 4% - указали два языка, и 0,3% - три родных языка и более.

При оценке распределения языковой структуры опрашиваемых было выявлено, что, несмотря на определённую билингвальность, 99% считают русский язык своим родным, на втором месте - 1,3% респондентов указали родным казахский язык, 0,7% респондентов указали родным армянский и столько же опрошенных указали азербайджанский язык.

На вопрос «Если вы не общаетесь с окружающими на родном языке, то по какой причине», 92% опрошенных уверенно отметили, что у них нет проблем в использовании родного языка. Однако 2% респондентов посетовали, что окружающие не знают их родного языка, и 0,3% - что они испытывают дискомфорт при использовании родного языка в публичном пространстве.

Оценивая уровень негатива по отношению к себе, 93% респондентов отметили, что никакого дискриминационного влияния не испытывали. Однако при этом 1% указал на негативное отношение из-за языка, и лишь 0,3% указали на ксенофобское отношение по признаку этничности. Еще 4% опрошенных затруднились с ответом.

При этом значительная часть респондентов (79%) предпочитает, чтобы их в повседневной жизни воспринимали как граждан Российской Федерации, 15% - как представителей отдельной национальности, 12% - как жителей определенного региона. Затруднились с ответом – 10% респондентов. Важно отметить, что часть респондентов указывала на множественную идентичность – *«я - гражданин России, житель области, казах»* (М., 42 г.)

При оценке текущего социально-экономического положения самих себя, респонденты высказались следующим образом. «В целом нормальное» материальное положение себя и своих семей оценивают 54%. В категорию лиц, оценивающих свое положение как хорошее, себя отнесли 11%. К тем, кто находится в затруднительно материальном положении, себя причислили пятая часть опрошенных (20%). К категории тех, кто находится в тяжелом положении, себя причислили 9% опрошенных. К последней группе, в первую очередь, относятся неработающие пенсионеры.

Вопросы дохода/заработка являются одними из ключевых для повседневной жизни жителей региона. Поэтому вопрос о рисках потери источника дохода для многих оказался достаточно болезненным. Когорту молодежи (студенты) и людей старше 70 лет вопросы потери работы мало интересуют (37%) – одни

живут на иждивении у родителей, другие – у государства. Тем не менее, 24% респондентов указали, что у них периодически возникает страх потерять работу – это, в основном, представители технической интеллигенции, сотрудники бюджетных учреждений. Из общего количества опрошенных можно выделить 28%, которые заявили, что не опасаются потерять работу. Сюда, в основном, входят предприниматели, старше-возрастные пенсионеры, и собственно – безработные.

Оценив ответы опрошенных, миграционные трафики респондентов можно оценить так. Подавляющее большинство (81%) проживают в пунктах опроса с рождения, 19% прибыли в регион из других регионов России (в основном, с Севера), а также бывших советских республик (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, страны Закавказья). Говоря о тех, кто проживает «с рождения», необходимо отметить, что в подавляющем большинстве - это второе и третье поколение родителей-мигрантов, прибывших в 1970-е гг. на всесоюзные ударные стройки в г. Балаково Саратовской области.

Во вторых, необходимо отметить тенденцию снижения миграционной активности населения. Если 5-7 лет назад желающих уехать в другую страну или другой регион России было более 35%, то в настоящее время фиксируется готовность уехать в другую страну на уровне 7,3%, а в другой регион – 15,3%. При этом основные направления в основном остаются неизменными – Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край.

Регион проекта 6. Массовый опрос населения в Тульской области

Массовый опрос проводился в Тульской области в 1 квартале 2019 г. в рамках исследования «Изучение общественного восприятия культурного многообразия, миграции и мигрантов» по методике Сети этнологического мониторинга. Согласно квоте, опрашивалось 300 местных жителей старше 18 лет. Целью

мониторинга была оценка конфликтного и интеграционного потенциала населения в сфере миграционных отношений.

Анкетами были студенты Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (12 чел.), которые предварительно прошли инструктаж. Анкетеры были ознакомлены с темой и целями опроса, правилами проведения, анкетами. Региональный руководитель предостерег их о возможных сложностях, которые могут возникнуть, и дал рекомендации по их преодолению. В частности, было разъяснено, что мигрант – это человек, сменивший место жительства, а не обязательно гастарбайтер. Дано пояснение по вопросу «что такое родной язык» (не указание конкретного языка, а его определение). Каждый анкетер получил индивидуальный номер и участки для проведения опроса. После сбора около половины анкет, выборка по полу и возрасту корректировалась региональным руководителем.

Помимо областного центра, опрос проводился в городах Щекино и Узловая. Эти города были выбраны как крупные промышленные центры и потому выступающие точками притяжения приезжих. Жители предместий опрашивались в поселках Шатск и Рассвет, расположенных недалеко от Тулы (10 км). Сейчас в этих поселках сфера занятости населения ограничена, поскольку бывшие градообразующие предприятия (станция «Подземгаз» в Шатске и птицефабрика в Рассвете) закрыты, поэтому местные жители трудоустраиваются в Туле. Маршрутный лист охватил 14 участков, из них 10 в Туле, в других населенных пунктах по 1. В Туле опрос проводился по улицам Кутузова, Кауля, Горького, Мира, Октябрьская, Ложевая, Болдина, Чмутова, проспектам Ленина, Красноармейский; в Щекино – по ул. Гагарина, в Узловой – Горького. Маршруты для анкетеров выбирались вблизи мест их проживания, они заходили в учреждения (магазины, парикмахерские, туристические агентства) и жилые дома. По словам анкетеров, отказы от участия в опросе были нечастыми. Причем большинство уклонялось сразу, ссылаясь на занятость. По полученной статистике, каждый четвертый отказался участвовать в анкетировании. Отмечались случаи,

когда сначала отказывались от участия в опросе, но видя, что коллеги/соседи заполнили анкеты, соглашались участвовать в процедуре. Таких в учреждениях было большинство, а в жилых домах – более половины. Большая часть анкет заполнялась в присутствии анкетеров, некоторые просили оставить анкеты и забрать заполненные в условленное время.

Респонденты по-разному отнеслись к тематике исследования. Большинство заинтересовались вопросами о предстоящей переписи населения. По словам анкетеров, туляки о ней вообще не были осведомлены. Но к вопросам по миграционной тематике отношение не было лояльным. Письменные комментарии в анкете отказались дать подавляющее большинство опрошенных. На словах большинство говорили про то, что слишком много вопросов про мигрантов. Многие сомневались в практической значимости опроса: «бессмыслица про мигрантов спрашивать», «что-то много им внимания уделяется», «толку от этих опросов никакого». Были и такие, которые интересовались, «уменьшится ли число мигрантов после анкетирования?». Больше всего люди интересовались, «для чего нужен опрос?», «что даст опрос?». Довольно массовым было сомнение анketируемых, что они могут дать правильные ответы: «Я не знаю как отвечать, меня это не касается»; «слишком серьезная тема, я не знаю, как правильно отвечать». После пояснения, что нужно узнать «ваше» мнение, а не проверять его правильность, респонденты соглашались участвовать. Три анкетера сказали, что некоторых респондентов тема мигрантов и миграции буквально пугала – люди опасались, что информация попадет «в органы» и их «вычислят» по месяцу и году рождения. Чаше так говорили мужчины, которых было гораздо сложнее уговорить поучаствовать в опросе. Респонденты под словом «мигранты» подразумевали приезжающих на заработки из государств Средней Азии и Кавказа, т.е. считали термин равнозначным «гастарбайтеры из ближнего зарубежья». Все анкетеры заметили, что у опрошиваемых не было другого понимания термина.

Половина анкетеров выразила сомнение в полной правдивости ответов на миграционную тему, поскольку анketируемые

давали как бы «правильные» ответы об отношении к мигрантам, произнося при этом обидные слова по отношению к приезжим из среднеазиатских государств – «чурки», «чуреки», «черномазые». Несколько человек упомянули наполовину в шутку, наполовину всерьез, что такой вопросник может привести к привлечению к небезызвестной уголовной статье 282 о возбуждении ненависти. Некоторые говорили: «Вы будете опрашивать, а потом меня посадят». Все анкетеры сказали, что многие высказали пожелание сократить анкету.

Помимо мигрантских вопросов, анкетеры обратили внимание на то, что при оценке материального положения некоторые опрашиваемые были склонны занижать уровень своего благополучия. Правда, в данном случае анкетеры руководствовались сугубо субъективной собственной оценкой. Многие опрашиваемые, по мнению анкетеров, стесались, мол, они «они народ простой, бедный». Многих этот вопрос возмущал «зачем кому-то надо знать, как я живу». Эмоциональную реакцию у анкетированных вызывал вопрос о том, нужно ли местным жителям знать культуру мигрантов.

Среди опрошенных оказались работающие, пенсионеры, учащиеся, домохозяйки. Около половины (48%) из них имеют высшее образование, более четверти (28%) – среднее специальное, 10% – среднее. Никто из респондентов не стал скрывать своей национальной принадлежности, 92% из них – русские, 3% – украинцы, по 1% – армяне и татары, 5% указали две национальности. Большинство респондентов (83%) позиционируют себя как граждане страны, при этом 18% считают, что окружающие должны их воспринимать как представителей определенной национальности, а 16% – как жителей региона. В целом у двух третей туляков определяющей выступает гражданская идентичность, у 14% – этническая и у 13% – региональная. Абсолютное большинство опрошенных (97%) проживают в Тульской области более 10 лет, а с рождения – 79%. Среди респондентов, переехавших в Тульскую область, 13% приехали из других регионов России, 8% – из стран ближнего зарубежья. Более четырех пятых опрошенных не планируют уезжать, задумы-

вающихся о смене места жительства не так много – всего 7%. Из них 4% хотят уехать в другой регион, а 3% – в другую страну. Не определившихся с переездом оказалось 9%. Такие данные позволяют говорить о том, что среднестатистический анкетиремый – это русский постоянный житель области с образованием не ниже среднего специального, не думающий о переезде.

Важной для темы опроса является социально-экономическая составляющая. Социальное самочувствие жителей Тульской области можно считать удовлетворительным. Более половины (60%) респондентов оценили свое материальное положение как хорошее (9%) и нормальное (51%). Примерно столько же туляков не боятся потери работы: у 30% опрошенных таких опасений не возникает никогда, у 28% – редко. Каждый десятый респондент определил свое материальное положение как тяжелое, а 27% – затруднительное. Затруднились ответить на этот вопрос 2%. Снижение уровня удовлетворенности является тревожным симптомом. Значительная часть (28%) респондентов оказались неработающими, это либо учащиеся, либо пенсионеры. Таким образом, более трети туляков не удовлетворены уровнем и качеством жизни. Что касается социального климата в этническом срезе, то подавляющее большинство (91%) не испытывали за последний год негативного отношения к себе из-за языка, национальности или религии, но 4% столкнулись с нетерпимостью по отношению к себе из-за национальности, 3% – из-за языка, 1% – из-за религии. Половина из тех, кто испытал подобного рода дискриминацию – русские, а половина указала двойную национальность.

Как отмечалось выше, участники опроса проявили заинтересованность к вопросам о предстоящей в 2020 г. переписи населения. Треть в будущей переписи пожелала отвечать по телефону без предъявления документов; каждый четвертый изъявил желания отвечать через интернет с предъявлением документов, каждый пятый – без предъявления документов либо переписчику дома, либо по телефону. Затруднились ответить на этот вопрос 2%, свои идеи выдвинул 1%, это пожелавшие сами посетить участок. Большинство опрошенных (60%) считают, что во

время переписи нужно спрашивать людей о знании ими языков. Но треть сочла вопрос о владении языками излишним и 4% затруднились ответить. Поскольку этот вопрос задавался в контексте не только переписи населения, но и наличия в нашей стране языкового разнообразия, можно предположить, что этноязыковая тематика интересует жителей региона. Респонденты дали разнообразные определения понятию «родной язык». Затруднились дать определение только 13% опрошенных. Каждый пятый считает, что это тот язык, «на котором говорю», столько же считают его языком детства, 15% связали родной язык с языком семьи и родственников, чуть меньше определили, что это язык, на котором думаю. Меньше всего оказалось тех, кто связал родной язык с государственным – менее 2%. С языком национальности это понятие связали менее 5% туляков.

Понятие «национальность» более трех четвертей респондентов (78%) понимают как принадлежность к народу, а не как гражданство. Таких, кто связал национальность с гражданством, существенно меньше – 19%. Как видим, только каждый пятый туляк разделяет представления о национальности как государственной принадлежности.

Следующий вопрос из блока про перепись касался необходимости спрашивать людей, откуда они приехали. Более 80% респондентов уверенно заявили, что нужно. Всего 17% сочли этот вопрос в переписном листе излишним. Затруднились дать ответ 2%. Это свидетельствует о том, что у подавляющего большинства туляков настроенное отношение к приезжим, а, значит, низкий потенциал толерантности. Их гражданское сознание не совсем готово к восприятию этнокультурного многообразия в лице приезжих. Ответы на следующий вопрос о том, были ли у опрашиваемых проблемы из-за того, что работающие иностранцы мало знают русский язык, показали, что только четвертая часть с такими сложностями сталкивалась; более двух третей туляков (69%) проблем не имела; затруднились ответить на вопрос 2%.

Распределение ответов на вопрос о том, что нужно иностранцу, чтобы его воспринимали россиянином, показало, что

больше половины респондентов проголосовали за «хорошо знать русский язык» и «много лет прожить в России». Таким образом, оказалось, что для половины жителей области языковые (а значит и культурные) различия людей выступают барьером при разделении на «своих» и «чужих». Формальный признак – получение гражданства РФ сочли достаточным меньше людей – 38%. Не ответили на этот вопрос 8% респондентов. Около 9% дали свои варианты ответов – предлагали для получения гражданства «соблюдать российские законы», «уважать правила российских социальных институтов», «уважать русский народ», «усвоить культурные особенности нашего общества». Были и такие, кто категорично заявил: «Иностранец не может быть россиянином» и «должен жить у себя на родине». Можно говорить о том, что над жителями области довлеет общая атмосфера неприятия гастарбайтеров. Без принятия специальных мер в обществе могут формироваться различные фобии и, как следствие – этническое и религиозное противостояние.

С 1970 г. численность населения в регионе постоянно сокращается, на протяжении многих лет отмечается превышение смертности над рождаемостью, среднегодовая убыль населения составляет более 1% в год. Основными причинами являются демографическое старение и выезд молодёжи за пределы региона, в основном в Москву, поскольку уровень заработной платы на тульских предприятиях молодёжь не удовлетворяет. В столице и Подмосковье в последние годы работают около 90-110 тысяч жителей Тульской области³¹. Для урегулирования демографического баланса возможны разные меры: рост рождаемости, привлечение переселенцев, сочетание того и другого. Нужно отметить, что в 2010 – 2017 гг. в области отмечалось положительное сальдо миграции, т.е. на постоянное место жительства приезжало больше людей, чем уезжало. В прошлом, 2018 г., ситуация изменилась – уехало на 11 чел. больше. Приезжают в регион на место постоянного жительства преимущественно русские из

³¹ 23 тысячи трудовых мигрантов выбрали Тульскую область // Тульская область. Бизнес-журнал. 2019. 28.02 (http://tula.business-magazine.online/fn_31914.html)

других регионов страны, небольшая часть – из стран СНГ по программе переселения соотечественников (преимущественно из Украины и государств Средней Азии). Помимо переселяющихся на постоянное место жительства, в область приезжают трудовые мигранты на временную работу.

Основной блок вопросов анкеты был посвящен миграции. Миграционные процессы волнуют туляков, как и российское общество в целом. Нужны или не нужны трудовые мигранты, как налаживать отношения местного населения с ними, как гастарбайтеры влияют на рынок труда, на уровень преступности – эти и другие вопросы обсуждаются политиками, чиновниками, журналистами, учеными. Естественно, затрагивают подобные проблемы и туляков, поскольку регион является одним из лидеров в Центральной России по числу мигрантов. Согласно данным Минтруда РФ и Росстата, к концу 2018 г. в Тульской области по патентам работало 20,5 тыс. иностранных граждан. Кроме них, 2,3 тыс. чел. трудились по персональным приглашениям. В совокупности это составило 3,7% от всей численности лиц, осуществляющих трудовую деятельность на территории региона (в области трудоустроено около 620-630 тыс. человек)³². Считается, что он входит в четверку субъектов ЦФО (столица, Подмосковье, Тульская и Калужская области), где в местной экономике трудится максимальное число иностранных граждан. Тем не менее, число приезжих гастарбайтеров в Тульской области в 4-5 раз меньше, чем туляков, работающих в столичном регионе. Несмотря на эти трудности, регион по-прежнему остается крупнейшим промышленным центром в ЦФО. Мигранты выполняют значительный объем работ, особенно в таких сферах как строительство, жилищно-коммунальное хозяйство, сельскохозяйственные работы. Это те сферы, где трудоустраиваются приезжие из среднеазиатских государств.

Распределение ответов на вопрос о том, какими услугами мигрантов пользуются сами респонденты, показало, что такие

³² 23 тысячи трудовых мигрантов выбрали Тульскую область // Тульская область. Бизнес-журнал. 2019. 28.02 (http://tula.business-magazine.online/fin_31914.html)

услуги особенно заметны в системе ЖКХ (уборка и благоустройство территории) – 26%, а также в торговле (рынки, магазины) – 19%, на общественном транспорте – 12%. К персональным услугам (уход за больными, работа по дому, на даче) прибегает только 7,5% туляков. Гораздо больше жителей области (71%) пользуются трудом приезжих в общественных местах, а услуги смешанного типа востребованы у пятой части опрошенных. Обратим внимание на то, что 16% опрошенных считают, что никакими услугами мигрантов они не пользуются. Но не заметить гастарбайтеров за уборкой дворов, улиц, рытьем траншей чрезвычайно сложно. Значит, эта часть туляков дистанцируется от приезжих, предпочитая их «не замечать».

В Тульской области на протяжении многих лет сохраняется определенный уровень безработицы. Так, в январе 2018 г. он составлял 0,54%, в январе 2019 г. – 0,46% или 3,7 тыс. чел.³³ Это только те, кто встал на учет в службу занятости. По оценкам специалистов, в области 30-35 тыс. человек не имеют постоянной работы и ищут ее.³⁴ В такой ситуации интерес представляют суждения респондентов о влиянии миграции на трудоустройство местных жителей. Более трех четвертей респондентов (78%) высказали мнение, что работа мигрантов никак не влияет на их трудоустройство. Немногим меньше (72%) сочли, что труд приезжих не оказывает никакого влияния на их заработную плату и другие доходы. Таких, для кого мигранты являются помехой при трудоустройстве, оказалось существенно меньше – всего 12%. Затруднились дать ответ 4%. Однако 16% опрошенных думают, что заработок мигрантов отрицательно повлиял на их доходы. И лишь некоторые отметили, что работа мигрантов положительно повлияла на их трудоустройство и заработок (соответственно 4% и 5%). Такие результаты опроса означают, что местные жители в принципе ничего не имеют против приезда мигрантов на заработки в Тульскую область. Примерно также

³³ Безработица в Тульской области в 2018 году осталась в пределах 0,5% // Интерфакс-Россия. 2019. 23.01 (<http://www.interfax-russia.ru/Center/main.asp?id=999226>)

³⁴ 23 тысячи трудовых мигрантов выбрали Тульскую область // Тульская область. Бизнес-журнал. 2019. 28.02. (http://tula.business-magazine.online/fn_31914.html)

распределились ответы туляков на вопрос о влиянии работы мигрантов на здоровье: 80% считают, что не было никакого влияния; 11% – полагают, что было отрицательное влияние и 5% заявили о положительном влиянии, а затруднились дать ответ 4%.

По воздействию мигрантов на безопасность местных жителей картина несколько острее. Хотя более половины (61%) думают, что приезд гастарбайтеров не сказывается на безопасности местных жителей, но более четверти респондентов (28%) видят в мигрантах угрозу своей безопасности. В опросе 2017 г. 34% опрошенных полагали, что мигранты чаще, чем местные жители, совершают преступления. Можно сказать, что существует тенденция к отходу туляков от стереотипа «мигранта-насильника», «мигранта-вора». Похожие итоги в распределении ответов на вопрос о влиянии цен на продукты: 81% туляков уверены, что цены с присутствием мигрантов никак не связаны, только 9% полагают, что из-за приезда мигрантов растут цены на продукты, и не ответили на данный вопрос 9%.

В целом в стереотипных суждениях местных жителей о приезжих преобладают нейтральные оценки – 73%. Отрицательных суждений существенно меньше, их высказали 17% опрошенных, а положительные дали только 3%. Нейтральные настроения по отношению к мигрантам распределились у респондентов примерно одинаково по сферам воздействия: занятость и здоровье – по 27%, доходы – 25%, безопасность – 21%. Среди положительных стереотипов преобладают суждения о позитивном влиянии мигрантов на здоровье (38%), затем идут занятость (30%), безопасность (20%) и доходы (13%). Состав отрицательных стереотипов оказался следующим: угроза безопасности – 41%, доходам местного населения – 24%, занятости – 18%, здоровью – 16%. Группировка результатов опроса по личностной оценке деятельности трудовых мигрантов позволяет конкретизировать нейтральную позицию большинства опрошенных. Более чем половину туляков (59%) характеризует нейтральное, отстраненное отношение к приезжим, 15% – относится к ним более нейтрально, чем отрицательно; 6% – более нейтрально, чем положительно. Женщины оказались более терпимыми в

оценке приезжих: нейтрально или неопределенно оценивают мигрантов 65% женщин и 51% мужчин. Каждый четвертый мужчина оценивает деятельность мигрантов отрицательно, среди женщин таких меньше – 16%.

В связи с безработицей в регионе особый интерес представляют мнения туляков о том, связан ли приезд мигрантов с уровнем безработицы. Около половины (46%) считают, что местные жители сами не хотят идти работать в те места, которые заняты гастарбайтерами, но 19% уверены, что приезжие отнимают работу у местных жителей, а 29% полагают, что в Тульской области присутствует то и другое.

Большинство, 71% опрошенных, согласилось с тем, что в СМИ преобладает информация о криминале мигрантов, и лишь 10% отметили, что чаще сталкиваются с материалами о культуре приезжих, а 15% респондентов уклонились от ответа на вопрос о характере информации в прессе и интернете. Это тревожный синдром, поскольку СМИ тиражируют сообщения о криминале. В большинстве это новости о незаконной регистрации гастарбайтеров, так называемых «резинových квартирах». Почти еженедельно в областных новостях сообщается о «нарушениях миграционного режима». Показательно, что такая информация размещается в рубриках «Дежурная часть», «Происшествия», что само по себе нацеливает зрителей (слушателей) и читателей на связь трудовых мигрантов с противоправными действиями. Помимо этого, формируются стереотипы о большом наплыве мигрантов в регион. Мнению о том, что мигранты чаще, по сравнению с местными жителями, совершают преступления, доверяет только четвертая часть туляков, 60% считают, что по уровню преступности различий между местными и приезжими нет. 13% не смогли определиться с мнением на этот счет.

Две трети опрошенных не склонны поддержать пикеты или акции против иностранных трудовых мигрантов. Это столько же, сколько было при опросах в 2015 и 2017 гг. Но активно выражают антимигрантские настроения 16% респондентов. Учитывая, что по данным Сети этномониторинга, средний много-

летняя «норма» конфликтного потенциала составляет 5-7%, настоящий опрос показал довольно заметный и устойчивый уровень конфликтности жителей Тульской области. При этом не определившихся в своих намерениях оказалось 14%.

Заметное присутствие рабочих-иностранцев на улицах городов области ставит проблему культурных и социальных барьеров с местным населением. Следует учесть, что 62% туляков считают, что приезжие мало уважают местные традиции и только треть местных жителей думает иначе (18% не согласились с этим мнением, а 16% затруднились с ответом). В то же время 88% опрошенных уверены, что трудовые мигранты должны знать местные традиции, а не согласились с таким мнением всего 8%. Меньше стало тех, кто отрицательно относится к идее осведомления мигрантов о культурных обычаях принимающего сообщества.

Такое распределение ответов показывает, что между местным населением и приезжающими мигрантами сохраняются культурные и языковые барьеры. За их преодоление высказалось 80% туляков, которые считают, что мигрантов нужно информировать о местных культурных нормах. Однако сами туляки не очень стремятся к знаниям культуры мигрантов – только 45% согласны с тем, что местные должны знакомиться с традициями приезжих, а 39% полагают, что этого не требуется и 7% затруднились с ответом. Таким образом, как принимающее сообщество, туляки не очень заинтересованы в познании привносимых культур и традиций. Ответы на вопрос о том, стали ли опрашиваемые больше знать о традициях, языке, культуре приезжих, показал, что треть туляков, по их мнению, расширили свою информированность, а 61% - нет. Совокупное распределение ответов на вопросы о традициях и культуре мигрантов показывает, что половина местных жителей вообще не настроены на интеграцию с мигрантами. Положительно к этой идее относятся 38% респондентов.

Относительно того, кто должен информировать иностранцев о местной культуре, мнения разделились. Половина туляков считают, что этим должны заниматься общественные

организации, а 43% настаивают на том, что этим должны заниматься власти. Среди 4% опрошенных, давших другой ответ, преобладало суждение, что мигранты «сами должны этим заниматься». Показательно, что более половины респондентов (54%) выступили сторонниками привлечения мигрантов к общественной деятельности (участию в праздниках, спортивных соревнованиях). Это сторонники интеграции мигрантов в местном сообществе. Каждый пятый туляк думает, что для информирования иностранных мигрантов о культуре России достаточно раздать листовки, 11% полагают, что ничего делать не нужно. Как видим, каждый третий туляк не настроен на интеграцию иностранцев. Но все же, можно говорить о том, что большинство туляков считают культурный барьер преодолимым. И хотя массовое сознание жителей области не характеризуется культурной открытостью и терпимостью к культурным различиям, по результатам мониторинга можно увидеть тенденцию к преодолению культурной дистанции.

После 2014 г. в Тульской области, как и в других регионах, появились миграционные центры, призванные помогать приезжающим в Россию иностранцам разобраться с миграционными правилами и с оформлением документов. Подавляющее большинство респондентов (88%) высказалось за то, чтобы такие центры информировали иностранных мигрантов также и о культуре России. Возразили против такой идеи лишь 8%. Это свидетельствует о стремлении местных жителей переложить решение вопросов адаптации и интеграции мигрантов на государственные органы.

Значимым показателем толерантности местных жителей по отношению к приезжим, является отношение к совместному обучению детей. Против такого обучения высказалась пятая часть опрошенных, чуть меньше (18%) отнеслись положительно к такой идее. Мы видим, что категоричные суждения «за/против» получили одинаковую поддержку. Большинство туляков (58%) нейтрально относится к совместному обучению своих детей с мигрантами. Пока в регионе трудовых мигрантов с детьми не так много. Нейтральную реакцию респондентов

можно объяснить, с одной стороны, отсутствием реального выбора при обучении своих детей – отдавать их в одну школу с детьми гастарбайтеров или нет. С другой стороны это свидетельство терпимого настроения по отношению к приезжим.

Результаты исследования свидетельствуют об актуальности тематики восприятия мигрантов и культурного многообразия в Тульской области. Можно говорить о некоторых изменениях в восприятии миграции и мигрантов местным сообществом. Опрос показал, что отношение жителей региона к трудовым мигрантам можно охарактеризовать как нейтральное. Так оценивают их деятельность лично для себя более половины туляков. Определенную роль в этом играет фактор «привыкания», поскольку ежедневно местные видят гастарбайтеров за работой. Заметна тенденция к формированию более законопослушного и лояльного образа мигранта, что находит отражение в позиции респондентов в ответах на вопрос об уровне мигрантской преступности. Еще один положительный сдвиг в общественном восприятии приезжих связан с низким уровнем опасений по поводу конкуренции с гастарбайтерами за рабочие места. Присутствие мигрантов на региональном рынке труда становится привычным и социально одобряемым. Можно говорить о том, что в сознании туляков присутствует тенденция к снижению мигрантофобии. Позитивный настрой по отношению к мигрантам не стоит переоценивать, поскольку он отчасти ситуативен. Нужно учитывать, что самооценка социального благополучия у туляков снизилась. Отношение к трудовым мигрантам может измениться. Немалую лепту в разжигание мигрантофобии вносят региональные СМИ, по-прежнему регулярно публикующие материалы о нарушениях гастарбайтерами миграционного законодательства в разных районах Тульской области.

Важнейшей составляющей мигрантской темы является вопросы адаптации и интеграции мигрантов в локальные сообщества. Это очень непростое дело, поскольку интеграция подразумевает движение с двух сторон, т.е. мигрантов и местных жителей. В данный момент к этому готовы 38% туляков. Для того, чтобы эти процессы протекали менее болезненно нужны специ-

альные программы. К их разработке и реализации необходимо привлекать общественные организации, местных предпринимателей и, конечно, самих мигрантов. Следует задействовать средства массовой информации для освещения и популяризации деятельности государственных органов и общественных организаций в сфере миграционной политики.

Важно качественное и регулярное информирование населения не только о проводимых в регионе мероприятиях по социокультурной адаптации мигрантов, но и о культурных отличиях мигрантов, а также самих мигрантов о культуре и традициях туляков. Местное население должно понимать, что миграция представляет собой не некую угрозу для страны, а является ресурсом для развития государства и региона. Важнейшим инструментом в процессе интеграции мигрантов в принимающем сообществе должна стать деятельность общественных организаций этнокультурной направленности.

О подходах нормативного закрепления этнологической экспертизы в части оценки интеграционных возможностей

Хотя понятие этнологической экспертизы определено Федеральным законом 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», остаются неясными цели такой экспертизы и отсутствует ее правовое оформление. На региональном уровне экспертные процедуры по собственному усмотрению применяются в Республике Саха (Якутия), Сахалинской области, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. При этом положение об этнологической экспертизе закреплено только в Якутии¹.

До настоящего времени этнологическая экспертиза применяется в редких (инициативных) случаях, ориентирована только на отдельные группы населения (коренные малочисленные народы Севера), что не соответствует общественным запросам, требованиям повышения эффективности государственной национальной политики в Российской Федерации, приоритетам и целям, определенным в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. N1666, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. N683, Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N808, Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. N

¹ Закон Республики Саха (Якутия) от 14.04.2010 № 537-IV № 820-3 «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)».

2403-р, основным мероприятиям Государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики", утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. N1532.

Надлежащее нормативное регулирование процедуры этнологической экспертизы на всей территории Российской Федерации было бы необходимой мерой при принятии управленческих решений в целях недопущения их негативного влияния на межнациональные отношения, исключения случаев нанесения невосполнимого урона этнокультурному наследию и традиционному образу жизни в тех регионах и ситуациях, где это необходимо местному населению.

Совершенствование законодательства об этнологической экспертизе с целью гарантирования прав и защиты интересов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока при промышленном освоении территорий в регионах их проживания и ведения традиционного образа жизни должно помочь расширить возможности внедрения института этнологической экспертизы при реализации хозяйственных, промышленных, культурно-образовательных и иных проектов, если такие проекты затрагивают этнокультурные интересы граждан, связанные с сохранением материального и нематериального наследия народов России.

В данном разделе кратко излагаются общие подходы формирования правовых условий процедуры этнологической экспертизы не только в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока, но также на всей территории и в интересах граждан Российской Федерации.

При разработке правовых документов следует учитывать особенности реализации этнологической экспертизы по предметам правового регулирования:

а). реализация прав коренных малочисленных народов Российской Федерации

б). обеспечение прав граждан Российской Федерации на этнокультурное наследие и развитие, сохранение самобытности, защиту от дискриминации по признакам культурных различий

в). предупреждение конфликтов на этнической и религиозной почве

г). реализация языковой политики и удовлетворение потребностей граждан в изучении языков народов Российской Федерации и этнокультурного наследия многонационального народа России

д). реализация миграционной политики.

В настоящее время понятие этнологической экспертизы применяется только в отраслевом законодательстве, касающемся коренных малочисленных народов Российской Федерации, поэтому у законодателей и части экспертов бытует мнение о необходимости «узкого» применения этнологической экспертизы, а именно – для целей поддержки коренных малочисленных народов. Однако этнологическая экспертиза, как важный инструмент государственной национальной политики, по своим потенциальным возможностям и на основе имеющихся научных разработок должна быть положена в основу механизма учета этнокультурных потребностей и интересов всех граждан Российской Федерации. Это диктует необходимость выхода за рамки отраслевого законодательства, перевода этнологической экспертизы в разряд мер государственного регулирования в защиту интересов любых категорий граждан.

Имеющаяся на сегодняшний день практика применения этнологической экспертизы действует в узком диапазоне. Она как правило, не касается этнокультурных, языковых и иных гуманитарных вопросов, не касается этнокультурного наследия, не касается проблем межнациональных отношений, а сводится к выявлению проблем традиционного природопользования. Как правило, в результате таких экспертиз стремятся узнать, в какой мере может быть затронуто хозяйство жителей Севера, если будет запущен тот или иной проект добычи/транспортировки полезных ископаемых или будут регламентированы охота и рыболовство. Однако выявляемые при этом экологические, санитар-

но-эпидемиологические и хозяйственные проблемы – это прерогатива экологической экспертизы (и др. видов экспертиз), и не следует одной экспертизой подменять другую. Зачастую потребность в этнологической экспертизе возникает там, где надлежащим образом исполнена экологическая экспертиза.

При решении вопросов, связанных с внедрением экономических проектов в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, требуется не одна экспертиза под названием «этнологическая», а различные экспертизы, соответствующие конкретной ситуации, либо комплекс таких экспертиз – экологической, санитарно-эпидемиологической, этнологической и иных. Положение о проведении комплекса (комплексных) экспертиз может быть предметом дальнейшего развития отраслевого законодательства о коренных малочисленных народах. Например, в целях повышения эффективности мероприятий по защите традиционного образа жизни и исконной среды коренных малочисленных народов и улучшения координации действий в этом направлении, может быть разработано нормативное положение о проведении комплексных экспертиз промышленных проектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации. Именно на основании комплекса экспертиз, а не одной какой-то экспертизы, возможны обоснованные заключения о размерах экономического и иного ущерба, необходимости и объемах соответствующих компенсаций и иных форм возмещения. Выводы только одной из экспертиз, включая этнологическую экспертизу, не могут автоматически рассматриваться как достаточные для принятия решений о компенсациях и возмещении.

Объектом этнологической экспертизы не является «народ», «этнос», какое-либо этническое сообщество или часть населения. Таковые являются объектом научных академических исследований, но не экспертизы. Однако этнологическая экспертиза, наряду со своими процедурами, может использовать (и использует) материалы научных исследований. Поскольку этноло-

гическая экспертиза оценивает возможные и фактические социально-культурные последствия внедряемых проектов и решений, объектами ее анализа являются именно эти проекты и решения, а в конечном итоге – проектная документация, технико-экономическое обоснование, планы реализации, заключения надзорных инстанций, материалы специальных исследований, заявления общественных организаций и граждан и проч. Проще говоря, объект этнологической экспертизы представляет собой совокупность документов, подлежащих анализу.

Цели, задачи, проблемы, вопросы, поставленные для анализа проектной документации составляют предмет этнологической экспертизы. Общая цель этнологической экспертизы – заблаговременное выявление рисков социально-культурного характера в результате внедряемого проекта/решения. Общей задачей этнологической экспертизы является выявление соответствия внедряемого проекта/решения определенным требованиям и показателям или согласованным (а в их отсутствии, научно обоснованным) требованиям и показателям. Применяемые процедуры этнологической экспертизы определяют меру отклонения последствий проекта от допустимых значений установленных показателей. Здесь «последствия» понимаются не как философская категория (такие как последствия для «этноса», «судеб народа и его культуры»), а как значение конкретных показателей и индикаторов, описывающих этнокультурную ситуацию. Например, экспертное заключение может звучать так: в результате внедрения проекта X, предусматривающего переселение граждан, численность носителей национального языка в таком-то населенном пункте сократится до уровня Y, который способен привести к исчезновению этого языка.

В гуманитарной и этнокультурной сфере нормы и предельно допустимые последствия могут быть установлены не с помощью сугубо технических показателей, а на основе консенсуса – прежде всего, в виде правовых нормативов, которые еще предстоит разработать по конкретным направлениям или видам этнологической экспертизы (см. далее). Частично нормативы и подходы к их разработке уже реализованы в рамках проектно-

программного регулирования в виде целевых индикаторов и показателей государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики" (утверждена Постановлением Правительство РФ от 29 декабря 2016 г. N1532) и др. Также к категории показателей, которыми уже руководствуется этнологическая экспертиза, следует отнести российскую практику нормативного утверждения реестров и перечней, например, «Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Перечень видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» (утверждены Распоряжением Правительство РФ от 8 мая 2009 года N631-р с последующими изменениями). Эти универсальные нормативные показатели предназначены для общих мер защиты этнокультурных интересов граждан. Например, может быть проведена экспертиза внедряемого проекта/решения на предмет того, будут ли, и в какой мере, затронуты места традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов, перечисленные в правительственном перечне.

Наряду с общими и универсальными, нормативные показатели могут быть региональными и местными, формируемыми в пределах определенных компетенций. Также показатели могут быть сформированы посредством государственных и общественных слушаний и различного рода частных соглашений (например, при наличии соглашения между родовой общиной коренных малочисленных народов и промышленниками этнологическая экспертиза способна выявить, в какой мере данное соглашение может оказаться нарушенным в результате внедрения промышленного проекта).

В зависимости от цели, предмета анализа, этнологическая экспертиза различается по видам. Вопросы сохранения языков, этнокультурного наследия, этнокультурного развития, а также вопросы межнациональных отношений (анализ рисков возникновения общественных конфликтов на этнической и религиозной почве) – требуют разных видов этнологической экспертизы.

Далеко не в каждом случае требуется этнологическая экспертиза во всех ее видах. Это необходимо учитывать при разработке правовых норм, регламентирующих обязательность проведения, сферу применения и регулятивную роль этнологической экспертизы.

При расплывчатом правовом определении существует ошибочное представление о этнологической экспертизе, как о «экспертных оценках», как о «экспертном мнении», основанном сугубо на личном опыте экспертов. Такое понимание возникает при вольной трактовке процедур этнологической экспертизы, приравнивание их к исследованиям, выполняемым научными коллективами по своему усмотрению и от того часто несопоставимых и малодоказательных.

Имеющееся определение в законе о гарантиях прав коренных малочисленных народов необходимо скорректировать. В законе дано следующее определение: «этнологическая экспертиза - научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса».

В действительности этнологическая экспертиза по своей сути намного уже, это прежде всего, оценка, а не исследование. Исследование в гуманитарной науке осуществляется по более свободным принципам и, как правило, не содержит однозначные выводы, тогда как оценка, лежащая в основе экспертизы, осуществляется по четким критериям, нормам и правилам. Доказательность крайне важна для экспертизы, поскольку служит основанием для принятия решений, в т.ч. судебных решений. Экспертиза может включать, а может и не включать исследовательские процедуры. Например, показатели сокращения или роста численности местных жителей благодаря внедрению проекта могут быть выявлены по данным государственного учета, и для этого не требуется специальных исследований.

Изучение влияния каких-либо факторов на «развитие этноса», как значится в законе, является крупной и долговременной задачей фундаментальной науки, а не экспертизы. Тем более, что в современном научном знании далеко не всеми признается

понятие «этнос», нет согласия между учеными о территориальных, культурных и иных «границах» между этническими сообществами. «Этносы», «этнические группы» и тому подобные термины являются условными академическими понятиями. В реальной жизни люди проживают не «этносомами» и «этническими сообществами», а семьями, соседскими группами (общинами и проч.), улицами, кварталами, сельскими, городскими поселениями, часто это поселения смешанного состава – по языку, культуре, национальности. Поэтому при проведении этнологической экспертизы учитываются нужды фактического населения.

Для понимания сути этнологической экспертизы и поиска наиболее адекватных определений необходимо иметь четкое представление, для чего она нужна. Сама по себе этнологическая экспертиза не может решить все этнокультурные проблемы, она лишь один из инструментов государственной национальной политики. Поэтому на этнологическую экспертизу не следует возлагать ответственность за «судьбу народа», даже, если народ крайне малочисленный. Назначение экспертизы – предоставить информацию о возможных последствиях в этнокультурной сфере, если будет реализован тот или иной проект. А «судьба народа», его «развитие» зависит от принимаемых решений, от активности самих граждан и множества других условий и факторов. Невозможно ожидать от экспертизы, что это будет масштабное «исследование» и исчерпывающие ответы на вопрос, как влияет изменяющаяся среда и общественная ситуация на «этнос». Более того, в цитируемом законодательном определении на экспертизу возлагается ответственность даже за «развитие этноса». Решение подобных задач непосильно для экспертизы; оно нереализуемо и в правовом отношении.

Назначение этнологической экспертизы заключается в том, чтобы выяснить, насколько конкретное решение или проект соответствует определенным требованиям, при которых граждане могут удовлетворять свои этнокультурные запросы. Эти требования устанавливаются в качестве нормативных критериев или могут быть ожидаемыми / очевидными. Например, является

очевидным, что завоз иноязычных трудовых мигрантов является рискованным мероприятием, если среди местного населения наблюдается высокий уровень безработицы. В этом случае вероятность конфликта на этнической почве резко возрастает. Однако задача экспертизы заключается не в том, чтобы определить вероятность этого конфликта (вероятность зависит от многих причин, а не только от притока мигрантов), но в том, чтобы обеспечить надежной информацией о нежелательном или даже опасном возрастании напряженности на рынке труда, отягощенной языковыми и культурными различиями занятого и незанятого населения. Используя конкретные, нормативно предусмотренные показатели, этнологическая экспертиза выявляет, в какой степени проявятся последствия. Аналогичным образом действуют других экспертизы. Например, санитарно-эпидемиологическая экспертиза выявляет превышение допустимого количества веществ в воде, почве или воздухе. Однако, чтобы ответить на вопрос, как именно изменившаяся санитарно-эпидемиологическая обстановка скажется на населении, требуется нечто большее, чем экспертиза – нужны специальные исследования, которые учтут возможности использования привозной или специально очищенной воды, будут учтены маятниковые миграции местных жителей, их покупательная способность и прочее. В данном случае санитарно-эпидемиологическая экспертиза является источником информации об исходных рисках.

Определение этнологической экспертизы должно исходить из понимания ее назначения и правовых условий реализации, т.е. как средства оценки принимаемых решений для заблаговременного выявления социально-культурных рисков на основании установленных нормативов. Предлагаем определение для научных целей: этнологическая экспертиза – оценка социально-культурных последствий намечаемой или внедряемой хозяйственной и иной деятельности. В правовых документах «оценка» могла бы быть конкретизирована как система принципов, требований, критериев, показателей и индикаторов.

Логическая схема законопроекта о нормативном регулировании этнологической экспертизы представляется следующей:

- Создается реестр объектов этнокультурного (этнографического) наследия Российской Федерации. При внесении объекта в реестр, указываются параметры объекта, требования его сохранности, виды экономической деятельности², подлежащие этнологической экспертизе в целях контроля сохранности данного объекта.

- Экспертизе подлежат проекты хозяйственной и иной деятельности, которые могут частично или полностью разрушить, сократить или переместить объект этнокультурного (этнографического) наследия. Объект экспертизы – проектная документация, в т.ч. проекты нормативных правовых актов.

- Проект подлежит обязательной этнологической экспертизе в случае, если реализуется на территории и с применением видов экономической деятельности, которые указаны в реестре для конкретных объектов этнокультурного (этнографического) наследия.

- Ответственность: без заключения этнологической экспертизы проект, подлежащий этнологической экспертизе, не может быть принят к рассмотрению и внедрению

- Процедура этнологической экспертизы заключается в проверке, отвечают ли сведения из заявленной проектной документации требованиям сохранности объекта этнокультурного наследия, указанным в реестре. В простых случаях экспертизу могут осуществлять сотрудники исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления. В самых простых случаях, или как предварительный этап, процедура экспертизы может быть автоматизирована и реализована для предпринимателей на интернет-портале госуслуг.

- Результаты этнологической экспертизы имеют уведомительный характер, однако является обязательным: опубликование результатов этнологической экспертизы в официальных средствах массовой информации до принятия решения о внедрении или отклонении заявленного проекта хозяйственной и иной дея-

² Согласно действующему Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД).

тельности, в отношении которого проведена данная экспертиза; приобщение результатов этнологической экспертизы к документам, на основании которых уполномоченный орган выносит решение о внедрении или отклонении заявленного проекта хозяйственной и иной деятельности, в отношении которого проведена данная экспертиза.

Соответственно правовое определение могло бы быть следующим: этнологическая экспертиза – процедура выявления соответствия намечаемой или внедряемой хозяйственной и иной деятельности требованиям сохранности объектов этнокультурного (этнографического) наследия. Объекты этнокультурного (этнографического) наследия – закрепляемое государственным реестром материальное (за исключением объектов культурного наследия, в отношении которых осуществляются специальные меры государственной охраны) и нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации. Единый государственный реестр объектов этнокультурного (этнографического) наследия – форма государственного учета объектов этнокультурного (этнографического) наследия, включающего требования сохранности этих объектов.

Создаваемый реестр не должен включать объекты, уже находящиеся под государственной охраной объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) в соответствии с Федеральным Законом от 25.06.02 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Следует также учесть, что часть объектов этнокультурного (этнографического) наследия не являются памятниками или предметами материальной культуры, они не могут быть причислены к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) и не подпадают под действие упомянутого Федерального Закона №73-ФЗ.

В отличие от памятников, для объектов этнокультурного (этнографического) наследия не будет предусматриваться режим государственной охраны. Инструментом сохранения/защиты таких объектов будут меры контроля хозяйственно-

го и иного воздействия, применяемые на основании выводов этнологической экспертизы о намечаемой и реализуемой хозяйственной и иной деятельности.

Целесообразно работу над правовым оформлением этнологической экспертизы спланировать в несколько этапов. Первый этап – правовое оформление и получение опыта правоприменительной практики этнологической экспертизы в местах проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. При этом определить типы объектов, для каких этнологическая экспертиза носит обязательный характер и для каких – рекомендательный характер. Второй этап – правовое оформление и получение опыта правоприменительной практики этнологической экспертизы рекомендательного характера для всей территории Российской Федерации. Третий этап – правовое оформление перечня объектов, для сохранения которых применение этнологической экспертизы является обязательным на всей территории Российской Федерации.

На современном этапе развития российского законодательства самостоятельный закон об этнологической экспертизе вряд ли возможен – до его появления требуется принятие других законодательных документов. Следует учесть, что в экологическом законодательстве закон об экологической экспертизе исходит из закона об охране окружающей природной среды. Аналогично таковым могло бы быть принятие федерального закона об основах государственной национальной политики, в котором содержались бы положения об этнологической экспертизе.

Однако, пока федерального закона об основах государственной национальной политики или аналогичного правового акта не существует. Поэтому проведение этнологической экспертизы может быть реализовано через систему отраслевых методических рекомендаций, а еще лучше – посредством правительственных правовых документов.

Разумным шагом было бы разработать проект постановления или решения Правительства РФ о перечне (или реестре) объектов, подлежащих этнологической экспертизе в условиях

хозяйственного, управленческого и иного воздействия. Документ логично продолжит действующую практику, а именно утвержденные правительством РФ Единый перечень КМН РФ, перечень КМНС РФ, перечень мест традиционного проживания КМН РФ, перечень видов традиционной хозяйственной деятельности. Это по сути и есть действующий, но пока не полный список объектов и критериев этнологической экспертизы. К тому же имеющиеся перечни ориентированы исключительно на коренные малочисленные народы. Список нужно расширить за счет введения реестра объектов этнокультурного (этнографического) наследия, включающего объекты материальной и духовной культуры, которые представляют собой общественную ценность с точки зрения региональной истории и культуры, составляют основу общности и самобытности российских регионов.

Реестр может быть создан по представлению соответствующих документов от субъектов Российской Федерации, общественных организаций, граждан. Решение о внесении нового объекта в реестр должен выносить уполномоченный орган государственной власти при соблюдении стандартных требований. Например, в требованиях может специально указываться, что объект вносится в единый государственный реестр, если не подлежит государственной охране как объект культурного наследия (памятник истории и культуры); если имеется научное обоснование выявления данного объекта, его основных свойств, местоположения или территории бытования; если объект не является причиной продолжающихся конфликтов на национальной или религиозной почве; если есть общественный запрос на сохранение и бережное обращение (это могут быть материалы общественных слушаний, обращение общественной организации в органы государственной власти и местного самоуправления, обращение общественной палаты любого уровня, материалы опроса общественного мнения). Очевидно, что должно быть официальное представление субъекта Российской Федерации на внесение рассматриваемого объекта в единый государственный реестр и предлагаемые меры по его защите (предложение по контролю хозяйственной и иной деятельности, затрагивающей объ-

ект). Важно также иметь отзыв Российской академии наук о целесообразности внесения в реестр указанных сведений. Соответствующий пакет методических рекомендаций по формированию реестра государственные органы должны разрабатывать при сотрудничестве с научными организациями.

Далее приводим пример предложений нормативного закрепления процедуры этнологической экспертизы при приеме мигрантов в Москве и Московской области.

1. Экспертиза воздействия миграционной ситуации (проекта) на социально-экономическую среду, социальную инфраструктуру и региональный рынок труда

В последние годы увеличивается число москвичей, опасаящихся потерять работу; со стороны местного населения высказывается недовольство тем, что мигранты занимают рабочие места, которые могли бы занимать местные жители, в первую очередь люди предпенсионного и пенсионного возраста. Москвичи пользуются, нередко вынужденно, услугами мигрантов в таких широко распространенных отраслях, как общепит, торговля, общественный транспорт, при этом имеются претензии к качеству таких услуг. Все это вызывает общественное напряжение в столичном регионе, причем у части местных жителей недовольство может проявляться в крайних формах в виде резких высказываниях, ссорах и спонтанных бытовых конфликтах. В этой связи необходима этнологическая экспертиза рынка труда и сферы услуг, что может быть реализовано в виде:

- принятия нормативного акта города Москвы об этнологической экспертизе использования труда иностранных мигрантов в отдельных видах экономической деятельности, в котором определены условия, методы и последствия экспертизы, а также регламентируется деятельность в рамках экспертизы, предусматривающая участие ученых, экспертов и представителей гражданского общества. Объектом экспертизы должны стать как федеральные нормативные акты, так и законодательство города Москвы в отношении трудовых мигрантов, например, постановление Правительства Российской Федерации от 14 ноября 2018

г. N 1365 г. "Об установлении на 2019 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности". В некоторых сферах экономической деятельности на 2019 г. данным постановлением снижена доля иностранных работников общей численности работников, в том числе и в строительстве. Однако, согласно постановлению, это не распространяется на Москву, в то время как именно в столице использование дешевой иностранной силы в строительстве превышает 80%, достигая иногда стопроцентной отметки.

Участие такого большого числа инокультурных мигрантов в строительстве многоквартирных домов и других крупных объектов, будет заметно для местного населения в прилегающих к стройке районах. Мигранты будут работать, жить и пользоваться социальной инфраструктурой на данной территории, что может вызвать дискомфорт и недовольство коренных жителей. С учетом того, что в столице очень большие объемы строительства, очевидно, что для столицы необходимо снижение квот на иностранных трудовых мигрантов в строительстве.

То же самое необходимо и в таких отраслях трудовой деятельности, как общественный транспорт, ЖКХ, общепит.

Результатом этнологической экспертизы нормативных актов об использовании иностранных трудовых мигрантов должно стать заключение о возможных негативных последствиях завышенных квот и рекомендации по оптимальному объему труда иностранцев.

- Работодатель при оформлении мигранта на работу обязан получить разрешение службы занятости населения. Это заключение, подтверждающее оправданность трудоустройства иностранца. Обратиться в службу занятости за разрешением на привлечение иностранного гражданина на работу работодатель может только после безуспешного поиска подходящих кандидатур среди коренных российских жителей. В этой связи полезна была бы этнологическая экспертиза писем от работодателей, которые организации должны предоставлять в службу занято-

сти, с обоснованиями необходимости привлечения иностранных работников с указанием причины, по которой работодатель хочет привлекать на свою работу иностранных граждан, и сведениями о проделанной работе в поиске российских специалистов (работников) на должности, которые согласно заявлению работодателя хочет заместить иностранными гражданами.

- внесения дополнений в действующее постановление Правительства РФ от 16.02.2008 N 87 (ред. от 17.09.2018) "О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию". Согласно постановлению, проектная документация на объекты капитального строительства производственного и непроизводственного назначения должна содержать данные о численности работников и их профессионально-квалификационном составе. Сюда следует включить требование предоставлять данные о долевом участии иностранных работников.

- внесения дополнений в действующие «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 25.12.2018) и Закон города Москвы N 28 от 25 июня 2008 года «Градостроительный кодекс города Москвы» (ред. Законов города Москвы от 08.06.2011 N 27, от 06.07.2011 N 32).

Градостроительный кодекс Российской Федерации предусматривает организацию и проведение государственной и негосударственной экспертизы, в первую очередь экологической, проектной документации целого ряда объектов (в исключительной экономической зоне Российской Федерации, на континентальном шельфе Российской Федерации, во внутренних морских водах, в территориальном море Российской Федерации, объектов обороны и безопасности, иных объектов, сведения о которых составляют государственную тайну, автомобильных дорог федерального значения, объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения (в случае, если при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности такого объекта) и др.). Целесообразно будет расширить рамки этой

экспертизы путем включения в нее этнологической экспертизы, а также включить в список территорий, на которых строительство объектов подлежит обязательной экспертизе, территории (субъекты РФ) со значительным риском негативного влияния миграционных процессов на социальную среду.

Согласно Градостроительному кодексу города Москвы, обязательная экспертиза проектной документации проводится в случаях и в порядке, установленным федеральным законодательством (т.е. Градостроительным кодексом РФ).

Для крупных строительных проектов Градостроительный кодекс Москвы предусматривает требование в составе проектной документации проектные решения и мероприятия, обеспечивающие на окружающих территориях благоприятное состояние среды жизнедеятельности в подготовительный период строительства, в основной период строительства, реконструкции, капитального ремонта объектов капитального строительства, в период выполнения работ по благоустройству территории после завершения строительства, в том числе обеспечивающие безопасность населения. Предлагается принять новый нормативный акт города Москвы о проведении этнологической экспертизы по выполнению требований по сохранению благоприятного состояния среды жизнедеятельности в этнокультурном аспекте при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства (после внесения требования предоставлять данные о долевом участии иностранных работников в постановление Правительства РФ "О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию"). Объектом этнологической экспертизы должна стать проектная документация. Результатом экспертизы будет являться заключение о соответствии (положительное заключение) или несоответствии (отрицательное заключение) проектной документации требованиям нового нормативного акта.

- проведения этнологической экспертизы по судебным запросам на основании исков о ненадлежащем качестве услуг транспортных компаний по общественным перевозкам, где трудится большое число мигрантов.

- проведение этнологической экспертизы в случае создания новых транспортных компаний. Объект экспертизы – бизнес план транспортной компании. Результат – положительное или отрицательное заключение о соотношении иностранных и российских работников в штате создаваемой компании.

- проведения этнологической экспертизы по судебным запросам на основании исков о ненадлежащем качестве услуг в кафе, ресторанах и других учреждениях общепита, в которых трудится большое число мигрантов.

2. Экспертиза воздействия миграционной ситуации (проекта) на социально-культурную среду населения региона

В последнее время основной претензией местного населения к мигрантам является неуважение последних к местным нормам поведения, традициям и культуре, что провоцирует негативное отношение к приезжим и, как следствие, дискомфорт у местного населения.

Для иноэтничных и инокультурных жителей региона существует проблема использования родного языка в иноязычной среде. А для местных – чувство дискомфорта, когда в их окружении звучит речь на нерусском языке. Более трети местных жителей сталкиваются с проблемами из-за того, что мигранты плохо знают русский язык.

Для москвичей характерно настороженное и негативное отношение к представителям ислама.

На интеграцию мигрантов настроено менее половины москвичей, почти столько же относятся к идее интеграции отрицательно, некоторые предпочитают вариант полной ассимиляции приезжих.

Следует проводить этнологическую экспертизу по перечисленным позициям: право на соблюдение культурных норм и традиций не в ущерб другим; языковая среда – возможности использования родного языка; религиозная среда; возможности и механизмы интеграции. Это может быть реализовано в виде:

- внесения дополнений в «Градостроительный кодекс Российской Федерации» Согласно пункту 6 Статьи 52 Градострои-

тельного кодекса РФ застройщик обязан обеспечивать безопасность работ для третьих лиц и окружающей среды, выполнение требований безопасности труда, сохранности объектов культурного наследия. Этот список следует дополнить обязательством застройщика обеспечивать сохранность социально-культурной среды.

- проведение этнологической экспертизы нормативных актов города Москвы в области государственной национальной политики. Объекты экспертизы – региональная стратегия государственной национальной политики, план мероприятий по реализации государственной национальной политики. Результат экспертизы – положительное или отрицательное заключение о предусмотренных мерах и мероприятиях по обеспечению этнокультурных прав и интересов граждан.

- проведение этнологической экспертизы на основании результатов общественных слушаний по вопросам создания этнических кафе, ресторанов и других учреждений общепита; религиозных объектов.

- проведение этнологической экспертизы внеурочной деятельности в школах в области этнокультурного образования. Объект экспертизы - рабочие программы внеурочной деятельности. Результат экспертизы – заключение о соответствии программ этнокультурным запросам учащихся и их родителей.

В настоящее время в Москве нормативное обеспечение, а также совещательные и иные мероприятия для данной сферы регулирования отсутствуют.

3. Экспертиза воздействия СМИ и иных информационных источников (проектов) на общественное мнение в сфере миграционных, межэтнических и религиозных отношений; воздействия миграционной ситуации на социальную безопасность и сферу межэтнического взаимодействия.

Большинство москвичей не воспринимают свой регион и страну в целом как многокультурную и поликонфессиональную. Немаловажным является факт, что для некоторых москвичей неуважение мигрантов к местным традициям означает то, что

они придерживаются своих традиций. СМИ продолжают формировать негативный образ мигранта, что отражается на общественном сознании.

Вследствие перечисленных выше факторов, а также факта, что москвичи, говоря об отрицательном влиянии мигрантов на социальную ситуацию, называют в первую очередь угрозу своей безопасности, следует оценивать психологическое самочувствие этнического большинства региона.

Несмотря на то, что этническая и языковая ситуация с точки зрения подавляющего большинства москвичей (являющихся русскими) комфортная, в последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа москвичей (русских и др.), сталкивающихся с негативным к себе отношением со стороны мигрантов, в первую очередь из-за национальности. В то же время увеличивается число иноэтничных и инокультурных жителей столицы, также испытывающих дискриминацию по национальному, языковому и религиозному признаку. Наблюдается тенденция к усилению недовольства местного населения мигрантами, которые соотносятся с определенными национальностями, и незначительному росту конфликтного потенциала.

В этой связи необходима этнологическая экспертиза влияния СМИ на формирование образа региона и страны в этнокультурном аспекте и положительного образа мигранта, а также следует проводить этнологическую экспертизу в области нарушения прав граждан по национальному, языковому и религиозному признаку, а также протестных настроений местного населения (этнического большинства). Это может быть реализовано в виде:

- этнологическая экспертиза медийного контента. Объекты экспертизы - бизнес-планы телепроектов, телевизионных каналов, телевизионного вещания. Результат экспертизы – заключение о достаточности/недостаточности материалов по формированию образа многокультурного региона, страны, положительного образа мигранта; о наличии/отсутствии материалов с признаками проявления ксенофобии, дискриминации по национальному, языковому и религиозному признаку.

- этнологическая экспертиза по судебным запросам телевизионных передач, статей в печатных и электронных изданиях на предмет формирования негативных общественных стереотипов в миграционных отношениях

- проведение этнологической экспертизы рабочих программ внеурочной деятельности в школах на предмет признаков национализма и мигрантофобии.

В настоящее время нормативное обеспечение, а также со-вещательные и иные мероприятия для данной сферы регулирования отсутствуют.

Рекомендации по предупреждению миграционных конфликтов

За последние годы количество трудовых мигрантов во многих регионах либо остается неизменным, либо снижается, и нет объективных предпосылок усиления социальных проблем в местах вселения, связанных с механическим притоком людей. Однако показатели общественного напряжения по поводу миграции, хотя и не являются острыми, за последние годы не снижаются. Это может вызывать удивление, если учесть, что мероприятия по социальной адаптации мигрантов осуществляются довольно активно. Однако практически не действуют и даже полностью отсутствуют механизмы интеграции. Само понятие интеграции исчезло из основного доктринального документа российской миграционной политики – принятой в 2018 г. новой Концепции миграционной политики. Очевидно, что необходимо не только вернуть сам термин, но и дать ему адекватное правовое определение, не превращая в синоним «адаптации».

Учитывая сокращающийся приток в Россию иностранных трудовых мигрантов, мероприятия по их целенаправленной интеграции в российском обществе должны стать действенным инструментом государственной миграционной политики. В соответствующих госпрограммах исполнение таких мероприятий необходимо контролировать целевыми показателями.

В настоящем проекте исследования проблем миграции показали, что у населения в регионах России преобладает нейтральное отношение к мигрантам. В то же время предубеждения против приезжих в массовом сознании присутствует. Большую, можно даже сказать ведущую, роль в формировании отношения к мигрантам играют СМИ. В публикациях с броскими заголовками часто говорится о правовых нарушениях миграционного законодательства, о регистрации в «резиновых квартирах». Хотя фиктивной регистрацией занимаются местные жители, подобная информация, распространяемая в виде шумихи через СМИ,

формирует у населения определенную установку на то, что противоправной деятельностью занимаются именно мигранты. Немалое количество респондентов готово, по их самооценке, поддерживать акции и пикеты против трудовых мигрантов, причем таких мнений оказалось больше, чем по прошлым многолетним наблюдениям Сети этномониторинга.

Результаты исследования показывают, что жители самых разных регионов России, вне зависимости от того, редко или часто контактируют с мигрантами, считают или нет миграционную тему актуальной, как правило, имеют довольно определенные и даже стереотипные отношения к мигрантам и миграции. При этом зачастую оценивают сходным образом иностранных трудовых мигрантов и приезжих из других российских регионов.

По результатам опроса видно, что местное население заинтересовано в культуре и языке мигрантов, что позволяет искать пути процесс адаптации и интеграции мигрантов на взаимовыгодной и бесконфликтной основе. Проблема мигрантофобии в настоящий момент менее выражена, чем несколько лет назад. На первый план общественных тревог в регионах выходят социально-экономические проблемы. Однако сумма показателей, отражающих настрой на общественное согласие в отношении интеграции, вмещает от четверти до половины отрицательных мнений. На основе исследования становится очевидным, что СМИ и прочие медиа ресурсы могут оказывать ключевое влияние на формирование отношения к мигрантам у местных жителей, при этом влияние это может способствовать как положительному, так и отрицательному образу мигрантов вне зависимости от реальной региональной обстановки.

Для улучшения ситуации и формирования мотивации местных жителей в российских регионах на интеграцию с трудовыми мигрантами и готовность принимать участие в соответствующих мероприятиях, необходимы следующие меры.

Необходимо сосредоточить усилия не только на адаптации и интеграции мигрантов, но и формировании бесконфликтного отношения к мигрантам со стороны местного населения и вла-

стей. Конфликтные возможности «групп риска» даже в условиях провинциального города наглядно продемонстрировали недавние события в г. Якутске. Наиболее эффективным инструментом выстраивания бесконфликтного отношения местного населения к мигрантами являются средства массовой информации. Также важную роль играет организация и проведение гражданских и патриотических мероприятий с активным вовлечением к участию мигрантского сообщества.

Следует учитывать, что наибольшее раздражение у местных жителей вызывает не факт присутствия мигрантов в региональной экономике и даже не занимаемые мигрантами рабочие места, а, как полагают многие, непонимание приезжими местных норм и традиций. Это воспринимается местными жителями как «неуважение». Проблема не так проста, как кажется. Возможно, полезным является обсуждение причин недовольства с участием лидеров и активистов общественных организаций мигрантов. Чрезвычайно важной в этой связи представляется проведение специальных исследований, имеющих целью выяснить причины недовольства местных жителей «поведением» мигрантов. Необходимо оценить, каковы возможные варианты предупреждения этого недовольства.

Желательно систематическое освещение в СМИ реальной ситуации о миграционных потоках в стране и регионах. Подчас жители крупных городов под влиянием случайной и обрывочной информации полагают, что приезжих чуть ли не столько же, сколько местных. Журналистам, освещающим миграционные сюжеты следует посещать пресс-конференции МВД России, а также для получения достоверной статистической информации периодически направлять запросы в управления по вопросам миграции данного ведомства. Необходимо проводить совместные с МВД встречи и представителей общественных организаций. Необходимо достоверно освещать мероприятия, направленные на адаптацию и интеграцию. Также необходимо расширить практику семинаров для работников СМИ по вопросам национальной и миграционной политики с целью улучшения каче-

ства освещения миграционной ситуации, межнациональных и религиозных отношений.

Следует задействовать средства массовой информации для освещения и популяризации деятельности государственных и общественных структур в сфере миграционной политики, адаптации и интеграции мигрантов. Важно качественное и регулярное информирование населения не только о проводимых в регионе мероприятиях по социокультурной адаптации мигрантов, но и о культурных особенностях мигрантов. Например, следует достоверно освещать и распространять информацию о семейно-бытовых традициях народов Средней Азии, их религиозных нормах, праздничной культуре. В еще большей мере необходимо информировать самих мигрантов о региональной культуре и традициях, о достопримечательностях, о символах и культурных брендах.

Благодаря деятельности СМИ, официальной информации от властей, наличию соответствующих мероприятий, местное население должно быть осведомлено о том, что миграция, при уместном государственном регулировании, адекватном государственно-общественном информировании и осуществлении интеграционных мероприятий, представляет собой не «угрозу» для страны (по типу европейского миграционного кризиса), а является весомым ресурсом развития России и ее регионов.

Необходимы мероприятия, направленные на преодоление у местных жителей чувства отстраненности от управления, отлученности от возможности влиять на решения, касающиеся их жизни на локальном уровне, заброшенности, лишения внимания властей, озабоченных лишь формальными экономическими показателями. Происходящие сегодня встречи с населением представителей локального управления проходят по инициативе властей и в выбранном ими формате. Необходимо чаще проводить встречи с населением на этапе формирования тех или иных решений для формирования у них чувства сопричастности принимаемой стратегии развития региона. Сегодня жители чувствуют себя объектом чьих-то решений. Это хорошо проявилось в отношении мигрантов, которых считают виновными во мно-

гих своих бедах, понимая, впрочем, что часто в основе их недовольства мигрантами – коррупция при приеме их на работу и неудовлетворительная организация их труда.

Необходимо уточнение ответственности за применение «языка вражды» в отношении мигрантов со стороны журналистов, государственных и муниципальных служащих. Необходимы действенные санкции за публичное использование формулировок, провоцирующих ксенофобию в отношении мигрантов, а также сопутствующую ей исламофобию в отношении российских мусульман.

Министерствам и ведомствам, регулирующим и контролирующим трудовую миграцию в регионах, следует работать на «опережающее» восприятие проявлений ксенофобии, которые при отсутствии профилактики и превентивных мер могут перерастать в реальные общественные конфликты.

Следует указать на необходимость дальнейшей активизации и дальнейшего совершенствования мер, направленных на помощь в адаптации и на стимулирование процесса интеграции трудовых мигрантов различных этнических групп в региональный социум. Информирование мигрантов о культурных особенностях «принимающей стороны», вовлечение их в общероссийские и местные мероприятия и праздники (День города, День России, разного рода этнокультурные фестивали с участием НКА, этнокультурных организаций, землячеств и т.д.), должны проводиться чаще, носить более последовательный и менее формальный характер, чем порой это имеет место быть. Кроме того, не стоит недооценивать потенциал традиционных конфессий, которые «опекают» мигрантов – например, исламская умма Мордовии оказывает поддержку тем же узбекским рабочим или учебным мигрантам-студентам из мусульманских стран афроазиатского мира, а Мордовская митрополия РПЦ – беженцам с Юго-Востока Украины. В этом плане вполне уместным представляется взаимодействие конфессий, этнокультурных организаций и госструктур, например, в форме совместных мероприятий, направленных на интеграцию мигрантов, создание для них психологически комфортных условий пребывания в республике,

на развитие экономической инфраструктуры которой они оказывают заметное влияние.

Весомый вклад в формирование культуры межэтнической и межконфессиональной толерантности, в первую очередь среди молодежи, призвана вносить и система среднего и высшего образования республики. Речь идет не только о многочисленных патриотических и культурно-массовых мероприятиях, которыми насыщена жизнь школ и вузов, но и о содержательной стороне образовательного процесса.

На регулярной основе проводить мониторинг социально-экономического положения жителей столицы с целью заблаговременного выявления роста активного протестного потенциала местного населения в отношении мигрантов и предупреждения конфликтов в сфере межэтнического взаимодействия.

Важно сформировать информационно более прозрачную и доступную среду поиска трудовых вакансий для местного населения, в особенности в отраслях, в которых активно заняты мигранты.

Необходимо установить систему приоритетов и стимулов в определенных секторах дифференцированно для региональных рынков труда пенсионерам и людям предпенсионного возраста. Сказанное не означает, что приоритеты и стимулы следует формировать именно в тех сферах приложения труда, где заняты мигранты.

Требуется неформальная, не ограничивающаяся фестивалями и конкурсами самодеятельности, совместная работа региональных и местных властей с землячествами, диаспорами и лидерами мигрантских сообществ по информированию мигрантов о культурных традициях и нормах, характерных для регионов России. Для этих целей необходимо создать систему регулярного взаимодействия муниципалитетов с общественными объединениями мигрантов и национальными общинами.

Необходимы мероприятия, направленные на преодоление у местных жителей чувства отстраненности от управления, отлученности от возможности влиять на решения, касающиеся их жизни на локальном уровне, заброшенности, лишения вни-

мания властей, озабоченных лишь формальными экономическими показателями. Происходящие сегодня встречи с населением представителей локального управления проходят по инициативе властей и в выбранном ими формате. Необходимо чаще проводить встречи с населением на этапе формирования тех или иных решений для формирования у них чувства сопричастности принимаемой стратегии развития региона. Сегодня жители чувствуют себя объектом чьих-то решений. Это хорошо проявилось в отношении мигрантов, которых считают виновными во многих своих бедах, понимая, впрочем, что часто в основе их недовольства мигрантами – коррупция при приеме их на работу и неудовлетворительная организация их труда.

Важно изменить информационную политику региональных СМИ в отношении тем, связанных с мигрантами и миграцией. Не ограничиваясь криминальной хроникой, важно публиковать материалы, которые на наглядных примерах (объекты, возведенные трудом иностранных трудовых мигрантов, учрежденные ими предприятия и т.д., обслуживаемые ими маршруты общественного транспорта и участки придомовых территории и т.д.) будут показывать участие иностранных мигрантов в развитии местной социально-экономической инфраструктуры. Как можно чаще нужно давать региональную сводку происшествий, показывая не пристрастно подобранное, а фактическое участие и мигрантов, и местных. Необходимо регулярно представлять ситуацию в сфере преступлений связанных с оборотом наркотиков и экстремистской деятельности в регионе. Подобная информация будет создавать у людей уверенность в способности правоохранителей осуществлять необходимые меры контроля и предупреждения угроз. Отсутствие этой информации порождает общественные чувства незащищенности и страхи в отношении «пришлых».

В случае присутствия рядом с жилыми кварталами объектов, на которых используется труд мигрантов, необходимо проводить для местных жителей специальные информационные мероприятия – устанавливать информационные стенды, проводить экскурсии для жителей на стройплощадку с объяснением

необходимости и сроков привлечения иностранных трудовых ресурсов, следует организовывать досуговое взаимодействие строителей и местных жителей, проводить совместные спортивные мероприятия и праздники. То же самое необходимо делать, если среди сотрудников управляющих компаний в сфере ЖКХ, транспорта, сферы общественного питания заняты иностранные трудовые мигранты. Для совместного обсуждения локальных вопросов следует проводить совместные собрания. Местное население не должно ощущать свою оторванность от событий, происходящих там, где они живут.

Важно создавать возможности для повседневного общения местных жителей и трудовых мигрантов, в частности, представлять дворников, работающих во дворе жителям этого двора, поощрять совместное проведение досуга в виде организации совместных праздничных столов к памятным датам, привлекать для этого старших по подъездам. Подобные практики заодно активизируют и самоорганизацию граждан на уровне отдельных домов и дворов и вне миграционной повестки.

Необходима организация благотворительных акций и телемарафонов и иных площадок в помощь нуждающимся семьям мигрантов, прежде всего, детям из таких семей.

На региональном и местном уровне следует разрабатывать меры (программу) по вовлечению мигрантов в общественную, культурную и спортивную жизнь. В качестве мероприятий по вовлечению мигрантов можно предложить совместную деятельность по проведению образовательно-культурных мероприятий. Это может быть создание и развитие временных общественных образовательно-культурных площадок на городской территории при поддержке лидеров мнения, деятелей культуры и медиа. Возможна совместная организация открытых уличных экспозиций и фотовыставок на тему миграции и культуры. Следует создавать центры культурных коммуникаций на базе городских библиотек, доступные и для всего населения, и для мигрантов. В таких центрах процесса изучения разговорного русского языка, правописания и культуры речи может объединять обе категории населения. Например, учащиеся старших классов и студенты

вузов, после соответствующего инструктажа, могут вовлекаться в работу в качестве тренеров разговорной речи. Требуется широкое информирование населения о возможности изучения русского языка, знакомство мигрантов с русской культурой, литературой, искусством;

При создании творческих студий, кружков, мастерских для занятий разными направлениями искусства следует предоставлять возможности волонтерского участия мигрантам, знающим национальные ремесла, танцы и др. виды занятий, представляющие интерес для общественных форм досуга. При организации ярмарок следует предусмотреть возможности участия «национальных» товаров также из регионов и государств, откуда прибыли мигранты.

Во время общегражданских праздников и в День города следует организовывать концерты с участием местных жителей и мигрантов, с привлечением молодежи, детей и подростков. То же – при организации спортивных игр. То же – при проведении экскурсий, фестивалей, конкурсов. Не следует проводить отдельные мероприятия, например, экскурсии, отдельно для детей мигрантов, как это, в частности, практикуется в Москве.

Сфера межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений также нуждается в дополнительном внимании. Следует отметить, что фактов религиозной нетерпимости в регионах исследования за последние годы не наблюдается. Однако рост популярности самых разных конфессий попутно может стать фактором риска конфликтов. В этой связи дальнейшее развитие государственно-конфессиональных отношений предлагается выстраивать в русле ценностей светского гражданского сообщества, где в одинаковой степени могут сосуществовать различные религиозные организации, если их идеи не противоречат закону и не имеют экстремистского характера.

Совместные действия различных конфессий не должны ограничиваться только официальными мероприятиями с участием духовенства. Было бы полезно перенести межконфессиональное взаимодействие на общинный уровень. Проведение совместных

мероприятий (хотя бы в виде совместных праздников, открытых уроков в воскресных школах, совместной помощи нуждающимся, благотворительных мероприятий) позволило бы развивать личные контакты и укреплять взаимное уважение.

Вопросы интеграции мигрантов должны найти свое отражение в нормативно-правовой базе на федеральном и региональном уровне. В настоящее время принцип интеграции, основанный на взаимности процесса социального и культурного приспособления, игнорируется, и это чревато общественными конфликтами. Необходимо внести в соответствующие программные документы изменения и дополнения, в том числе, необходимы дополнения в принятую в 2018 г. Концепцию государственной миграционной политики.

Следует создать единую региональную «горячую линию» для борьбы с коррупцией в миграционной сфере и разрешения экстренных ситуаций, которые могут возникать у мигрантов, или у местного населения в связи с мигрантами.

Важнейшим инструментом в процессе интеграции мигрантов в принимающем сообществе должна стать деятельность диаспор, землячеств. В общественных организациях нужно проводить работу по гармонизации межэтнических отношений, укреплению общероссийской идентичности, формированию норм ответственного социального поведения мигрантов.

Проблему адаптации мигрантов и интеграции в локальных сообществах проще решать через НКО, предоставляя им гранты и используя их как систему аутсорсинга. Например, НКО могут предложить услуги для обустройства мигрантов в виде социальных сервисов (поиск мест временного проживания, связь с родственниками и земляками, подбор консультантов по вопросам трудоустройства и др. темам). При этом, что особенно важно, пользование этими услугами должны быть доступны и местным жителям.

В Западных странах действует система лингвистической помощи, формируемая из волонтеров, знающих как местный язык, так и языки мигрантов. Аналогично в России необходима система языковой помощи, когда сотрудник полиции, МЧС,

скорой помощи, социальной защиты и др. служб может, нажав несколько клавиш на телефоне, получить доступ к квалифицированному переводчику.

Важно осуществлять регулярное информирование населения о тех сферах приложения труда, в которых востребованы трудовые мигранты, и о причинах, почему местное население не трудоустроено на этих рабочих местах. Достижение максимальной прозрачности в этом вопросе является важным средством профилактики должностных нарушений и предупреждения общественного напряжения. Для этого журналистам и общественникам необходимо направлять регулярные запросы в департаменты труда и занятости населения, в государственные и коммерческие агентства по трудоустройству, проводить встречи с работодателями, в частности с управляющими компаниями ЖКХ и ТСЖ, с сельхозпредприятиями.

Необходимы совместные усилия органов власти и общественных организаций по улучшению условий жизни и труда мигрантов и возможностей их адаптации в местном сообществе. Социальная адаптация предполагает наличие систематического информирования трудовых мигрантов о возможностях выбора легального места проживания и работы, условий бытового обустройства семей мигрантов, в том числе детей. Культурная адаптация предусматривает создание предпосылок лучшего освоения мигрантами и членами их семей русского языка, привлечение к совместным формам досуга местного населения и мигрантов.

Нужны скоординированные действия правоохранительных органов и органов власти не только по предотвращению правонарушений и преступлений со стороны мигрантов и против мигрантов, но и, что особенно важно, требуется профилактика подобных противоправных действий. При осуществлении проверочных мероприятий недопустимо, чтобы представители властных структур проявляли формы нетерпимости по отношению к трудовым мигрантам. Аморальность таких проявлений, очевидная сама по себе, если исходит от представителя власти, неизбежно становится ложным «примером» для разных категорий

населения, прежде всего, молодежи, и усиливает вероятность всплеск насилия и общественных конфликтов. При осуществлении проверочных мероприятий в отношении мигрантов необходимо участие представителей СМИ и общественности, включая представителей этнокультурных организаций. Результаты проверок должны быть представлены общественности, а не только накапливаться в ведомственных служебных докладах или просачиваться в СМИ в виде отдельно взятых негативных фактов, как, например, факты незаконной регистрации мигрантов и статистика о рейдах по выявлению нарушений миграционного законодательства.

Чрезвычайно важно приложить усилия по формированию более активного гражданского участия в реализации государственной миграционной политики. Региональные и местные власти могли бы целенаправленно поощрять общественные организации, прежде всего, национально-культурные автономии и организации патриотической направленности, к участию в реализации стратегии миграционной политики. Общественные и коммерческие организации по-прежнему не активны в данной сфере. Стимулирование их деятельности в сфере адаптации и интеграции мигрантов способно принести взаимовыгодный эффект в виде улучшения общей атмосферы миграционных отношений и появления новых направлений приложения труда для местного населения. Следует предусмотреть участие мигрантов в общественных акциях и важных массовых мероприятиях, посвященные важнейшим вехам истории, таким как День победы, День народного единства.

Нужно разработать программы по адаптации и интеграции мигрантов, к реализации которых необходимо привлечь не только общественников, но и местных предпринимателей, и организации самих мигрантов. Такие программы, доступные как для мигрантов, так и для местных жителей, должны включать тренинги с участием квалифицированных специалистов по обучению навыкам межкультурного взаимодействия.

Большой вклад в содействие культурному обмену, общению и повышению взаимного доверия местного населения и мигран-

тов могла бы внести образовательная среда. Совместное обучение детей с разным уровнем владения русским языком и разными культурными традициями содержит в себе большой интеграционный потенциал, позволяет адаптировать и детей мигрантов, и местных учащихся к социальным реалиям. Для этого следует вовлекать местных школьников и студентов в «шефскую» работу с приезжими новичками (предложить детям познакомить своих новых одноклассников, например, с «детской» развлекательной и спортивной инфраструктурой района, рассказать о календарных событиях, которые проводятся в школе и городе). В рамках внеклассной работы можно проводить мероприятия, знакомящие детей с культурой тех мест, откуда приехали новички. А, если позволяет уровень языковой подготовки, предложить детям мигрантов сделать презентации на эту тему. Возможно использование школы и вуза как площадки для организации изучения языков других российских регионов и соседних государств. Это будет способствовать накоплению у всех групп учащихся опыта взаимодействия в условиях культурных различий, созданию атмосферы доверия и равного участия.

В просветительские и образовательные программы, в том числе через систему волонтерства, распространять достоверную информацию с целью формирования у широких слоев населения, не только в среде молодежи, но и у лиц среднего и старшего возраста, образа России и ее регионов на основе многонациональности, многоконфессиональности и многоязычия.

Усовершенствовать и оптимизировать процесс инклюзивного обучения детей мигрантов в общеобразовательных школах, в том числе повысить квалификацию учителей, обучающих таких детей.

Осуществлять активную разъяснительную работу, ориентированную на родителей учащихся, о необходимости равного доступа к образованию.

Увеличить в федеральных и региональных СМИ количество информации о культурном многообразии страны и ее регионов. Желательно не ограничиваться в телевизионных познавательных и новостных программах освещением культуры только ка-

кой-либо одной национальности, а представлять реальное сочетание культур.

Преодолевать практику распространения материалов о преступности с привязкой (в том числе косвенной) к национальности, культуре, религии, языку.

Предоставить в федеральных и региональных СМИ возможность диалога местного населения и мигрантов (например, трансляция тематических передач с привлечением экспертов и мигрантов; о судьбах мигрантов; организация транслируемых встреч и дискуссий с участием мигрантов).

Расширить систему мероприятий по обучению мигрантов русскому языку и информированию их о местных культурных нормах и традициях. Для решения этой задачи активно привлекать неправительственный сектор (например, путем предоставления тематических грантов).

Необходимо использовать потенциал миграционных центров для донесения до мигрантов самой необходимой информации и навыков повседневного общения с местным населением. Спектр возможных мер здесь чрезвычайно широк: от раздачи специальных буклетов до проведения небольших мини-тренингов, в процессе которых мигрантам в ролевой форме показывают допустимые модели поведения в общественных местах. Даже в буклетах, направленных на первичную адаптацию мигрантов, должен быть отражен необходимый спектр информации, контактные данные об организациях, в т.ч. общественных, которые могут помочь в изучении языка, истории и культуры России. Такие брошюры могут содержать в доступной и наглядной форме (возможно, с вариантами картинок «правильно/неправильно») информацию о приемлемых вариантах поведения в общественных местах.

Необходима разработка единой системы информирования иностранных трудовых мигрантов о нормах, юридических правилах и культурных условиях пребывания в России. Данную информацию следует распространять через федеральные и региональные интернет-порталы, а также через российские представительства в государствах исхода мигрантов. К распростра-

нению такой информации также должны поощряться СМИ и общественные организации.

Представляется необходимым в процессе модернизации российского образования переработать учебники обществознания, истории, литературы таким образом, чтобы уточнить и, при необходимости, расширить разделы, связанные с этнической проблематикой и постсоветским пространством, уделять внимание изучению истории, культуры, обычаев народов, населяющих современную Россию и ближнее зарубежье. Не менее значимой представляется организация внеаудиторной работы со школьниками и студентами, проведение разного рода познавательных мероприятий (фестивалей, встреч, организации досуга), направленных на ознакомление приезжих с историко-культурным наследием России и ее регионов.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ (ПОСОБИЕ)

**Миграция и межнациональные отношения:
ресурс государственно-общественного партнерства
в России**

Авторский коллектив:

*Тишков В.А., Барышина Н.А., Кульбачевская О.Н., Мартыненко А.В.,
Мартынова Е.П., Мокин К.С., Подлесных О.Н., Савин И.С.,
Степанов В.В., Черных А.В.*

Подписано в печать 23.05.2019

Формат 60x84 ¹/₁₆

Усл.печ.л. 12,7

ИЭА РАН

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А